

ИРИНА ВЬРТОСУ

КРЫМСКИЙ АЛЬБОМ: ИСТОРИИ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

ИРИНА ВІРТОСУ

КРЫМСКИЙ АЛЬБОМ:

ИСТОРИИ
ПРАВООЩИТНИКОВ

УДК 342.72/.73(477.75-074)(092)

К82

Автор текста – *Ирина Выртосу.*

Редактор и автор идеи – *Татьяна Печончик.*

Фотограф-постановщик – *Валерия Мезенцева.*

Фотографы – *Николай Мирный, Ирина Крикля, Алексей Плиско,*
а также фото из личных архивов героев.

Расшифровка интервью – *Яна Хмелюк.*

Корректор – *Юлия Патлань.*

Дизайн и верстка – *Павел Резников.*

Выртосу И.

К82 Крымский альбом: истории правозащитников / И. Выртосу; ред. Т. Печончик; Центр информации по правам человека. – Киев, КБЦ, 2019. – 232 с.

ISBN 978-966-2403-14-5

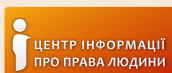
Данная книга содержит свидетельства и воспоминания крымских правозащитников, опыт их работы до и после оккупации. Она включает два десятка личных историй о прошлом, настоящем и будущем людей, которые, даже потеряв дом, продолжают борьбу в защиту прав человека в Крыму, а также тех, кто противостоит репрессиям, оставаясь в оккупации. Это истории Ольги Аношкиной, Эскендера Бариева, Михаила Батрака, Александры Дворецкой, Адебурешита Джеппарова, Лили Гемеджи, Сергея Зайца, Синавера Кадырова, Эмиля Курбединова, Алены Луневой, Романа Мартыновского, Руслана Нечипорука, Валентины Потаповой, Анны Рассамахиной, Дарьи Свиридовой, Ольги Скрипник и Виссариона Асеева, Ирины и Александра Седовых, Тамилы Ташевой, Марии Сулялиной и Владимира Чекрыгина. Публикация рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 342.72/.73(477.75-074)(092)

ISBN 978-966-2403-14-5

© Ирина Выртосу, 2019

© Центр информации по правам человека, 2019

Norwegian Ministry
of Foreign Affairs

Издание этой книги стало возможным при поддержке Фонда Домов прав человека (Осло, Норвегия) в рамках совместного проекта Центра информации по правам человека (член Крымского дома прав человека) и Дома прав человека – Загреб (Хорватия) «Защитники прав человека: стандарты, мемуары, свидетельства», который реализуется благодаря финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии. Взгляды, высказанные в этой публикации, принадлежат автору и могут не совпадать с позицией правительства Норвегии.

Содержание

Введение	5
Моя галерея. <i>Ирина Выртосу</i>	7
Чай на осеннем пляже. <i>Алена Лунева</i>	9
Морской канат. <i>Ольга Скрипник и Виссарион Асеев</i>	22
Отец. <i>Абдурешит Джеппаров</i>	36
Острый булыжник. <i>Михаил Батрак</i>	50
Прометей. <i>Эмиль Курбединов</i>	60
Заря. <i>Лиля Гемеджи</i>	69
Эрифия. <i>Александра Дворецкая</i>	81
Донкихоты. <i>Ирина и Александр Седовы</i>	92
Глыба. <i>Эскендер Бариев</i>	102
Диссидентка. <i>Мария Сулялина</i>	114
Наставница. <i>Валентина Потапова</i>	125
Заноза. <i>Руслан Нечипорук</i>	136
Не серый кардинал. <i>Сергей Заец</i>	147
Сценаристка. <i>Дарья Свиридова</i>	158
Дядя Рома. <i>Роман Мартыновский</i>	170
Паутинка. <i>Ольга Аношкина</i>	183
Эквилибристика. <i>Анна Рассамахина</i>	192
Крымский Бэнкси. <i>Владимир Чекрыгин</i>	200
Патриот. <i>Синавер Кадыров</i>	212
Голос. <i>Тамила Ташева</i>	221

Введение

Эта книга – о крымских правозащитниках, которым после захвата Крымского полуострова вооруженными силами Российской Федерации пришлось покинуть дом. Для многих из них отъезд, планируемый не дольше чем на три дня – неделю, длится вот уже пять лет. Но даже не находясь в Крыму, они помогают защищать права тех, кто остался на полуострове, и помогают внутренне перемещенным лицам.

Также эта книга о людях, которые до оккупации не занимались гражданской активностью, но с появлением в родном Крыму БТР и «зеленых человечков» не смогли оставаться безучастными. Так бывшие менеджер по продажам, пиар-консультант или сотрудник водолазной компании стали правозащитниками и включились в работу по сбору и документированию нарушений прав человека, информирование властей и международных организаций, чтобы преступления оккупационных властей не остались безнаказанными.

А еще эта книга о людях, которые остались в Крыму и, несмотря на угрозы и прессинг, продолжают правозащитную работу. Их борьба за права человека, а точнее – за людей, которых оккупационные власти преследуют за их взгляды или веру, – пример мужества, который многих вдохновляет присоединиться к правозащитному движению.

«Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, участвовать в мирной деятельности, направленной против нарушений прав человека и основных свобод», – говорит Декларация ООН о защите правозащитников¹. Исповедуя этот принцип, многие герои книги лишились дома, возможности видеть родных людей или же каждый день рискуют своей свободой и безопасностью, находясь в Крыму.

¹ Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. Принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 года.

Истории 22 правозащитников, приведенные в этой книге, базируются на их свидетельствах, воспоминаниях о прошлом, разговорах о настоящем, а также мыслях о будущем. Но это лишь часть мозаики сопротивления оккупации и борьбы в защиту прав человека в Крыму. Истории других людей, которые продолжают правозащитную деятельность в оккупации или имеют родных в Крыму, пока не могут быть обнародованы из-за рисков преследования, но мы надеемся, что придет время, когда и про них можно будет рассказать.

Мы также ждем освобождения правозащитников, находящихся в тюрьме по сфабрикованным обвинениям в «терроризме», которые принимали участие в работе Крымской контактной группы по правам человека и инициативы «Крымская солидарность» – Эмира-Усеина Куку, Сервера Мустафаева, Сейрана Салиева, а также гражданского журналиста Наримана Мемедеминова, равно как и других украинцев, находящихся в заключении в Российской Федерации и в оккупированном ею Крыму по политически мотивированным обвинениям.

В то время, как в 21 веке мир не смог противостоять новой вооруженной агрессии и попытке силового передела границ, не может защитить людей, оказавшихся в оккупации, каждый из героев нашей книги делает все возможное и невозможное, чтобы заставить работать неработающие механизмы и находить новые ответы на новые вызовы.

Несмотря на то, что после оккупации гражданское общество в Крыму было подавлено, разрушено и вытеснено за пределы полуострова, десятки новых инициатив, которые появляются там, несмотря на давление, и совместная солидарная работа правозащитников на материковой части Украины, а также за ее пределами, помогут добиться справедливости и выстоять. И тогда осуществится мечта многих героев этой книги и они смогут вернуться в родной Крым, а также работать там без страха преследований их и их близких.

Команда Центра информации по правам человека

Моя галерея

Ирина Виртосу

Однажды в гости ко мне заехал 8-летний племянник. Смышленный парнишка, но, как и многие современные дети, больше увлекается планшетом, чем чтением книг. Увидев, как я занята написанием книги, пытался мне не мешать, но это у него плохо получалось. Все время откладывал планшет и задавал тысячу вопросов.

- *Тетя Ира, а о чем твоя книга?*
- *О Крыме, об Украине. Мне бы хотелось, чтобы ты ее когда-нибудь прочитал.*
- *Она же о политике будет, сложная. Я, наверное, не пойму.*
- *Нет, не о политике. Эта книга о людях.*

И правда, готовясь к первым интервью с крымскими активистами и еще до конца не представляя, какая получится книга, я точно знала, что буду писать о людях. О настоящих, стоящих людей, порой уставших и разочаровавшихся, но несомненно сильных и способных на необычные поступки. Я уверена, именно такие люди вернут Крым.

Это книга основана на интервью-воспоминаниях 22 крымских правозащитников, опыте их борьбы до и после незаконной аннексии Крыма. Многим довелось покинуть Крым, когда его оккупировала Российская Федерация, и уже пять лет они не могут ступить на родную землю.

Безусловно, каждое интервью напоминает о боли, которую принесла оккупация. Но, несмотря на сложные пять лет борьбы, это время наполнено не только темными тонами. Я попыталась записать радостные, теплые воспоминания и даже отзвуки светлого смеха, а еще – нарисовать свой словесный портрет, какими увидела этих красивых людей. И

неожиданно для себя обнаружила, что собрала уникальную галерею крымских портретов. А сама книга напомнила мне пухлый альбом, где хранится что-то очень сокровенное: воспоминания, фотографии, открытки из Крыма, галька с набережной, ракушки, засушенные цветы, вобравшие в себя солнце и соленый ветер...

Во многом эту книгу дополнили фотографии Валерии Мезенцевой. Снимать крымчан ей было интересно и грустно: *«Когда работаю, я сосредотачиваюсь на свете, на эмоциях, на внешней оболочке человека и как он выглядит в кадре, а мой слух практически отключается. Но во время этих интервью часто опускала фотоаппарат и просто слушала героев – обычных людей, которые делали то, что считали правильным. Наши съемки проходили в абсолютно разных местах, но мне хотелось передать ощущение общения «один на один», когда сидишь ночью на кухне, теплый свет льется из-под абажура, тени падают на лицо и руки, которые сжимают чашку с уже остывшим чаем».*

От каждого из нас что-то зависит. Любое наше действие или бездействие приводит к глобальным последствиям. Как на фото, так и в жизни – не существует только черного или белого: есть множество полутонов и игра светотени. Это часто касается событий в Крыму и людей, которые связаны с полуостровом.

Каждая история моих героев и героинь особенная. Я старалась в тексте сохранить их откровенность и эмоции. Хотелось бы, чтобы, читая книгу, вы почувствовали силу этих людей.

Ирина Виртосу

Чай на осеннем пляже

Алена Лунева

Симферополь

ДОСЬЕ

Алена Лунева

ДО: Юрист Симферопольской приемной Сети правовых приемных Крыма.

ПОСЛЕ: Эксперт Мониторинговой миссии ООН по правам человека (Харьков), юрист «Восток-SOS», эксперт по адвокации Центра информации по правам человека. Покинула Крым в марте 2014 года.

МЕЧТАЕТ проехаться ялтинской трассой к своему морю.

“

Как же мне тогда не хватало в публичном пространстве четкого понимания: Крым – это Украина! Мне и до сих пор этого не хватает. Будто Крым сепарировали очень давно. Сейчас, к слову, это происходит и с Донбассом, когда говорят, что война где-то там, на Востоке... За много лет только недавние события² с принятием закона о военном положении впервые актуализировали вопрос, что война идет не в Донецке и не в Луганске. Война везде”

Алена Лунева

² Прим. авт. – Захват украинских моряков в Керченском заливе (на момент интервью, декабрь 2018 года).

Август, 2012 год. Дьюти-фри аэропорта «Борисполь».

«Мятный шоколад, тут обязательно должен быть мятный шоколад», – приговаривала Алена, просматривая полки сладостей. невысокая молодая девушка в очках, уверенная, настырная – она мне больше напоминала подростковую подругу с ночных дискотек, чем «серьезную правозащитницу».

В нашу первую встречу Алена сказала, что обожает мятный шоколад и марципаны. Для меня и то, и другое было сродни «панским причудам».

Нам предстояло лететь на десять дней в Казахстан мониторить судебные процессы по Жанаозену³... Кто бы мог подумать, что после этой поездки мы не только шутя будем называть друг друга «ветеранами Казахстана», но объездим пол-Крыма, побываем на Соловках⁴, будем

³ Жанаозен – город областного подчинения в Мангистауской области на западе Казахстана, где добывают нефть и газ. 16 декабря 2011 года после семи месяцев забастовки нефтяников на главной площади Жанаозена произошли массовые беспорядки с участием внутренних войск с применением оружия со стороны силовиков, что привело к гибели по крайней мере 15 протестующих. После этих событий произошли массовые аресты и начались судебные процессы.

⁴ Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН, «Соловки») – крупнейший в СССР концентрационный лагерь на территории Соловецких островов, действовавший в 1920—1930-х годах. Значительный процент заключенных составляли украинцы. Коммунистическая власть отправляла туда деятелей Украинской Народной Республики, воинов повстанческих отрядов, духовенство, представителей интеллигенции, партийных и государственных деятелей.

вытягивать друг друга из глубоких депрессий после расстрела протестующих на Майдане Независимости в Киеве и рыдать в первые секунды рождения моей дочери...

Благодаря этой чудной девушке (именно такой мне она показалась в первую нашу встречу) я успела узнать настоящий Крым. Не в тех рассказах шепотом про «страшных крымских татар», которые приехали «отбирать у русских землю», не в ужасном сервисе грязных маршруток, не в отсутствии свободного доступа к морю из-за дорогих пафосных отелей...

Алена мне показала свой, удивительный Крым: теплый после дождя, сладкий, как инжир, упавший под ноги с неба, бесстрашный, как ветер на Ай-Петри⁵, и уютный, как поездка по ялтинской трассе после моря домой. Именно она – одна из первых, кто из осколков-суждений о Крыме сумел легко и непринужденно показать настоящий Крым: да смотри же – это калейдоскоп, а не битые стекла! Так ее Крым стал и моим тоже.

Когда Российская Федерация начала операцию по захвату Крыма (но мы еще об этом не догадывались), я была у Алены в Симферополе. Мы вместе бывали на разных акциях, впитывали эмоции крымчан из маршруток и троллейбусов... А потом в ее уютном доме, где наконец-то чувствовали себя в безопасности, мы ели жареную картошку и смеялись над причудами ее трехлетнего сына.

Пять лет назад Алена Лунева работала в симферопольском отделении Сети правовых приемных Крыма⁶. Консультировала по вопросам мирных собраний и доступа к справедливому правосудию, говорила о домашнем насилии и смело приструнивала милиционеров, нарушавших законы. А еще была семья, родители, аспирантура, море, много инжира и рахат-лукума. То время словно застыло в сахарном сиропе.

Она и предположить не могла, что придется уезжать. Это же было так «неразумно»!

«Если все будут уезжать, то здесь никого не останется, – смотря мне в глаза, твердым голосом говорила Алена. – Много решений, связанных

⁵ Ай-Петри – гора в Крымских горах в составе массива Ай-Петринская яйла. Высота горы 1234 м.

⁶ Сеть правовых приемных Крыма оказывала бесплатную юридическую поддержку в Симферополе, Керчи, Алуште, Ялте, Джанное.

с нарушением прав человека, принимаются именно местными властями. Поэтому так важно влиять на решения на местном уровне – помогать тем, чьи права нарушены, отстаивать свою территорию свободы...».

До последнего дня в Крыму Лунева отстаивала территорию свободы. Более того, уезжая после так называемого «референдума»⁷, искренне считала, что это максимум на три месяца.

«На одной из акций (кажется, это было 19 марта) случилась моя точка невозврата. Помню, что мы цепляли фотографии к забору главка МВД. Тогда уже были похищены некоторые активисты⁸, и мы не знали, где они находятся. Нас было очень мало тогда. Многие, кто поддерживал территориальную целостность Украины, уже выехали. Люди боялись... После акции я пришла домой к папе, и он мне сказал: «Ален, тебе пора уезжать...», – будто прощался, будто уже все решено.

Именно он подтолкнул дочь решиться на этот шаг. Крымчанка купила билет и уехала. Успела вернуться только один раз. И вот уже пять лет, как ее не было дома. Сын Луневой оставался некоторое время в Симферополе с мужем и мамой, пока она искала работу и пыталась как-то устроиться на новом месте.

«Знаешь, тогда я толком даже не размышляла, а что же все-таки произошло в Крыму? Мы все были достаточно травмированы тем, что случилось на Майдане – расстрел сотни людей... Никак не ожидали еще одного удара. Но я очень точно помню, что чувствовала в

⁷ Незаконный референдум о статусе полуострова, который прошел в Крыму 16 марта 2014 года под контролем военных РФ, и дальнейшая аннексия Крыма Российской Федерацией не были признаны международным сообществом. 27 марта 2014 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция №68/262 о территориальной целостности Украины, которой подтверждена приверженность ООН суверенитету и территориальной целостности Украины в ее международно признанных границах. Европейские региональные организации также заявили, что не признают референдум и попытку аннексии Крыма. 21 марта 2014 года было принято заключение Венецианской комиссии, в котором «референдум» в Крыму был признан нелегитимным. В апреле 2014 года Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла решение приостановить право голоса делегации Российской Федерации.

⁸ Активная фаза оккупационных действий Российской Федерации на территории Крыма сопровождалась волной насильственных исчезновений, жертвами которых стали украинцы и крымские татары. По данным организации «Крым-SOS», весной 2014 года на территории Крыма было похищено 23 человека, из которых 19 человек – это проукраинские общественные активисты. 17 из 19 случаев похищений активистов прошли с 3 по 16 марта 2014 года. 5 человек, похищенные в этот период, до сих пор не найдены. Один похищенный – Решат Аметов – стал жертвой внесудебной казни: его тело со следами пыток было найдено 15 марта 2014 года возле поселка Земляничное в Крыму. По данным Крымской правозащитной группы, по состоянию на март 2019 года судьба 15 жертв насильственных исчезновений остается до сих пор неизвестной.

то время, когда приезжала в Киев. Меня захлестывали эмоции: люди тут живут себе мирной жизнью и словно не замечают войны в воздухе! Меня бесило, что все СМИ трубили: «на Крым напали», «в Крыму война», «в Крыму столкновение...». Да не на Крым – на Украину напали, война в Украине!», – вспоминает Алена Лунева.

Моя подруга смотрит мне в глаза и молча спрашивает: мы же никогда не жили во время войны, мы не знали, что такое оккупация и как нам действовать.

Алена Лунева стала частью харьковской команды Мониторинговой миссии ООН по правам человека⁹ в Украине. Ей хотелось работать именно по восточному региону: казалось, что, работая с Донецком и Луганском, она сможет предостеречь, объяснить, встряхнуть людей и их мысли – чтобы не повторился крымский сценарий.

⁹ Мониторинговая миссия ООН по правам человека (ММПЧУ) была размещена в Украине 14 марта 2014 года для мониторинга за соблюдением прав человека в Украине, подготовки отчетов и предоставления рекомендаций правительству Украины и другим субъектам по решению проблем в области прав человека. Несмотря на многочисленные попытки, за пять лет оккупации Крыма ММПЧУ так и не смогла получить от РФ доступ для работы на территории полуострова.

Митинг в Криму после разгона студентов на Майдане Независимости в Киеве 30 ноября. Симферополь, 2013 год

Крым. Начало оккупации. Март 2014 года

На пару лет работы в миссии Харьков стал ее вторым домом. Туда она приехала накануне попытки захвата облгосадминистрации 6 апреля 2014 года¹⁰. Вместе с коллегами мониторили мирные собрания и понимали, «*насколько они не мирные, насколько люди, которые на этих мирных акциях, не из Украины*». Она видела, как большими автобусами из Белгорода завозят людей.

Многое понять помогала Бранка Шесто – ее руководительница, наставница и друг. Бранка – сама хорватка, работала в ООН после начала войны на Балканах. Она очень много знала о том, что происходит во время войны. Именно Бранка Шесто отрезвляла Алену и других коллег, «предсказывая», что еще стоит ожидать.

«Она нередко повторяла, что наш конфликт не уникальный. Есть геополитический контекст. Но кто из нас изучал балканский опыт или опыт Грузии тогда? Кто знал, что такое гибридные войны?»

Когда можно завезти в Крым спецназ из России и при этом заявлять, что местные просто «купили форму в военторге»... Или делать бизнес на войне, торгуя гуманитарной помощью... Мы тогда этого не знали, а Бранка знала.

Как и то, что наша война затянется на 10-15 лет. Мы с коллегой Денисом Кобзиным съезжались от этих цифр, хотелось протестовать. Но позже поняли: Бранка была права. Ведь уже прошло 5 лет! Это даже дольше, чем немецко-советская война 1941-1945 годов, а она нам с детства казалась самой долгой и самой страшной», – говорит Алена совсем тихо.

Правозащитница неслучайно стала заниматься вопросами Донбасса – тут она все-таки могла оставаться более отстраненной, что нельзя сказать о Крыме...

Вспоминая о нем в очередной раз, Алена Лунева, которую я знаю как сильную, уверенную, расплакалась. Второй раз в жизни я увидела, как она плакала о Крыме.

¹⁰ 6—7 апреля 2014 года была предпринята неудачная попытка захвата здания Харьковской областной государственной администрации и провозглашения так называемой «Харьковской народной республики». С середины лета 2014 года в ходе вооружённого конфликта на Донбассе, на территории соседней Харьковской области была совершена серия терактов и диверсий, преимущественно против военных объектов и активистов, поддерживающих территориальную целостность Украины.

Алена внутри себя словно плотину строит, заглушая боль и страх за сына, за очень близких ей людей. Но достаточно почувствовать себя в безопасности, как искренний разговор о Крыме выводил ее из состояния равновесия... Плотину прорывало слезами.

«Первое время и потом было сложно без поддержки семьи... Когда я покидала Крым, моя младшая сестренка была на 8-м месяце беременности. Я... я не видела, как родилась Яся...», – Алена и вовсе замолчала... «Стало легче, когда родные начали ко мне приезжать – мама, сестра... С папой я до сих пор общаюсь только по скайпу.

В моей Facebook-ленте достаточно много людей, которые живут в Симферополе, я от них не отписываюсь. Важно не терять связь с родным городом, но когда вижу, как он меняется, – сердце ноет. Это... как когда чужие люди делают ремонт в твоём доме. Недавно видела дом своей подруги, это возле моста через Салгир¹¹. Был небольшой кусочек аккуратного перехода, деревья и клумбы с цветами – все теперь закатали в асфальт.

Но что больше всего удивляет: как люди, которые здраво мыслят, учились вместе со мной на философском факультете, совсем неглупые, мои ровесники – так тоскуют по Советскому Союзу, России, хотя никогда там и не жили. После так называемого «референдума» они постили фотографии в соцсетях: «Наконец-то пришла весна, пришла Россия». Откуда такая любовь к РФ?

Только недавно начали открываться сведения, цифры, сколько Россия потратила на пропаганду в Крыму, как много-много лет подготавливала почву, поддерживала связь Крыма и Российской Федерации. В отличие от материковой Украины.

Обиднее всего, наверно, было в 2014 году. В Крыму был свой Евро-майdan, не такой многочисленный, но он был – живой, украинский. А потом появились эти «зеленые человечки», «казаки», а мне из Киева писали: «Что ж вы там не отстояли Крым». В ответ – я приглашала приезжать, обещала накормить жареной картошкой...», – Алена замолчала, а потом как-то тяжело продолжила: «В Киеве Майdan отстояли... не киевляне. Это важно сказать. Майdan отстояла вся

¹¹ Салгир – самая длинная река Крыма. Длина русла – 232 км. Берёт начало на склонах Чатыр-Дага от слияния рек Ангарты и Кизилкобинки, впадает в залив Сиваш. Около города Симферополь образует водохранилище.

Украина! Нужно понимать, что в столице не было войск иностранного государства, а в Крыму были. Поэтому обвинять, что крымчане не смогли защитить свою землю, цинично и несправедливо. А такие обвинения звучат до сих пор».

...Ее кофе уже остыл, когда она начала рассказывать о своей работе в «Восток-SOS»¹². Оказавшись по ту сторону оккупации, Алена Лунева около трех лет сопровождала горячую линию – сначала переместившейся из Симферополя правовой приемной, а потом и инициативы «Восток-SOS». Девушка была на связи с теми, кто, как и она, очутился в беде. А вопросов тьма: и самые очевидные, на которые государство должно было дать простые и быстрые ответы, чтобы поддержать своих граждан в трудную минуту, – это документы. Как вклеить фотографию в паспорт, что с украинским гражданством, если страна-оккупант заставляет отказаться от него¹³, как быть с умершими родственниками или с документами для новорожденных...

С первыми боевыми действиями на востоке Украины появились совершенно другие вызовы: где найти убежище, куда бежать, дом разрушен – что делать?

Консультируя по телефону, Алена не только не теряла связь с профессией, но – что для нее важнее – могла помогать людям. Это давало ей силы жить дальше.

«Но когда ты в 150-ый раз сказала: «Если вам не выплачивают пенсию, нужно идти в суд», и ты понимаешь, что бабушка на краю земли, где идут боевые действия, и ни в какой суд не обратится, нужно найти в себе смелость признать: необходимы стратегические изменения.

¹² Гражданская инициатива «Восток-SOS» была создана 5 мая 2014 года на базе Правозащитного центра «Поступ», функционировавшего до этого в г. Луганск, к инициативе подключилась Общественная организация «Крымский правозащитный центр «Действие», члены которой также вынуждены были покинуть территорию оккупированного Крыма. Оказавшись в зоне высокого риска, активисты были вынуждены переехать в Киев, где при помощи нескольких организаций и частных лиц открыли координационный центр помощи жителям востока Украины.

¹³ В процессе оккупации и последующей незаконной аннексии Крымского полуострова Российская Федерация объявила всех украинских граждан, проживавших в Крыму, своими подданными. Крымчане могли попытаться в течение короткого промежутка времени (фактически – 18 дней) подать заявление «о желании сохранить гражданство Украины» в один из четырех пунктов приема таких заявлений в Крыму. В этом случае они становились иностранцами у себя дома и были серьезно ограничены в правах.

Мне казалось, что в Киеве у меня будет больше возможности влиять на государство. Важно присутствовать на встречах, важно уметь вовремя дать правовой анализ, выйти в СМИ – и тогда пенсия не будет «случайной» в ряде других государственных вопросов, а станет тем вопросом, на который Украина обязана обратить внимание», – объясняет она свой выбор переехать в столицу и вплотную заняться юридическим направлением в «Восток-SOS». Правозащитница была убеждена, что именно тут она будет полезнее, а значит это ее место. Сказав мысленно Бранке «спасибо», она сняла бейдж сотрудницы ООН.

...Я знаю Алену как человека, который любит смеяться, – много и звонко. Невозможно не отдаться власти ее смеха и вместе с ней не излучать эту энергию свободы. После оккупации Алена не разучилась смеяться, но я слышу смех значительно реже. Но рыдать в трубку – это тоже не к ней. Ее задача – искать правильные решения, побуждать человека действовать.

Лунева убеждена: ее ответственность – обязательно пытаться снова и снова менять государственную систему, которая сама по себе меняться не хочет.

«Людей, которые пострадали от войны, миллионы. Подумать только – мил-ли-о-ны. У меня в голове не укладывается эта цифра. Чаще всего мы упоминаем миллион пятьсот тысяч переселенцев, но ведь еще осталось около семи миллионов человек на оккупированных территориях, а сколько тех, кто выехал в РФ или другие страны? Порой, видя, как государство хочет сэкономить на тех, за кого попросту некому заступиться, опускаются руки...», – говорит она.

По истечении четырех лет, как Алена покинула Крым, и десятков ежедневных консультаций на «горячей линии» ей было сложно признаться, что отдала уже все, что могла. И теперь сама нуждалась в восстановлении.

Так она оказалась в Центре информации по правам человека, где занялась реформой системы регистрации места проживания. Алена полагала, что, уйдя с головой в новую работу, она сможет переформатироваться, понять, что для нее и ее семьи важнее на данный момент... И даже себя в этом убеждала... месяц-два.

А потом вновь погрузилась в этот круговорот болезненных вопросов, связанных непосредственно с войной, но у нее уже был защитный ска-

фандр, который не позволял ей утонуть. Это семья, дом, свободные вечера, когда в тишине можно почитать книжку. Хотя времени все так же не хватает на даже самые обыденные вещи, Алена перестала задыхаться, как прежде.

«За время перерыва у меня появилось свободное время и вдохновение... Я больше не занимаюсь прямой помощью, но я могу предоставить экспертную поддержку для тех организаций, которые занимаются такой помощью. Меня вдохновляют коллеги. Вместе мы можем влиять на изменения ситуации, а значит делать мир чуточку лучшим», – говорит Лунева с уверенной улыбкой: она все делает правильно и сейчас.

«Я думаю, что для тех людей, которые остались в Крыму, и для тех, кто выехал, очень важно, чтобы государство формировало общественное мнение относительно целостности Украины. Согласись, что лицемерно говорить о том, что Украина у нас единая и мы боремся за наш народ на оккупированных территориях, а другой рукой забирать у людей пенсии, проверять переселенцев на дому, ограничивать возможность перемещения, разрешать людям пересекать линию раз-

межевания один раз в день и только с ручной поклажей, ограничивать в правах на образование, на получение документов...

Когда объявили о введении военного положения¹⁴, которое большинство напугало, это, как минимум, стало встряской: война идет в нашей стране, а не в какой-то одной области. Это стало сильным напоминанием, что Украина целостна: если режут в одной части, то болит везде.

Крайне необходимо, чтобы государство поддерживало людей, которые выезжают на материковую Украину. И наконец-то четко скажало, чего ожидать, когда территория будет деоккупирована.

На фоне грядущих выборов можно услышать много популизма – о необходимости наказывать тех, кто остался жить в оккупации, о том, что они все там «коллаборанты»... Для кого-то это про далекие перспективы, а для меня все очень просто. Там, за админграницей, осталась моя семья, и сейчас высокий риск того, что мужа моей сестры призовут в армию¹⁵. Не знаю, что с ним будет, если это случится. Будет ли Украина расценивать его как предателя, будет ли считать его преступником, сможет ли он въехать на территорию материковой Украины и не быть посаженным в тюрьму? Я не знаю. А люди на оккупированных территориях знают еще меньше, чем я.

¹⁴ В Украине военное положение определяется как особый правовой режим, который вводится в случае угрозы национальной безопасности. Введение военного положения предлагает Совет национальной безопасности Украины, его согласовывает Президент и утверждает Верховная Рада Украины. Решение о введении военного положения в 10 областях Украины (Винницкая, Луганская, Донецкая, Николаевская, Одесская, Сумская, Харьковская, Запорожская, Киевская, Херсонская) было принято 26 ноября 2018 года сроком на 30 дней после агрессии РФ в Керченском проливе в Украине. Хотя в Крыму этот режим не вводился, военное положение было введено в южных регионах Украины, которые непосредственно граничат с Крымом. С 26 декабря 2018 года военное положение в Украине перестало действовать.

¹⁵ По данным Мониторинговой миссии ООН по правам человека, с 2015 по 2018 год Россия призвала в ряды своих вооруженных сил около 12 тысяч мужчин, проживающих в аннексированном Крыму. Проведение призыва жителей оккупированных территорий в ряды армии оккупирующей державы, а также непрекращающаяся на территории Крыма пропаганда службы в Вооруженных силах РФ являются военным преступлением в соответствии с международным правом. Это является нарушением Римского статута Международного уголовного суда и ст. 51 Конвенции о защите гражданского населения во время войны (Четвертой Женевской конвенции), а перемещение призванных граждан Украины с оккупированной территории на территорию РФ нарушает ст. 49 этой конвенции. Кроме того, оккупационные власти преследуют крымчан, которые уклоняются от службы в армии РФ. Всего, по данным Крымской правозащитной группы, с начала оккупации на сайтах «судов» Крыма опубликована информация как минимум о 35 уголовных делах, открытых в отношении крымчан за уклонение от службы в российской армии (по ст. 328 УК РФ). Основная часть приговоров – штраф от 7000 до 80000 рублей. При этом уплата штрафа не освобождает человека от обязанности служить в вооруженных силах. Как минимум в одном случае приговор предусматривал условное лишение свободы на срок 8 месяцев.

Это значит, что государство недорабатывает. Не предоставляя ответы на эти вопросы, власть подбрасывает дрова в огонь страха, который рождается от неведения. И страх этот очень велик. Предположим, что завтра Россия оставит Донбасс. Но будет ли эта территория нашей, если люди, живущие там, думают, что мы вернемся их сажать в тюрьму или наказывать за то, что они жили в оккупации?» – спрашивает Алена.

Она уверена, что одним из вызовов для правозащитников является строительство концепции примирения: как может выглядеть мир после окончания войны, что за правила в нем будут работать. И это ее фронт работы на ближайшее время.

“

Что для меня Крым? Это ялтинская трасса с круглым троллейбусом на ней. Это осеннее море и чай на пляже. Наверное, это самые теплые воспоминания.

А еще Крым – это возможность. Ты просто знаешь, что можешь в любую минуту оказаться в объятиях теплой воды, хотя за все лето так и ни разу не появишься на пляже. Но это чувство – что ты можешь и ничто тебя не ограничивает – питает изнутри.

Это как с правами человека: неважно, как часто ты пользуешься ими, важно, что они у тебя есть и ты можешь ими воспользоваться: проголосовать, получить образование, устроиться на работу без дискриминации. Сродни тому чувству, что я могу – в любую минуту, когда захочу, без каких-либо препятствий – поехать к моему морю...”

Морской канат

Ольга Скрипник и Виссарион Асеев

Ялта

ДОСЬЕ

Ольга Скрипник

ДО. Преподаватель Крымского гуманитарного университета, глава Центра гражданского просвещения «Альменда», одна из организаторов Евромайдан-Ялта.

ПОСЛЕ. Глава правления Крымской правозащитной группы.

Покинула Крым в марте 2014 года.

МЕЧТАЕТ, чтобы в жизни дочери не было войны.

Виссарион Асеев

ДО. Осетинский общественный деятель, правозащитник, активист Евромайдан-Ялта, организатор Ялтинской группы сопротивления оккупации.

ПОСЛЕ. Сооснователь и эксперт Крымской правозащитной группы.

Покинул Крым в марте 2014 года.

МЕЧТАЕТ, чтобы Кавказ и Крым были освобождены от России. И чтобы их дочь свободно со своими родителями могла ездить в Крым и на Кавказ к своим бабушкам.

Южный берег Крыма – мой источник сил, вдохновения, спокойствия, энергии. Это мой дом. Это мое море. Все это у меня забрали. Я за пять лет объездила все берега морей, которые есть в Украине – была на Азовском и Черном морях, в Одесской и Херсонской областях. Они все по-своему красивы, но это не мой дом. Крым ничем невозможно восполнить... Я очень по нему тоскую”.

Ольга Скрипник

25 февраля 2014 года. Ялта, Крымский гуманитарный университет. Ольга Скрипник со студентами на паре по истории славянских народов изучают период Второй мировой войны. Ольга рассказывает, как происходило наступление. Звонок. Девушки и парни срываются с мест и бегут на перемену. А она выходит во двор и видит российских военных...

Конечно же, молодая преподавательница и раньше видела солдат в своем городе – но то было при других обстоятельствах. А здесь машина с российскими номерами, набитая под завязку военными – без шевронов, но с боевым оружием. Это насторожило Ольгу.

Корпус Крымского гуманитарного университета располагался рядом с санаторием Черноморского флота, который принадлежал Министерству обороны России. Туда и заехала машина. Ольга проследовала за ней и попыталась снять автомобиль и все происходящее вокруг на камеру телефона. Такими стали первые кадры в ее долгой изнурительной работе по документированию нарушений прав человека в Крыму в связи с оккупацией.

«Странные ощущения, когда заканчиваешь лекцию о Второй мировой войне – и в твоём городе начинается оккупация. Только прошло уже много-много лет, мы живём в современном мире, и вдруг война и оккупация становятся твоей реальностью...», – вспоминает Скрипник.

...Раньше Ольга, и как преподаватель университета, и как глава Центра гражданского просвещения «Альменда»¹⁶, много внимания уделяла программам для молодежи. Вместе с коллегой Валентиной Потаповой они организовывали Клуб социального и правового кино, где обсуждались острые для общества темы. Также сотрудничали с кинофестивалем документального кино Docudays¹⁷. Посредством киноискусства удавалось доносить до молодых ялтинцев ценности прав человека. И до многих они достигались. Так что не удивительно, что

¹⁶ В 2008 году в Ялте (АР Крым) была создана Инициативная группа по правам человека, в 2011 году она была зарегистрирована как юридическое лицо – общественная организация «Центр гражданского просвещения «Альменда». Цель организации – защита прав человека путем правовых и просветительских действий и развитие институтов гражданского общества. После оккупации Крыма Российской Федерацией организация переехала из полуострова на материковую часть Украины.

¹⁷ Docudays UA (Международный фестиваль документального кино о правах человека Docudays UA) – крупнейший международный фестиваль документального кино в Украине. Проходит ежегодно в течение последней недели марта в Киеве. По завершению Docudays UA традиционно представляет лучшие фильмы программы в регионах Украины в рамках Странствующего фестиваля.

ялтинский Евромайдан организовали в том числе те, кто принимал активное участие в киноклубе. Ольга Скрипник всячески их поддерживала, а когда около двух десятков студентов ректорат хотел исключить после акции, она стала на их защиту.

Правозащитница написала в местную прокуратуру, в Офис Уполномоченного Верховной Рады по правам человека, в СМИ, где сообщала о давлении на студентов и преподавателей только за то, что они воспользовались своими правами. И это спасло ребят.

Правозащитный опыт Скрипник подсказывал: сейчас крайне важно документировать все, происходящее в Крыму. Олин месяц в оккупации – это жизнь на износ. Она ездила по воинским частям, опрашивала людей, которые подверглись захвату, наблюдала за ситуацией на митингах – и все детально фиксировала.

«В курортной Ялте было не так много «зеленых человечков». Но к нам завезли «ночных волков» – представителей байк-клуба, финансируемого лично Путиным. И вот представь: на площади Ленина очередной митинг, на который якобы вышли ялтинцы – за то, чтобы Крым вошел в состав РФ. Заезжают байкеры, создают шум, массовку... А у них такая фишка – на жилетках вышит не только волк как эмблема клуба, но и город этого клуба: «Москва», «Краснодар», «Саратов». И получается, что на пророссийском митинге Ялты «местные» жители были жителями из разных российских городов. Даже ничего спрашивать не пришлось. Просто выходишь, снимаешь, как есть. И все это настолько наглядно, настолько сюрреалистично...

Конечно же, нас потом выжили с этого митинга – начали угрожать, но зафиксировать мы успели. Эти видео у меня остались в надежде, что когда-то мы сможем их показать на заседании Международного уголовного суда и на других процессах над теми, кто организовал захват Крыма», – рассказывает Ольга.

Кроме документирования, она с коллегами реагировала на все запросы, которые поступали – сбор денег, вещей, медикаментов, необходимость предоставить транспорт... Жители Ялты чутко реагировали на все происходящие события и старались помочь.

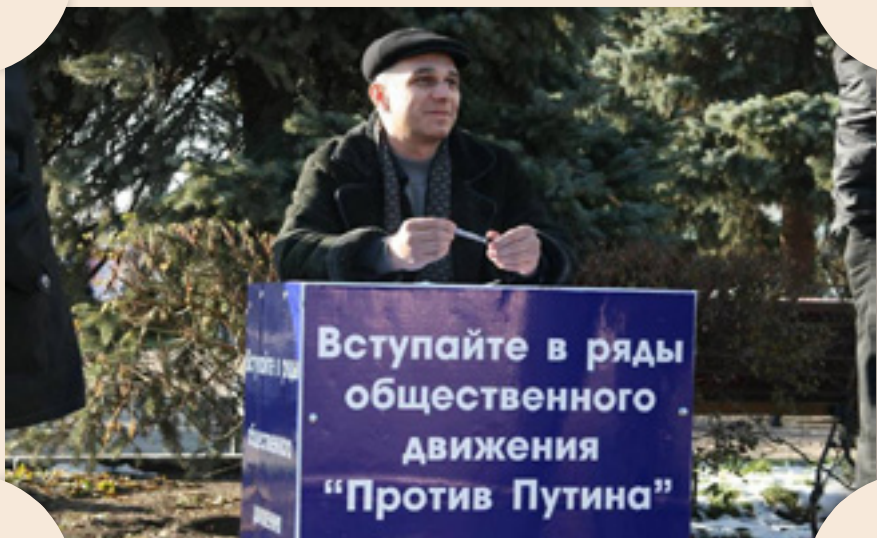
В Олиной крымской истории есть один человек, который всегда рядом с ней. Ее муж Виссарион Асеев. Осетин по происхождению, он

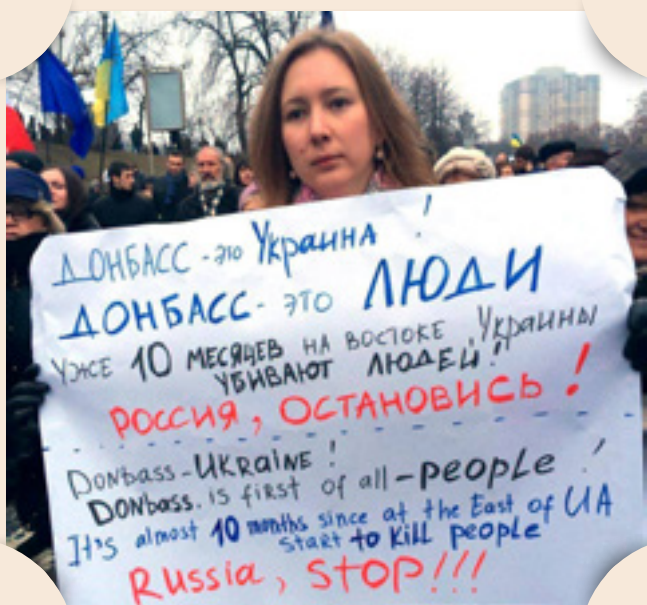
Виссарион Асеев на Майдане Независимости в Киеве. *Декабрь 2013 года*

Акция пострадавших во время теракта,
организованная Виссарионом Асеевым. *Беслан, 2007 год*

Одиночный пикет, после которого на Виссариона Асеева открыли уголовное дело. Владикавказ, декабрь 2007 года

Ольга Скрипник на акции против вооруженной агрессии РФ на Донбассе

уже имел жесткую закалку в Беслане¹⁸, когда случилась трагедия в местной школе. Был в Цхинвале¹⁹. Все эти события похожи на те, что происходили в Крыму в 2014 году – вмешательство российских военных, смена законодательства с целью легитимизации власти, захват городов, давление на местные СМИ и параллельная реальность по телевизору. Даже бесланская трагедия повторилась в Керчи²⁰.

Личная жизненная история Виссариона тянет на захватывающий блокбастер. Он был депутатом в Беслане, когда в 2004 году случился теракт в местной школе № 1. В первые часы захвата школы Асеев организовал из сотрудников полиции и ОМОНа временную группу по поиску и уничтожению террористов. Вызвал огонь снайпера террористов на себя и был ранен. Позже вместе с учителями школы организовал Комитет помощи жертвам.

Ему доверяли учителя – Асеев много занимался с детьми, организовав для них интернет-клуб и воскресную школу. Там каждое воскресенье проводили занятия по английскому языку и компьютерной грамотности для детей из малообеспеченных семей.

«Дети были славные. Но их родители постоянно пропадали на работе и не могли уделять им много внимания. Из-за этого ребята плохо учились, накладывалось и подростковое поведение... Все выровнялось, когда они стали посещать нашу школу. Наши преподавательницы были сами студентками педагогического университета, им эта волонтерская работа нравилась. У нас учились дети разного возраста. Мы показывали им, что учиться не страшно. Я считаю это одним из самых удачных своих жизненных проектов. Но бесланская трагедия все это перечеркнула», – говорит Виссарион.

¹⁸ 1 сентября 2004 года во время торжественной линейки в городе Беслан (Северная Осетия) террористы захватили среднюю школу № 1. В здании находились более 1100 человек. На третий день после захвата школы федеральные силы приняли решение штурмовать здание. По официальным данным, жертвами событий в Беслане стали 334 человека, в том числе 186 детей.

¹⁹ Цхинвал – столица самопровозглашенной Республики Южная Осетия. До 1990 года административный центр Юго-Осетинской автономной области, входившей в Грузинскую ССР в составе СССР. 8 августа 2008 года во время российско-грузинской войны Цхинвал был обстрелян грузинской армией в попытке восстановить контроль над Южной Осетией. Российская армия ответила на следующий день, перебросив свои войска в город. 10 августа грузинские войска вышли из Цхинвала, который был захвачен российской армией.

²⁰ 17 октября 2018 года в Керченском политехническом колледже произошли взрыв и стрельба. По версии Следственного комитета России, взрыв в колледже устроил студент 4-го курса, 18-летний Владислав Росляков, который «покончил с собой». В результате трагедии погиб 21 человек.

Учительский комитет помощи жертвам первым из общественных инициатив выверил все списки и заставил власть признать, что заложников в спортзале было не 354 человека, как официально заявляли, а значительно больше – более 1100 человек. Конечно же, этого не могли простить власти – организацию пытались дискредитировать, закрыть. Но благодаря тому, что Асеев имел депутатский мандат, он отбивал все эти атаки.

«Тогда еще можно было быть вне системы «Единой России» и отстаивать интересы людей», – говорит мой собеседник.

В декабре 2007 года он баллотировался уже в республиканский парламент. Чтобы напечатать свои предвыборные плакаты, обратился в типографию, оплатил заказ. Однако на следующее утро ему позвонил обеспокоенный директор: *«Ко мне приходили из прокуратуры, ФСБ и запретили тебя печатать...»*.

В знак протеста против Путина Виссарион Асеев провел одиночный пикет во Владикавказе – столице Северной Осетии. Он сделал небольшой разборной столик, обклеил его баннерами «Вступайте в общественное движение против Путина» и сел в центре Владикавказа, приглашая людей поддерживать движение. Его быстро окружили сотрудники полиции, которые пытались пресечь мероприятие, но Виссарион еще часа два митинговал.

На Асеева завели административное дело. Прокуратура давила на судью, заявляя, что он проводил антипутинскую, антиправительственную акцию.

Однако судья отказал в претензиях, сославшись на то, что это был всего лишь одиночный пикет, и освободил Асеева от ответственности.

«Это было так неожиданно. Но тогда я понял, что на самом деле даже среди чиновников, среди судей нет той тотальной поддержки, которую очень хочет нарисовать Путин. По крайней мере, в тот момент ее точно не было. Сейчас, возможно, из-за страха люди вряд ли смогут так проявлять свою позицию. Уже тогда разворачивалась масштабная кампания Путина. Например, из-за моей одной статьи-манифеста «Осетия – свободный взгляд» из типографии был изъят весь тираж газеты, 3000 экземпляров», – комментирует осетинский активист.

Виссарион Асеев был в Цхинвале во время августовских событий 2008 года, видел, во что превратила город ночная бомбардировка и военная операция грузинской армии. В городе практически не оставалось частного домовладения, не пострадавшего от атак. Здания Цхинвальского университета и парламента Южной Осетии были уничтожены, многие школы и детсады пострадали, в то время как здания МВД И КГБ оставались целыми (хоть и были расположены через дорогу от парламента).

Позже эти события Виссариону напомнили Крым 2014 года.

«Никто не ожидал, что в Цхинвале так быстро закончится война. Как и то, что Россия вмешается в эти события. Туда уже заехали российские колонны, и мы на своей «девятке» прорвались через эти колонны и заехали в город. Но боев уже там не было, разве что слышно на окраинах... Несмотря на то, что во всех СМИ, и югоосетинских, и грузинских, создается картинка, что Южная Осетия чуть ли не борется за то, чтобы войти в состав России, на самом деле, ситуация не такая односторонняя. Я считаю, что Южная Осетия на сегодняшний день оккупирована РФ, и оккупация произошла в 2012 году, когда не позволили провести инаугурацию новоизбранного президента», – рассказывает Асеев.

После войны он остался в Цхинвале, организовывал гуманитарную помощь для раненных и детей. Отправлял их на лечение во Владикавказ и в Москву, снабжал лекарствами. Также занимался правозащитной деятельностью – документировал результаты августовских событий, интервьюировал родственников задержанных грузинской полицией и впоследствии пропавших без вести людей, требовал у югоосетинских властей расследовать случаи мародерства и убийства людей грузин-

ской национальности. Грузинам, сидевшим в цхинвальской тюрьме, организовал продуктовые передачи.

...Летом 2011 года Виссарион познакомился с Ольгой Скрипник. Поскольку не было нормального транспортного сообщения между Осетией и Крымом, он купил в долг черный Land Rover на югоосетинских номерах и на нем приезжал к крымчанке. Его жизнь около трех лет проходила между тремя городами: Ялтой, Владикавказом и Цхинвалом.

«Мы уже грустно шутили, куда прихожу я, туда приходит Россия. Может, мне в Москву переехать, и Путин уйдет со всех мест?» – с иронией говорит Асеев.

Будучи дома в Осетии, Виссарион увидел опубликованные видео с войсками, которые въезжают в Крым. Поспешил к Оле и уже ее не отпускал. А по тому, как он отстаивал Ялту, – по праву может быть назван украинским активистом: выходил на ночное патрулирование, организованное на поддержку украинских военных.

Эту интернациональную историю особенно любит вспоминать Ольга. Она даже слегка улыбается, когда о ней говорит: *«Знаешь, несмотря на трагизм ситуации, проявилось много хорошего. Например, мы помогли нашим ребятам из воинской части в Массандре. Они не сдавались до последнего. Мы организовывали небольшие отряды, которые дежурили возле воинских частей. Днем это были в основном девушки, которые со-*

общали о перемещении военной российской техники. К вечеру нас сменяли мужчины, в том числе мой муж Виссарион, мои коллеги, друзья. Однажды под этой воинской частью в отряде стояли трое человек – осетин, русский и грузин. И вот эта тройца защищала украинскую воинскую часть».

Близился день так называемого «референдума», Ольге и Виссариону нужно было уезжать.

«Моя машина с осетинскими номерами, по сути, была подвижным составом – с ней мы объездили украинские воинские части, она за-светилась на всех камерах... Остаться больше не могли, были неоправданные риски. Мы не знали, куда едем. Для себя решили, что самый крайний вариант – к нашим коллегам в Черниговский дом прав человека. Там только строился дом, толком еще ничего не было – одни голые стены. Но там было безопасно», – вспоминает Виссарион.

Отъезд из Крыма Ольга вспоминает тяжело, особенно прощание с мамой. Уезжала она накануне своего дня рождения. Мама пришла помочь упаковать чемоданы. На сборы было лишь несколько часов:

«Тяжелее всего было смотреть в ее глаза, потому что она знала, что происходит. И прекрасно понимала, что мы могли и не выехать через Чонгар – там уже стоял блокпост. Позже мы узнали, что то был блокпост Гиркина²¹. Что это он организовал так называемую «крымскую армию» и на том блокпосту держал людей в плену, пытал... Там пытали наших друзей Андрея Щекуна, Анатолия Ковальского²²... Мы не знали, сможем ли мы выехать живыми и невредимыми. И это понимала мама...».

Она и сама признается, что о многом, когда покидала Крым, не догадывалась: *«Виса был закаленный войнами у себя на родине. А я – нет. Видно даже было по тому, как собиралась. Я ничего не взяла из теплых вещей. Брала только летнее, думала: скоро вернусь...»*

²¹ Игорь «Стрелков» Гиркин – руководитель движения «Новороссия» и активный участник оккупации Крыма. Сыграл значительную роль в начале вооруженного конфликта с Россией на востоке Украины. Причастен к захвату Верховной Рады Автономной Республики Крым, руководил российской диверсионной группировкой в Симферополе, а затем в Славянске Донецкой области. Руководил захватом Славянска. Один из организаторов деятельности пророссийских сепаратистов и так называемого «Народного ополчения Донбасса», а с 16 мая до 14 августа 2014 года – «министр обороны» самопровозглашенной ДНР (Донецкой народной республики).

²² 9 марта 2014 года около 9:30 утра на Симферопольском вокзале возле поезда № 12 Киев – Симферополь члены парамилитарной группы «Самооборона Крыма» задержали крымских активистов – координатора Евромайдана-Крым Андрея Щекуна и экс-председателя Республиканского комитета по лесному хозяйству Анатолия Ковальского. Они провели 11 дней в плену, где были подвергнуты пыткам.

Самое тяжелое, что ты не просто теряешь дом, ты теряешь связь со своей семьей. Ты не можешь быть с ними рядом, когда им хорошо или когда им плохо. Ты не можешь вместе с ними отпраздновать свою свадьбу. Не можешь проститься со своим дедушкой на кладбище...».

...Интервью с Виссарионом и Ольгой было самым долгим из всех, с кем из крымских активистов мне довелось общаться. Еще в начале нашего разговора Виссарион сделал горячий чай, чтобы согреться в холодный мокрый декабрь. А к чаю подал воздушное пирожное. «Угощайтесь, специально для вас купил», – улыбался он. Мы часто делали перерывы, отвлекались на другие темы...

Я украдкой наблюдала, с какой нежностью смотрит Виссарион на свою жену, с каким уважением Ольга обращается к мужу. Их союз мне напомнил морской канат. Очень прочный, устойчивый к любым разрушениям. Его невозможно разорвать – волокна вплетены друг в друга. Морские канаты обычно используют, чтобы прикрепить судно к берегу. И меня не покидает уверенность, что у Ольги и Виссариона это когда-нибудь получится в отношении Крыма.

Оккупация у них многое забрала, фактически все, что было в прошлой жизни. Но она не смогла отобрать у них встречи с хорошими людьми. Ольга тепло вспоминает тех людей, с которыми ей довелось стать настоящими друзьями:

«С Володей Балухом²³ мы познакомились еще до того, как его лишили свободы. Каким он был? Это человек свободы! По своей натуре он – настоящий украинский козак, чей дух безудержен и прекрасен. Для меня Володя – действительно символ Украины в Крыму не только за то, что поднял украинский флаг над своим домом, но и за то, какой он...

Таких людей много, не обо всех можно сказать вслух. Это то, что сегодня пытаются спрятать Путин. Ведь были живые цепи, украинские митинги, антивоенные демонстрации, был Решат Аметов²⁴ и многие другие активисты, было 26 февраля²⁵, 8 марта²⁶ и 9 марта²⁷ на день рождения Шевченко».

²³ Владимир Балух – фермер из села Серебрянка Раздольненского района Крыма. После оккупации Крыма Российской Федерацией Балух неоднократно публично выражал несогласие с включением Крыма в состав РФ и отказался от российского гражданства. В марте 2014 года он вывесил государственный флаг Украины на крыше своего дома, из-за чего получал угрозы. В доме Балуха было проведено несколько незаконных обысков, во время которых с крыши его дома снимали и изымали государственный флаг Украины. Во время одного из обысков активист был избит полицейскими и привлечен к административной ответственности в виде ареста на 10 суток за «неповиновение требованию сотрудника полиции». За это же «нарушение» В. Балуха позже повторно привлекли к уголовной ответственности, приговорив в ноябре 2016 года к наказанию в виде 320 часов обязательных работ. Несмотря на все это, он снова вывесил украинский флаг на крыше дома, а 29 ноября 2016 года разместил на стене своего дома табличку «Улица Героев Небесной сотни 18» (в память о погибших гражданских участниках протестов на Майдане Независимости в Киеве в феврале 2014 года). После этого в декабре 2016 года сотрудники ФСБ провели очередной незаконный обыск в домах активиста и его матери, сняли флаг Украины и якобы «нашли» в доме патроны и динамит. С декабря 2016 года Владимир Балух находится под стражей. В августе 2017 года суд вынес ему приговор – три года и семь месяцев колонии общего режима, а также штраф в размере десяти тысяч рублей. 19 марта 2018 года Балух объявил голодовку, которую держал более 200 дней.

²⁴ Решат Аметов – крымский татарин, вышедший 3 марта 2014 года на центральную площадь Симферополя напротив здания Совета министров АРК с одиночным пикетом. Он протестовал против захвата Крыма Российской Федерацией. Прямо с площади Аметова похитили представители парамилитарной группы «Крымская самооборона». Его тело было найдено 15 марта в районе села Земляничное Белогорского района Крыма с многочисленными следами побоев, голова была завязана скотчем, рядом лежали наручники.

²⁵ 26 февраля 2014 года у здания Верховной Рады Крыма состоялись два митинга, один был организован партией «Русское Единство», а другой – Меджлисом крымскотатарского народа. Причиной проведения митингов послужило решение о проведении внеочередной сессии с вопросом о статусе Крымского полуострова. Митинги сопровождались противостояниями, в ходе которых возникла давка, два человека погибли и часть людей получили телесные повреждения. В январе 2015 года крымское управление Следственного комитета России возбудило уголовное дело о массовых беспорядках на этом митинге, так называемое дело «26 февраля». Среди обвиняемых оказались зам-председателя Меджлиса крымскотатарского народа Ахтем Чийгоз, а также активисты Али Асанов, Мустафа Дегерменджи, Эскендер Кантемиров, Талят Юнусов, Эскендер Эмирвалиев, Арсен Юнусов и Эскендер Небиев.

²⁶ 8 марта 2014 года в Крыму состоялась акция «Женщины Крыма против войны – женщины Крыма за мир!», в которой приняло участие более 12 тыс. женщин разных национальностей. Участницы акции стояли возле основных дорог в Крыму и Херсонской области с плакатами «Крым – мир», «Хочу жить», «Нет войне», «Мы за единую Украину», требуя не допустить военных действий на юге Украины. Также они требовали вывести с территории Крыма российские войска и призвали бойкотировать назначенный на 16 марта «референдум» о статусе региона.

²⁷ 9 марта 2014 года в Симферополе прошло два митинга: пророссийский митинг «Крымская весна» на площади Ленина, где выступали тогдашние спикер Верховной Рады АР Крым Владимир Константинов и премьер-министр Крыма Сергей Аксенов, а также проукраинский митинг – празднование 200-летия со дня рождения украинского поэта Тараса Шевченко возле его памятника, куда крымчане с сине-желтыми ленточками пришли заявить о нежелании видеть РФ в Крыму.

Правозащитная деятельность только тогда имеет смысл, когда она нужна людям, говорит Скрипник.

«Во время оккупации нами двигало то, что мы хотели донести истину, что на самом деле происходит на полуострове: что огромное количество людей в Крыму не хочет в Россию.

Сейчас также для меня является важной команда Крымской правозащитной группы. Это все люди, которые тоже потеряли свой дом, начали жизнь заново, абсолютно не зная, на что они идут, выезжали часто в пустоту. Они не понаслышке знают, что такое оккупация. Но у нас есть силы помогать другим. И это вдохновляет – значит, все не зря», – говорит Ольга.

“

Знаковой для меня стала ситуация, когда в январе 2014 года Виссарион собирался на Майдан. Уже тогда начались трагические события на улице Грушевского. Мой дедушка не поддерживал Майдан. Он, советский военный, был зомбирован во многом российским телевидением, которое доминировало в Крыму. У нас в доме были споры о Майдане.

Но вот Виса собирается, и выходит дедушка, который знает, что у них категорически разные взгляды, и протягивает ему каску – обычную строительную защитную каску: «Я знаю, что мы на некоторые вещи смотрим по-разному, но главное, чтобы вы вернулись живыми и невредимыми, потому что вы – моя семья». Поэтому так тяжело, когда дедушка умер после оккупации, и я не могла с ним проститься. Чувство, что мы не договорили...

Мне кажется, это символично для всей Украины. Мы можем быть разных взглядов, возможно, мы совершили какие-то ошибки, кто-то поверил пропаганде, но это не значит, что мы должны разрывать отношения. Каждый из нас должен находить эту «каску» и протягивать ее друг другу».

Отец

Абдурешит Джеппаров

Белогорск – Симферополь

ДОСЬЕ

Абдурешит Джеппаров

ДО. Активист Крымскотатарского национального движения.

С 1989 года член Организации крымскотатарского национального движения, с 1991 года – член Меджлиса крымскотатарского народа. С 1998 по 2015 год Президент Фонда по натурализации и правам человека «Содействие».

ПОСЛЕ. Координатор Крымской контактной группы по правам человека.

Проживает в Крыму.

МЕЧТАЕТ о возвращении домой похищенных российскими спецслужбами сына Исляма Джеппарова и племянника Джевдета Ислямова. А еще стать безработным правозащитником – чтобы в Крыму не нарушались права человека.

Сын хорошо варил кофе, я ему доверял готовить его моим гостям... Ислям – высокий, метр восемьдесят с небольшим. Наливая кофе, он как бы приседал на одно колено передо мной и моим гостем. Мне всегда это было приятно. Красивый сыновий жест. И сам по себе он весь такой аристократичный...

Побыв немного со мной и моим гостем, сын спросил: «Нужно чего-нибудь еще вам?», я сказал: «Нет сынок, если имеешь свои планы, иди». И он ушел...»

Абдурешит Джеппаров

«Ирина, отправляю вам фото героя. Мы фотографировались минут десять, а общались час... – рассказывает о съемке с Абдурешитом Джеппаровым фотограф. – Я попытался уловить его взгляд, передать эмоции. Он старается держаться ровно: если открыться – очень тяжело потом успокоиться...».

Я много раз заставляла себя сесть за эту историю. И каждый раз боялась, что одно неверное слово отзовется болью в сердце Абдурешита-ага.

Когда похитили Исляма Джеппарова, ему было 18 лет, а его брату Джеведету Ислямову – 23 года. Больше четырех лет – с момента исчезновения ребят 27 сентября 2014 года – черная тишина. Которую пытается разрушить голос измученного отца.

Абдурешит-ага вновь и вновь выходит к людям, он говорит. Говорит о сыне, о племяннике, о крымскотатарском народе, говорит о нарушении прав человека в Крыму и о том, что Россию тут не ждут. Он вынужден быть сильным, чтобы его услышали – и в Крыму, и на материковой Украине, и в самых дальних уголках нашей планеты. Чтобы мир содрогнулся от отцовской печали, очнулся наконец-то от войн, убийств, пыток, похищений, лжи и варварства.

И только среди очень близких людей Абдурешит Джеппаров не сдерживает стон, выворачивает наизнанку душу, чтобы не захлебнуться

от горя. Чтобы выжить, выстоять, увидеть свободный Крым, чтобы дожидаться своих сыновей и обнять.

Я знаю Джеппарова лишь по его ровному голосу, по размеренному дыханию. Но всем сердцем желаю познакомиться с ним – как со счастливым отцом, который не скрывает своих слез радости от встречи с сыном.

Жизнь Абдурешита-ага – удивительна. Хотя сам о себе рассказывает просто, без тщеславия.

«Мне 59 лет. Я родился 14 ноября 1959 года. И 24 февраля – ровно 50 лет, как мы приехали в Крым из Узбекистана. Можно по-разному говорить – приехали, переехали, вернулись... Мне было девять, когда я впервые оказался в Крыму», – рассказывает он.

Джеппаровы вернулись в Крым одними из первых, в конце шестидесятых годов. В Крыму сначала проживали в Ленинском районе²⁸, откуда были вновь высланы в октябре 1969 года. Потом переехали в Белогорский район – и снова выселение. 18 мая 1971 года Джеппаровы были вынуждены покинуть Крым и поселиться в станице Тамань в Краснодарском крае, и там оставались до 1987 года.

«Это за мостом, сразу за проливом, теперь все об этой станице знают²⁹», – говорит Абдурешит-ага.

Его отец был активистом крымскотатарского национального движения, тогда их называли инициативниками. По возвращении из армии молодой Абдурешит тоже решил включиться в движение. Он создал свою инициативную группу. Каждый месяц около 10 человек тайно собирались и обсуждали историю народа, проблему депортации. Об этом писали на листовках, начитывали на обычные магнитофонные кассеты, материалы распространяли во время свадеб или других массовых мероприятий.

«Нашу печатную машинку мы прятали – с чердака на чердак перетаскивали, когда слышали, что заехали КГБшники», – вспоминает мой собеседник.

Но одно событие вывело их из подполья. В 1986 году в Тамани был разрушен ряд могильных плит. Абдурешит Джеппаров вместе с друзьями остро на это отреагировали, собрав более 200 человек на протестную акцию. Советские власти возбудили дело против парня. Однако следствие не успело зайти далеко – наступил горбачевский период, оттепель, демократия, гласность – и дело потихоньку закрыли.

6 января 1987 года. Холодный снежный день. Джеппаров услышал, как во дворе залаяла собака, вышел посмотреть. У ворот стояли Мустафа Джемилев³⁰ и еще несколько мужчин. Джемилев освобожден 15 декабря 1986 года и сразу же после освобождения объезжал активистов

²⁸ В 2016 году Верховная Рада переименовала в Едикуйский район.

²⁹ Тамань – ближайший населенный пункт России возле недавно возведенного Керченского моста на Азовском море.

³⁰ Мустафа Джемилев – политический и общественный деятель СССР и Украины крымскотатарского происхождения, один из лидеров крымскотатарского национального движения, председатель Меджлиса крымскотатарского народа в 1991–2013 годах. Во времена СССР за свои политические взгляды и антисоветскую деятельность Джемилев был исключен из вуза и семь раз предстал перед судом. Всего он провёл в местах лишения свободы пятнадцать лет.

крымскотатарского национального движения. Так он приехал и в Тамань, к Абдурешиту.

«Нас собралось человек 16, мы долго-долго общались, обменивались радостными известиями. Джемилев уже тогда знал больше нас. Он сказал, что наступила новая эра, что государство раскрепостилось из своих прежних режимов, и теперь всем нам нужно активизироваться. Это стало для меня новым стартом», – делится правозащитник.

Абдурешит Джеппаров участвовал на митингах крымских татар в Москве на Красной площади в 1987 году³¹, был зачислен в группу из 21 человека, которые попали на прием к тогдашнему председателю Президиума Верховного Совета СССР Андрею Громыко.

А 7 октября того же года организовал так называемый «таманский поход». Крымские татары должны были выйти из Тамани и дойти до Симферополя за 12 дней. Но успели преодолеть только 7 километров, как их остановили силовики. Встреча не обошлась без столкновений, и на Абдурешита Джеппарова возбудили новое дело по статье «Сопrotивление представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка».

Кто знает, как бы обернулась данная судимость для парня, если бы за него не похлопотала крымскотатарская правозащитница Айше Сейтмуратова. Она проживала в Нью-Йорке, работала на Радио «Свобода».

В декабре должна была состояться официальная встреча президента США Рональда Рейгана с председателем Президиума Верховного Совета СССР Михаилом Горбачевым. Активистка побывала на приеме у Рейгана во время дней открытых дверей для советских эмигрантов. И там сообщила: *«Когда объявлено, что в СССР идет гласность и процессы демократизации, мой соотечественник Абдурешит Джеппаров готовится к заключению»*. Президент США пообещал, что будет просить урегулировать данный вопрос.

И действительно, после встречи Рейгана и Горбачева дело Джеппарова закрыли, как раз в Международный день защиты прав человека 10 декабря. Случайное совпадение? Активисты в шутку стали назы-

³¹ В 1987 году летом крымскотатарские активисты провели ряд митингов в Москве, чтобы добиваться возвращения на родину, в Крым. Хотя демонстрации и закончились массовым выдворением активистов из Москвы, однако это стало началом возвращения крымскотатарского народа в Крым.

вать Джеппарова «крестником Горбачева». Абдурешит-ага вернулся в Крым, где стал одним из ведущих инициативников крымскотатарского движения.

Вскоре на Конференции национальных демократических стран СССР в Риге он знакомится с Вячеславом Черноволем³² и Степаном Хмарой³³, а также со многими активистами из Прибалтики. Тогда же Черновол обратился к крымским татарам: *«Мы знаем о вашем национальном движении. Мы его очень уважаем. Но наступили новые времена, и мы бы вам рекомендовали переформатироваться в организацию с четкой программой и уставом. Чтобы мы понимали, с кем имеем дело, какие ваши цели».*

Джеппаров передал эти слова соратникам, после чего три рабочие группы в Краснодарском крае, Крыму и Ташкенте сели за написание программы и устава будущей организации. А в мае 1989 года на конференции в Эстонии в Лооди Абдурешит Джеппаров получает телефонограмму, что он уже представляет не движение, а ОКНД – Организацию крымскотатарского национального движения. И в той же телефонограмме шла речь о том, что на первом съезде Джеппарова избрали председателем Крымской областной³⁴ организации, а Мустафу Джемилева – всесоюзной.

Два года спустя, в 1991 году, был проведен Курултай³⁵, на котором был создан Меджлис крымскотатарского народа. Джеппарова избрали членом Меджлиса. Он до 2002 года³⁶ был заместителем председателя Меджлиса Мустафы Джемилева, курировал гуманитарное

³² Вячеслав Черновил (Черновил) – украинский политический деятель, диссидент времён СССР, журналист, публицист и литературный критик. Один из лидеров украинского национально-демократического освободительного движения конца 80-х—90-х годов XX века и основателей Народного руха Украины. Инициатор провозглашения Декларации о государственном суверенитете Украины 16 июля 1990 года и Акта провозглашения независимости Украины 24 августа 1991 г.

³³ Степан Хмара – украинский политический деятель, советский диссидент и политзаключённый, один из основателей Украинской республиканской партии.

³⁴ Тогда Крым был областью.

³⁵ Курултай крымскотатарского народа – национальное собрание, высший представительный полномочный орган крымскотатарского народа. На Курултае крымскотатарский народ представлен делегатами, избранными крымскими татарами и членами их семей, постоянно проживающими на территории Украины, и крымскими татарами и членами их семей – гражданами Украины независимо от их места жительства. Первый Курултай крымскотатарского народа состоялся в 1917 году, здесь – в значении «первый после возобновления национального движения крымских татар».

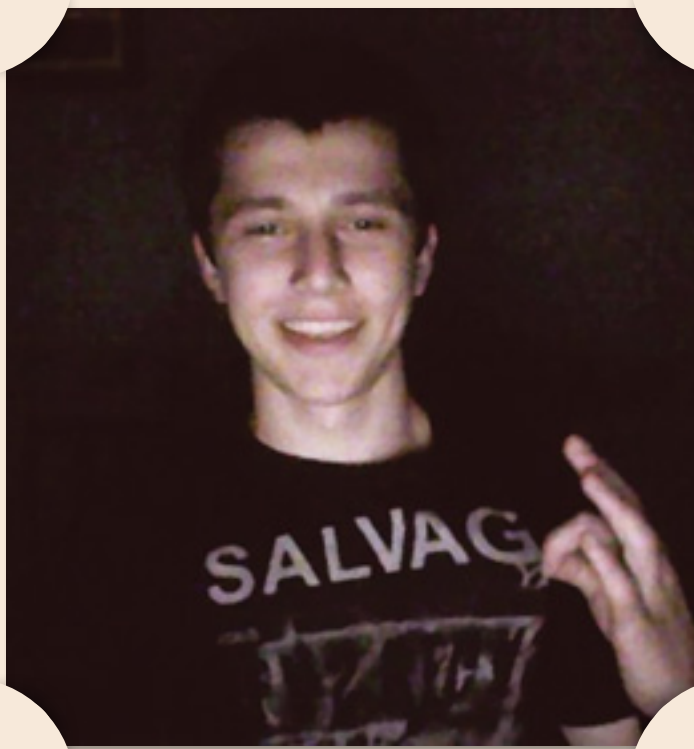
³⁶ За исключением перерыва с 1993 по 1996 год.

Активисты «Крым-SOS» проводят акцию у посольства РФ в Киеве с требованием найти жертв насильственных исчезновений в Крыму, среди которых – Ислям Джеппаров. Киев, сентябрь 2016 года

Абдурешит Джеппаров с Эскендером Бариевым в здании ООН в Женеве, 2017 год

Похищенный сын Абдурешита Джемпарова Ислям

направление – СМИ, образование, культуру. Позже отошел от дел. *«В Меджлис пришли люди новой формации, взгляды которых не совсем совпадали с моими...»*, – коротко объясняет Абдурешит-ага.

На некоторое время мой собеседник прерывает свой рассказ, словно собирается с мыслями, чтобы продолжить.

...2014 год, февраль, Россия, бесконечные колонны бронетехники, вертолеты. Крым заполняется военными.

«Мы живем буквально в 150-200 метров от трассы и видели, как идут машины, и этот непрерывающийся гул... Мы были в большом смятении», – вспоминает Джеппаров.

В Крыму создаются группы из крымских татар, которые подавали сигналы «своим» о предстоящей опасности: парни организовывали ночные караулы, сообщали новости. В одну такую группу входил и младший сын Джеппарова Ислям.

27 сентября 2014 года. Этот день Джеппаров помнит до деталей. Утром с коллегой был в Симферополе. Когда вернулся, сын Ислям ждал его дома. Он приготовил для отца и его гостя кофе, а потом ушел проводить своих братьев. Через полтора часа к дому Джеппарова подъехала машина, настойчиво сигнала. Из нее выскочил водитель: *«Только что перед моими глазами... вашего сына...»*.

«Он рассказывал, как моего сына скрутили, затолкали в машину «Фольксваген-транспортёр» синего цвета с тонированными стеклами и увезли... Я, еще не совсем понимая, спросил, был ли он один. Водитель ответил: «Их было двое, второй такого же роста, только бородатый». Если я правильно догадался, речь шла о сыне моей младшей сестры Зоре – Джевдете Ислямове», – рассказывает Абдурешит-ага.

Джеппаров позвонил сыну – телефон не отвечает. Набрал знакомого работника СБУ, тот предложил обратиться в милицию. Джеппаров позвонил Ремзи Ильясову³⁷ и, особо не расшаркиваясь, сказал: *«Моего сына увезли непонятно кто и куда. Выясняй, действуй, включайся»*.

³⁷ Ремзи Ильясов – «заместитель председателя» Государственного Совета оккупационной власти «Республики Крым» со 2 мая 2014 года по 23 июля 2018 года. До этого – депутат Верховной Рады Автономной Республики Крым V и VI созывов (2005-2014). Заместитель председателя Меджлиса крымскотатарского народа (2001-2013 гг.), секретарь фракции «Курултай-Рух».

Следующий звонок – другу и адвокату Маммеду Мамбетову, который о похищении двух крымских татар сообщил в соцсетях.

Абдурешит Джеппаров поехал в милицию писать заявление. Но какое, о чем? Там ему и свидетелям предложили пройти в Следственный комитет, где за них «взялся» некий следователь подполковник Бабыльский.

«С нами начали общаться не как с потерпевшими, а как с преступниками, как с людьми, в чем-то виновными. Постоянно кричали на нас. Подняли свидетеля наверх... Слышим, сверху доносится шум, крик. А потом он спускается весь бледный, его трясет. Я спрашиваю: «Что такое, Асам?», а он молчит, трясется и уже ничего не может говорить...», – вспоминает отец пропавшего Исляма.

Мужчины пробыли в Следственном комитете до часа ночи, попросили, чтобы их отпустили на намаз, на что им грубо ответили: *«Ничего, ваш Аллах потерпит».*

Вскоре всей толпой сотрудники правоохранительных органов приехали домой к Джеппарову – проводили обыск, изъяли вещи Исляма.

Джеппаров все еще думал, что с сыном какое-то недоразумение, может, через 2-3 дня объявится, мало ли... Но прошли все сроки задержания по Уголовному кодексу – а об Исляме и Джевдете ничего не слышно.

А потом начались ежедневные допросы. На одном таком допросе Бабыльский кинул: *«Наша версия, что это связано с вашей деятельностью».* На что недоумевающий Джеппаров ответил: *«Послушайте, если вы мне льстите, то мне это не нужно. Я далеко не в первом эшелоне, поэтому не говорите, что это связано с моей деятельностью».*

«Нет, мы наблюдали за вашим двором – сколько людей вы собирали...», – криво усмехнулся следователь.

Когда похитили сыновей, во дворе Джеппарова на следующий день пришло около сотни человек, на третий день – их уже было больше 400. Народ прибывал.

28 сентября Абдурешит Джеппаров через Ремзи Ильясова настоял о встрече с самопровозглашённым «премьер-министром» Крыма

Сергеем Аксеновым. И на следующий день она состоялась при участии тогдашнего представителя президента РФ в Крыму Олега Белавенцева, а также советника Эскендера Белялова и работников спецслужб.

«Спецслужбы сидели поодаль от стола, особняком, скорее, мимикой и жестами регулировали диалог, чем вели его», – замечает Абдурешит-ага и продолжает: «Аксенов – говорливый, он рассказывал: будем искать от генерала до рядового, и денно, и ночью. Передайте это народу... На что я ответил: «Я тоже приехал о чем-то говорить... Возле моего дома собралось уже более 400 человек, и они обеспокоены за моих детей. Но еще они озабочены и собственным положением, потому что никто теперь не уверен в том, что он уйдет из дома и вернется. А еще эти бесконечные обыски в мечетях, школах... Долго так не может продолжаться».

Аксенов уверял, что все это прекратится, мол, «переходный период». И каждый раз добавлял – *«Передайте народу».*

«Я пришел поговорить, но я не почтальон. Поэтому все, что вы хотите передать, вы приедете к нам и скажете сами», – отрезал Джеппаров. А на замечание Аксенова про плотный график добавил: «Может,

нам приехать? Если у вас нет времени, то у нас его предостаточно. Но это будет не одна тысяча человек, я вам обещаю...».

Наступила пауза... Аксенов поручил помощнику пересмотреть график, и на 1 октября в 14 часов пообещал быть возле дома Джеппарова.

В назначенный день возле дома Абдурешита-ага собралось уже несколько тысяч человек, все от дома и до трассы было заполнено людьми и машинами, крымские татары ехали со всех концов Крыма.

Спецслужбы запретили Аксенову приближаться к дому. Поэтому в последнюю минуту встречу перенесли в помещение администрации района за два с половиной километра.

Джеппаров не хотел соглашаться на новое место встречи, но его уговорили друзья. Была сформирована группа для встречи с Аксеновым, в которую вместе с ним вошли сестра Зоре, а также мать похищенного 30 мая активиста Сейрана Зинединова – Эльвира³⁸, председатель избирательной комиссии Курултая Заир Смедляев, председатель Белогорского регионального Меджлиса Мустафа Асаба и имам района Эльвидин Аблямитов.

Абдурешит-ага вспоминает: «Город был набит пулеметчиками. Всюду стояли джипы. Их двери были приоткрыты. И во всех этих джипах сидели ребята в джинсах, в спортивных штанах и с пулеметами на коленях... Я посмотрел вверх – по всему периметру на крышах стояли снайперы, очень много снайперов. Позже нам рассказали, что соседние леса были переполнены солдатами, военными, бронетехникой. Хорошо, что на встречу мы поехали небольшой группой, а не пошли толпой...».

В беседе с Аксеновым договорились создать группу, которая бы поддерживала связь с «руководством» Крыма и силовиками и сообщала бы народу о результатах встреч. Так была создана Крымская контактная группа по правам человека, куда вошли Абдурешит Джеппаров, Эльвира Зинединова, Маммед Мамбетов, Нариман Асанов, Эмиль Курбединов и Эдем Семедляев.

После создания Контактной группы были еще четыре встречи с Аксеновым. На одной такой встрече правозащитникам даже удалось догово-

³⁸ 10 декабря 2017 года умерла от рака, который развился после похищения сына.

риться об освобождении из СИЗО пятерых задержанных, находившихся под арестом по делу «3 мая»³⁹, когда Мустафа Джемилев приезжал в Крым.

«Это была большая победа. Нам звонили и писали отовсюду, поздравляли. Московские правозащитники сказали, что такого еще не было», – комментирует мой собеседник.

Однако среди народа не все понимали роль этой организации, многие думали, что она создана самим «главой» Крыма, хотя это была инициатива Джеппарова. Такая «слава» была ни к чему, впрочем, и встречи с «руководством» вскоре стали безрезультатны. Также посыпались «просьбы». Сначала, исключить из группы Эмиля Курбединова. Потом, в апреле 2015 года, была попытка похищения Эмира-Усеина Куку, который представлял Контактную группу на Южном берегу Крыма, от Алушты до Севастополя. Джеппарову было предложено дать опровержение тому, что Куку является представителем Контактной группы. Все это послужило причиной прекращения связей с Аксеновым.

Но Крымская контактная группа осталась и продолжает действовать. Джеппаров говорит, что работы хватает, и главная их задача – объединять активных людей. Это трудно – народ шокирован, происходят страшные вещи. Но постепенно все меняется. Например, в апреле 2016 года по инициативе Абдурешита Джеппарова создается «Крымская солидарность», о себе уже заявляют и другие активисты.

«Я убежден, чем сильнее будет гражданское общество, тем смелее зазвучит голос из Крыма. Именно мы из Крыма должны говорить о наших проблемах. Хотя мое искреннее желание – стать безработным правозащитником, чтобы этот кошмар закончился, и мы вернулись в то государство, в котором жили раньше. Я мечтаю о целостности

³⁹ 3 мая 2014 года лидеру крымскотатарского народа Мустафе Джемилеву российские власти запретили въезжать на территорию Крыма. В ответ на это крымские татары вышли к городу Армянск, где находится пункт въезда в Крым, чтобы поддержать Джемилева и высказать свой протест против такого запрета. Они попытались помочь Джемилеву попасть в Крым. Однако путь преградили бывшие бойцы украинского спецподразделения «Беркут». Крымским татарам удалось прорвать кордон и встретить Джемилева. В собрании приняли участие несколько тысяч крымских татар, после чего «прокурор Крыма» Наталья Поклонская направила постановление в Следственный комитет и ФСБ РФ с целью «организации уголовного преследования в отношении виновных лиц по ст. ст. 212, 318 и 322 УК РФ» – это статьи о массовых беспорядках, применении насилия в отношении представителя власти и незаконном пересечении границы. По «делу 3 мая» было арестовано 5 человек, которых обвиняли в насилии к представителям российской власти, а также было оштрафовано около 100 крымских татар.

Украины: чтобы она стала такой державой, которая не оставляет свои территории.

И конечно же, хотелось бы видеть Крымскотатарскую автономную республику, где каждый человек чувствовал себя в безопасности, – говорит Джеппаров и твердо добавляет: – Я думаю, что это не просто пожелания. Так оно и будет. Для этого много и упорно работают наши друзья, союзные государства, общественность, санкции. Другое дело – сколько на это уйдет времени?

Но чем быстрее это состоится, тем скорее вернутся мои дети... Как это случилось в 1953 году, когда умер Сталин, и почти все узники, кто был жив, вернулись домой. Думаю, то же самое произойдет и с нашими узниками, с теми, кто пропал или похищен. Я очень хочу верить в то, что мои дети живы».

“

Как только переезжаешь границу, ступаешь на украинскую сторону, становится легче дышать. Потому что можно говорить громко, о чем угодно, с кем угодно, на любые темы. А здесь мы это себе позволить не можем. Лишь в полтона, с оглядкой, аккуратно, по телефону те имена не называй, об этом не упоминай... И такую несвободу не заменяет никакие бюджетные деньги или строительство дорог. Мы об этом их не просили.

...Люди в Крыму в постоянном ожидании. По возвращении из Киева меня часто спрашивают, что говорят в столице, скоро ли все это закончится?

Но я знаю, когда настанет деокупация, работы у правозащитников не уменьшится. Одна волна будет выдавливать другую, и это неизбежно”

Острый булыжник

Михаил Батрак

Симферополь

ДОСЬЕ

Михаил Батрак.

ДО. Менеджер по продажам.

ПОСЛЕ. Активист Украинского культурного центра, координатор инициативы «Крымский процесс».

Покинул Крым осенью 2018 года.

МЕЧТАЕТ, чтобы все было хорошо у него, у его близких и окружающих.

А это значит, когда безопасно, когда есть крыша над головой...

“

Мы не должны забывать, что крымчане – это украинские граждане, они не предатели, которые пошли голосовать на «референдум» сломя голову. Не предатели даже те, кто сделал неправильный выбор”

Михаил Батрак

33 года Михаил Батрак прожил в Крыму. Обычный парень. Коротко стриженный, с сережками в ушах. Получил высшее образование, но никогда не работал по специальности. Был менеджером по продажам в одной из компаний, которая прекратила свою деятель-

ность после оккупации Крыма. Руководство уехало в Киев, а Михаил остался дома, в Симферополе. Он не собирался покидать полуостров.

В свободное время встречался с друзьями, о чем-то спорили, над чем-то смеялись, но никогда не предполагал, что его жизнь может круто измениться. Что когда на его родную землю придут чужие вооруженные люди, и многим придется подстраиваться под новые правила и помалкивать. Батрак не догадывался, что будет заниматься журналистикой, писать репортажи в Facebook об обысках крымских активистов, задержаниях и допросах. Что он будет вести посещать политически мотивированные судебные процессы в Крыму, фиксировать нарушения в таких делах, как дело Владимира Балуха, который вывесил украинский флаг на крыше своего дома и за это попал за решетку, или Игоря Мовенко⁴⁰, против которого возбудили уголовное дело за украинскую символику, или крымскотатарского активиста Сулеймана Кадырова⁴¹... Что в 2014 году он откажется от российского паспорта. Что его не один раз в родном Крыму представители ФСБ будут ожидать на допросах, а прокуратура – вручать разного рода предупреждения.

Кто такой правозащитник и почему его так вскоре будут называть – вряд ли Михаила это интересовало, когда с друзьями собирались перед футбольным матчем.

Но все изменилось.

Сразу после оккупации Михаил с коллегами создали организацию «Украинский народный дом», которая помогала украинским военным

⁴⁰ Мовенко Игорь – житель Севастополя, работал менеджером в компании по организации праздников. В сентябре 2016 года был избит в связи с наличием на его велосипеде украинской символики. Позже выяснилось, что нападавший является сотрудником полиции. Мовенко безуспешно пытался добиться возбуждения уголовного дела и привлечения нападавшего к уголовной ответственности. Вместе с тем, в апреле 2017 года ему самому было предъявлено обвинение в уголовном преступлении по статье 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» за комментарии в социальных сетях. С момента между приговором первой инстанции и рассмотрением апелляционной жалобы находился в следственном изоляторе Симферополя. Приговорен к одному году условного заключения с испытательным сроком.

⁴¹ Сулейман Кадыров – член регионального Меджлиса крымскотатарского народа в Феодосии. До 2010 года работал в Феодосийском городском отделе МВД. В октябре 2016 года в отношении него был произведен обыск и возбуждено уголовное дело по ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Поводом для преследования стало размещение с аккаунта Сулеймана Кадырова репоста видеоролика о формировании добровольческого батальона «Крым». Несколькими месяцами позже появился комментарий от имени Кадырова под этим роликом со словами «Поддерживаю, Крым был, есть и будет Украиной». Приговорен к 2 годам условного срока с запретом публичной деятельности.

с семьями переехать на материк. Однако недолго. Стали пропадать активисты, среди них было и двое его коллег – Тимур Шаймарданов и Сейран Зинединов⁴². После этого инициатива полностью прекратила свою работу, а ее участники старались не упоминать даже названия.

Наверное, самым «безобидным» в условиях российской агрессии было открыть Украинский культурный центр, чтобы сохранить украинскую культуру, традиции, язык на территории Крымского полуострова. Наивно было предполагать, что эту организацию не будут трогать новые «власти», но уже страха не было – страх стал нормой жизни, а значит, не мешал ясно мыслить, не парализовал.

«Я стал обращать внимание на проблемы, которые раньше меня совсем не цепляли. И едва ли не впервые в жизни задумался, что такое права человека. Это был острый вопрос, требовавший моментальных даже не ответов, а действий.

Незаконные аресты, задержания... Людей стали незаконно задерживать за выражение своего собственного мнения, сажать в тюрьмы. И мне от всего этого становилось не по себе – да что ж такое творится в моем Крыму! Я стал посещать судебные заседания, фиксировать то, что происходит, сотрудничать с некоторыми СМИ, писать об этом на собственной странице в Facebook – чтобы все больше людей знавали, как на самом деле мы живем.

Я никогда не уделял внимания своей собственной безопасности, но после событий 2014 года это стало самым первым вопросом...», – говорит мой собеседник.

Михаил был уверен, что его участие – даже как наблюдателя, как человека, который рассказывает Украине и миру факты, – может дать хороший результат для родного Крыма.

«Изначально было очень страшно, – признается Батрак. – Но потом страх пропал, не то чтобы пропал – стал привычным. Стал нормой жизни».

⁴² Тимур Шаймарданов – крымский татарин, активист общественной инициативы «Украинский народный дом», в марте 2014 года помогал доставлять гуманитарную помощь украинским военным в Крыму. Был похищен 26 мая 2014 года, а через несколько дней, 30 мая, пропал его соратник Сейран Зинединов, который занимался поиском Шаймарданова. Об их судьбе до сих пор ничего не известно.

Михаила можно было увидеть во время судебных процессов по делам крымских политзаключенных Владимира Балуха, Сулеймана Кадырова, Игоря Мовенко, Евгения Панова⁴³, Николая Семены⁴⁴, Ильми Умерова⁴⁵, Ахтема Чийгоза, по делу «26-го февраля». Среди других дел, которыми он непосредственно занимался, – избрание меры пресечения для украинских моряков⁴⁶, захваченных в районе Керченского пролива.

Работа с адвокатами, аналитика, публичные выступления, безусловно, не могли не привлечь внимание к Батраку. В последнее время

⁴³ Евгений Панов – гражданин Украины, проживал в г. Энергодар Запорожской области. Работал водителем на Запорожской АЭС. Принимал участие в антитеррористической операции на востоке Украины. Был задержан сотрудниками ФСБ в Крыму в августе 2016 года. Тогда российские спецслужбы заявили о предотвращении в Крыму терактов против инфраструктуры полуострова. По версии следствия, нападения планировало организовать главное управление разведки Минобороны Украины. Панова назвали членом диверсионной группы из семи человек, якобы заброшенной на территорию Крыма. 11 августа 2016 года появилось видео, на котором Евгений Панов признается, что готовил диверсии на территории Крыма и сотрудничал с Главным управлением разведки Украины. В дальнейшем через адвокатов он заявил об отказе от данных им показаний, сообщив, что они были даны в результате длительных пыток. 13 июля 2018 года Евгения Панова приговорили к восьми годам колонии строгого режима.

⁴⁴ Николай Семена – украинский журналист, известный в Крыму политический обозреватель, до оккупации – собственный корреспондент газеты «День» и других украинских изданий. Весной 2016 года в доме Семены был проведен обыск, а в отношении него возбуждено уголовное дело по обвинению в публичных призывах к нарушению территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»). Поводом для преследования стала статья «Блокада – первый шаг к деокупации Крыма». За перепиской журналиста давно следили, знали, что он был известен публикациями с критикой по отношению к российской власти и акту оккупации Крыма. Семена приговорен к 2 годам и 6 месяцам условного заключения с запретом заниматься публичной деятельностью.

⁴⁵ Ильми Умеров – заместитель председателя Меджлиса крымскотатарского народа. С 1994 по 1997 гг. – вице-премьер в правительстве Крыма. С 2002 по 2005 гг. – вице-спикер крымского парламента. С 2005 по 2014 гг. возглавлял Бахчисарайскую районную администрацию. В знак несогласия с фактом оккупации покинул пост руководителя Бахчисарайской районной администрации, неоднократно осуждал репрессии властей Крыма, подконтрольных РФ, в отношении крымских татар. В мае 2016 г. в отношении Умерова было возбуждено уголовное дело по обвинению в публичных призывах к нарушению территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ). Поводом для преследования стало его выступление на крымскотатарском языке на телеканале АТР, где, по мнению обвинения, он призывал усилить санкции, чтобы Россия вернулась к границам начала 2014 г. С Умерова взяли подписку о невыезде. Почти месяц он проходил принудительную судебно-психиатрическую экспертизу в Симферополе. Был приговорен к 2 годам колонии-поселения и 2 годам запрета на публичную деятельность. После вынесения приговора был тайно вывезен в Анкару и освобожден по договоренности между президентами Турции и РФ.

⁴⁶ 25 ноября 2018 года пограничные корабли Российской Федерации помешали прохождению трех кораблей ВМС ВС Украины из порта Одессы в порт Мариуполь Азовского моря. В частности, пограничный корабль РФ в районе Керченского моста протаранил украинский рейдовый буксир. В итоге все три корабля были захвачены Россией, а 24 моряка попали в плен, из них шестеро были ранены. 27 и 28 ноября в оккупированном Крыму «суды» в Симферополе и Керчи арестовали до 25 января 2019 года 24 военнопленных украинских моряков. 30 ноября их этапировали из оккупированного Крыма в СИЗО Москвы Лефортово и «Матросская тишина».

каждый его проезд через административную границу заканчивался задержаниями, допросами и угрозами: *«Когда ты уже собираешься уезжать?»*, *«Ты же знаешь, что твоя деятельность здесь не очень желательна и вообще ты не являешься гражданином Российской Федерации!»*.

Тревожным звонком стал обыск у его коллеги из Украинского культурного центра Ольги Павленко⁴⁷.

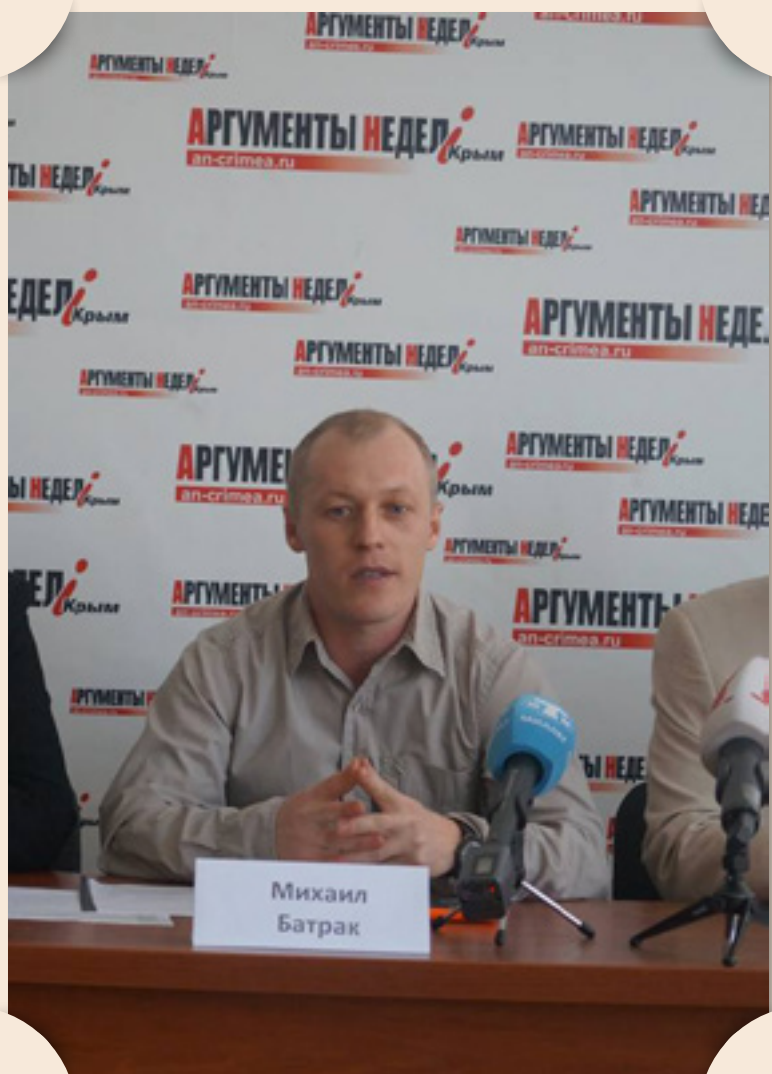
⁴⁷ Ольга Павленко – активистка инициативы «Украинский культурный центр» (УКЦ) в Симферополе. Центр возник в 2015 году и занимался культурными акциями, обучением украинскому языку, вышивке и т.д. Несколько раз активисты были задержаны в ходе проведения массовых акций, приуроченных к знаковым украинским праздникам. В начале 2018 года в отношении Украинского культурного центра была инициирована проверка со стороны Симферопольской городской прокуратуры. 29 августа 2018 года у активистки УКЦ Ольги Павленко был проведен обыск, потом ее вызвали на допрос. После этого она покинула Крымский полуостров.

Акция к 200-летию с дня рождения Тараса Шевченко.
Симферополь, март 2014 года

После судебного заседания по делу Ильми Умерова. Алена Попова,
Валерий Балаян, Ольга Павленко, Михаил Батрак. *Симферополь, сентябрь 2017 года*

Презентация Украинского культурного центра в Крыму.
Симферополь, март 2016 года

«Я как раз приехал на обыск. И следователь (чтобы запугать, или действительно так было) сказал, что есть постановления на проведение обыска не только у нее. После этого еще несколько человек собрали вещи и выехали», – рассказывает Михаил.

По его словам, в Крыму работает политика запугивания и выдавливания инакомыслящих. Он понял, что его свобода и безопасность – это вопрос времени. Михаил и так слишком долго смог продержаться в Крыму, занимаясь публичной правозащитой.

«После допроса Ольги Павленко в Следственном комитете, уже через четыре часа я собрал вещи и уехал, не дожидаясь рассвета. Никого не предупреждал, никому по телефону не сообщал о своем решении. При пересечении «границы» меня опять задержали сотрудники ФСБ. Но это был самый короткий допрос – буквально минуты три. Мне сказали, что я принял правильное решение, покидая территорию», – делится Михаил Батрак.

Херсон – первый административный центр, куда выезжают крымчане. Михаила тут задержали дела, связанные с Ольгой Павленко. Он не хотел ее оставлять одну: Ольга, да и сам Михаил, нуждались в поддержке. Но за то время, что он пробыл в Херсоне, ему там понравилось.

«Здесь очень добрые отзывчивые люди. Это хороший город, несмотря на то, что ужасные дороги и транспорт», – улыбается парень.

Со своей солнечной улыбкой Михаил совсем не похож на тот острый булыжник, такой неудобный для крымской «власти».

Для Михаила Крым остается родиной – осознанной родиной. Наверное, только с ее потерей понимаешь, насколько она важна. И море, и небо, и украинские песни, и вышиванка, где орнамент – твоя кровеносная система. Когда тебя задерживают как преступника только за то, что надел сорочку-вышиванку, это лежит за гранью добра и зла.

“

Позже с друзьями мы старались не затрагивать темы политики – ни в Крыму, ни на материковой Украине. В 2014 году все было очень болезненно, мы много спорили, много злились... И в какой-то момент поняли, что у нас есть много других вещей, которые нас объединяют. Несмотря на то, что у многих разные взгляды на происходящее в Крыму, мы продолжаем общаться.

Я не хочу с друзьями постоянно говорить о политике, проблемах в сфере прав человека, работе. Нельзя 100% своего времени посвящать этому. Иначе выгоришь, слишком много несправедливости – не все можно вынести.

Нужно уметь радоваться... Это не беззаботность или черствость, это ответ тому злу, что происходит, наш ответ – жизнь продолжается, а значит, мы готовы бороться. Иначе, смысл всего этого?”

Прометей

Эмиль Курбединов

Симферополь

ДОСЬЕ

Эмиль Курбединов

ДО. Адвокат по гражданским делам.

ПОСЛЕ. Адвокат, юрист правозащитного союза в Крыму «Крымская солидарность». Живет в Крыму.

МЕЧТАЕТ о будущем, в котором нет тиранов во главе государства и где народ может, не боясь, отчитывать власть, где власть имущие – слуги народа, а не наоборот.

“

Я убедился: те, кто сейчас руководят процессами внутри России, – очень недалёковидные политики. Они живут одним днем, и в этом их беда. Они действуют старыми методами, и главное для них – это метод силы.

Возможно, сейчас эти политики чего-то и добиваются, например, огромного количества уголовных дел и преследований. Но они совсем не понимают, какую бомбу замедленного действия закладывают для будущего России...”

Эмиль Курбединов

«Я не могу выделить из массы наших судебных дел одно, главное...», – в голосе крымского адвоката Эмиля Курбединова звучит раздражение. Чуть выдохнув, он продолжил теплее и печальнее: «Дела, где крымских татар обвиняют в терроризме, или дела о похищении людей, а еще украинские военнопленные, убийства и пытки – как из этого выбирать? Все они влияют на активистов, на тех, кто исповедует религию или хочет исповедовать, влияют даже на политику. У каждого из этих дел есть свои болевые точки, но они показывают политику России и ее истинные цели...».

...С Эмилем Курбединовым я не смогла лично встретиться. Попросила своего коллегу задать мои вопросы. Но, слушая запись их беседы, я очень живо представляла Эмиля – смуглый добряк с теплой улыбкой.

На крымском полуострове его имя знакомо, наверное, всем крымским татарам, всем украинским активистам. Его имя также очень хорошо знают де-факто власти Крыма, сотрудники ФСБ, суды и прокуратура. Для первых оно звучит как надежда и сила, для других – как красный перец в глаза.

Эмиль Курбединов родился в Краснодарском крае в России. Еще со школы мечтал работать в юридической сфере. Это же так интересно: разбирать дела, решать проблемы людей! Ради этого даже окончил школу-лицей в «классе милиции». Высшее юридическое образование парень получил в Кубанском государственном университете.

В 2007-м году переезжает в Крым, на историческую родину своих предков. Тут знакомится с коллегами, которым также близка правозащитная деятельность. В 2011 году они арендуют в Симферополе небольшой офис. Через два года Курбединов получает статус адвоката. Вместе с коллегами занимается гражданскими вопросами и даже не предполагает, как вскоре круто поменяется жизнь. За один месяц.

Март 2014 года. Эмиль Курбединов узнает о похищении сотрудниками ФСБ Ивана Селенцова. Прямо на улице, только за то, что раздавал Коран на русском языке.

«Молодой парень исчез. Его держали в каком-то изоляторе, пытали. А потом довели на машине до границы с Крымом, выкинули со словами: заедешь в Крым – пожалеешь об этом», – рассказывает адвокат.

Это и стало его первым делом. С коллегами-правозащитниками начали разыскивать Ивана – объездили все отделения милиции, прокуратуры, писали запросы. Только на четвертый день им сообщили, что Селенцов находится в изоляторе.

«Чтобы оправдаться, почему пропал человек и хоть как-то притянуть все в правовое поле, спецслужбам пришлось возбудить против него административное дело и задним числом арестовать на 15 суток. А потом нам сообщили, что в изоляторе он находится законно, потому что есть решение суда. И что это самая банальная административка – мол, ругался напротив здания ФСБ, приставал к прохожим...», – вспоминает обстоятельства дела адвокат и продолжает:

«Мы впервые увидели, что ФСБ и суды – заодно. А значит, очень сомнительно, что суды будут объективны. Методы спецслужб достаточно жесткие, если нужно добиться своей цели. Мы увидели, насколько наша

жизнь поменялась, на что они способны ... История с этим парнем – как лакмусовая бумажка, чтобы все сразу четко осознали, куда мы попали».

Адвоката, который сам вырос в России, хорошо разбирается в российском законодательстве и не понаслышке знает методы работы силовиков, шокировали крымские события.

Первые три месяца российского контроля над Крымом Курбединов называет жизнью в вакууме – правовом, социальном, – когда не работают суды, когда ни сотрудники милиции, ни другие правоохранительные органы не знают, на какой закон опираться.

«Мы получали первые решения суда, где было написано «именем Российской Федерации», но стояли печати с украинским тризубом. Это нескончаемое ощущение сюрреализма...», – рассказывает Курбединов.

Да, в украинском Крыму суды могли выносить неправомерные решения, правоохранительные органы – превышать свои полномочия, а прокуратура – смотреть на нарушения сквозь пальцы. Но крымчане никогда не сталкивались с насильственными исчезновениями, с преследованием из-за религии или политических взглядов.

«При Украине мы могли мирно выйти на какую-то акцию, чтобы высказать свое несогласие. Я лично в 2012 году собирал около 30 человек напротив здания Главного управления МВД. Нас никто не разгонял. Более того – нас принял начальник МВД, поговорил... Попробуй сейчас выйти так! Окажешься минимум на 15 суток за решеткой... Контраст очень большой», – возмущается Курбединов.

После похищения и убийства Решата Аметова – крымского татарина, вышедшего с одиночным пикетом против оккупации, – и вовсе открылся конвейер уголовных дел.

«Заработала страшная репрессивная машина, о которой мы были слышаны от своих бабушек и дедушек. Мы воспитывались на историях о КГБ, о том, как солдаты вывозили наших близких в вагонах для скота просто за то, что они крымские татары... Моя бабушка умерла в 87 лет, и даже в этом возрасте она не могла без слез рассказывать о событиях 1944 года. Ей тогда было лет 13-14... И мы впитывали ее боль, ощущали ее через поколения. То был геноцид моего народа. А теперь нашим детям приходится испытывать эту боль», – рассказывает Эмиль.

Как только адвокат начал выезжать к соотечественникам, которые были подвергнуты обыскам, задержаниям или арестам, защищать Ильми Умерова, Николая Семену, фигурантов дела «Хизб ут-Тахрир»⁴⁸, практически сразу в его адрес посыпались «предупреждения». Ему намекали, что следует оставить эту работу или – не выносить на публику.

За пять лет у Курбединова набралась уже своя коллекция методов, как его запугивали. В 2017 году арест на 10 суток⁴⁹, попытка возбудить в отношении него уголовное дело за якобы разглашение тайны следствия. Потом предписание прокуратуры, в котором говорилось, что он, его коллега Лиля Гемеджи и другие юристы являются организаторами массовых митингов.

«А речь шла всего лишь об одиночных пикетах. Но этого было достаточно, чтобы нам из прокуратуры вручили предостережение, что мы проводим экстремистскую деятельность», – рассказывает Курбединов.

Второй арест адвоката в декабре 2018 года стал прецедентом на полуострове: его дважды привлекли к ответственности за один и тот же репост в соцсетях по административной статье о пропаганде символики запрещенной в России мусульманской организации «Хизб ут-Тахрир». К тому же, пост этот был опубликован еще до того, как Россия установила свой контроль над Крымом. Дали пять суток.

После задержания Курбединова в офис «Крымской солидарности» ворвался неизвестный человек, разбил окна: *«Что-то новенькое... Раньше таких грубых методов или угроз не применяли – как-то обходились арестами, давлением, предписаниями, – отшучивается адвокат. – Камеры у нас стоят повсюду, но этот человек так профессионально действовал, что ни на одну из них не попал. Видно, что это мужчина, вроде и лицо видно – но идентифицировать очень сложно».*

⁴⁸ «Хизб ут-Тахрир» – международная исламская политическая организация, миссией которой является объединение всех мусульманских стран в исламском халифате. Отвергает насильственные методы достижения этой цели. Работает более чем в 40 странах мира. В России «Хизб ут-Тахрир» признана террористической организацией после того, как Верховный суд РФ запретил ее в 2003 году. Все члены «Хизб ут-Тахрир» в Крыму после оккупации его РФ преследуются в уголовном порядке.

⁴⁹ 26 января 2017 дома и в офисе Эмиля Курбединова прошли обыски, а его самого арестовали на 10 суток за «распространение экстремистских материалов». В 2013 году, до оккупации Крыма РФ, Эмиль сделал репост про митинг «Хизб ут-Тахрир» в Симферополе, и оккупационный суд расценил это как распространение экстремистских материалов. Адвокат был задержан, когда спешил на помощь к бахчисарайскому активисту Сейрану Салиеву, к которому явился ОМОН с обыском.

Акція в підтримку Еміля Курбедінова в Києві,
январь 2017 года.

Еміль Курбедінов отримує премію Front Line Defenders
для правозащитників в небезпечності – 2017.

Министерство юстиции России вынесло предписание об исключении Курбединова из Крымской центральной коллегии адвокатов. Однако Минюст сработал топорно: в письме к Коллегии адвокатов, опираясь на недавний арест Курбединова, заявил, что тот является экстремистом, а значит, его следует исключить. Или же... Минюст ликвидирует всю Коллегию адвокатов.

«Выбить меня из коллегии – это первый шаг к тому, чтобы лишить меня статуса адвоката. К этому они постепенно идут. Конечно, мы будем обжаловать это предписание. Ведь я не обвинен по террористической статье. Также существуют юридические моменты, свидетельствующие о том, что Министерство юстиции нарушило закон. Уверен, будет огромный резонанс со стороны российских адвокатов. Уже Федеральная палата адвокатов РФ выступила с заявлением о неправомерных действиях Минюста. Учитывая все это, возможно, суд будет вынужден Минюсту отказать в таком решении. И я надеюсь, их предписание останется только на бумаге⁵⁰», – говорит Курбединов и спустя миг твердо добавляет:

«Даже если я не буду адвокатом, то останусь правозащитником. Разве что не смогу фактически участвовать в уголовных делах. При самом худшем раскладе работы ни у меня, ни у коллег не уменьшится. Надеюсь, что так же смогу защищать людей, как защищал их с этой корочкой».

«Тогда уничтожал СССР, сейчас – Россия, и наша мирная борьба не прекращается», – объясняет свой жизненный выбор адвокат. Но был ли у него выбор?

Да, закончился ужас первых двух лет оккупации, когда похищения и убийства людей были обыденностью. Но это благодаря публичности, уверен Курбединов: тогда к каждому трагическому случаю подключались адвокаты и правозащитники, они требовали от государства эффективного расследования, подавали жалобы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Об этом говорили журналисты, об этом узнавал мир.

«С самого начала мы с коллегами определились, что будем максимально публичными, будем максимально прозрачно работать и сообщать то, что происходит – в судах, в органах власти, обществе. Это наши принципы – публичность и ненасильственная борьба.

⁵⁰ 22 февраля 2019 года Коллегия адвокатов приняла решение не исключать Эмиля Курбединова.

А еще нас спасает огромная поддержка народа. Помню, как-то за мной некоторое время ходили мужчина и женщина. Я в магазин – и они туда. Не слезка ли? Выхожу на улицу, а они догоняют и говорят: «Извините, мы знаем, чем вы занимаетесь. Мы очень вас поддерживаем! Вы не одни!».

Или же когда я выходил после 5-суточного ареста, меня пришли встречать около 300 человек. Большинство из них я видел впервые в жизни. Признаюсь, я был поражен», – говорит Курбединов.

Адвокат добавляет, что с первых дней аннексии Крыма огромную поддержку оказывали украинские правозащитники и активисты, представители Министерства иностранных дел Украины не пропустили еще ни одного судебного заседания в Ростове, где обычно судят крымчан, а прокуратура АР Крым, которая работает на материковой части Украины, реагирует на все преступления на полуострове. Ко всему прочему есть еще санкционный список российских политиков, международное давление, внимание журналистов – все это работает на возвращение Крыма и защиту политзаключенных.

«И хоть продолжаются аресты, психологическое давление, приговоры от 17 лет и выше, но мы не проигрываем, – убежден Эмиль Курбединов. – Посмотрите, как ведут себя политзаключенные. Держатся все, как один! Как бы системе не хотелось, никто никого не сдает, никто не

идет с ними на какие уступки, не подписывает признательные показания в абсурдных обвинениях. А это уникальное объединение крымских татар! Раньше мы могли друг с другом не разговаривать, а сегодня один за всех и все за одного. И хоть не все крымчане готовы помогать публично – в большей степени передают деньги, покупают продукты для политзаключенных или относят какие-то вещи, – но и эта поддержка важна».

...Диктофонная запись закончилась. И хоть было уже далеко за полночь, а я не люблю расшифровывать записи, мне стало грустно, что это – все...

Слова, действия Курбединова – как огонь Прометея: согревают, дают надежду и освещают темные времена. Я не перестаю удивляться его силе делать свою «работу» – опираясь на закон, решительно, сердито, публично. Даже ловлю себя на мысли, что вздыхаю с облегчением, когда узнаю, что в защиту кого-то из задержанных выступает Эмиль Курбединов.

А еще я точно знаю, что у меня обязательно будет возможность, глядя ему в глаза, сказать «спасибо». За огромный труд, за человечность и его нескончаемую веру в людей.

Помните старый мультфильм про Прометея? Его печень каждый день клевал орел, а Прометей отвечал: «Я просто хочу помочь людям. Это ведь так просто, неужели вы этого не понимаете?».

«Нет, у тебя есть какая-то выгода, что ты хочешь?», – свирепствовал орел.

«Да, я просто хочу помочь людям!»

...Мы все хотим видеть будущее наших детей не в таком государстве, которое сейчас фактически есть в Крыму. Мы не хотим, чтобы наши дети и внуки жили там, где надо читать только то, что тебе разрешают, а если ты высказал что-то против власти – тебя посадят или убьют. Мы не хотим жить в такой реальности. Мы считаем, что правда и справедливость на нашей стороне».

Заря

Лиля Гемеджи

Алушта – Симферополь

ДОСЬЕ

Лиля Гемеджи

ДО. Юрист, помогала с оформлением гражданства крымским татарам, которые возвращались из депортации.

ПОСЛЕ. Адвокат, юрист правозащитного союза в Крыму «Крымская солидарность». Живет в Крыму.

МЕЧТАЕТ на своей земле спокойно жить и исповедовать свою религию.

“

У меня никогда не возникало желания выехать на материковую Украину. Когда приезжаешь в Киев, тебе нравится город, нравится отношение людей... Но в Киеве ты себя чувствуешь в гостях, а в Крым ты возвращаешься домой.

Поэтому даже после явных намеков на то, что мы «слишком много разговариваем», «лезем не туда, куда надо», я точно знаю: останусь дома. Большинство нашего народа находится в Крыму, корни наши тут, и это помогает.

Когда один из моих друзей, который выехал года два назад, спросил: «Насколько вам тяжело жить в Крыму?», я ответила: «Это не нам тяжело жить в Крыму, это вам тяжелее жить вдалеке от Крыма».

Лиля Гемеджи

Ранним-ранним утром, когда первые лучи солнца пробуждают крымскую землю, слышится молитва, в звуках которой – сила всего крымско-татарского народа. Эта сила – в свободолюбии, в непринятии насилия, в добрососедском характере.

«За долгие годы проживания в Крыму можно было убедиться, что это абсолютно мирный народ, который никогда не будет использовать какие-то вооруженные методы борьбы, что возможно лишь мирное противостояние», – говорит Лиля Гемеджи.

Она рассказывает о своем народе с такой любовью, с такой преданностью, словно заря обнимает своим теплым светом землю. И сама Лиля будто соткана из утреннего рассвета – спокойная, сильная, умиротворяющая.

«Мы переехали в Крым с родителями в 1989 году, жили в деревне. Отношение к нам было, как к людям второго сорта. До школы было 5 километров, мы ездили на школьном автобусе, где нам не разрешали садиться, мы должны были ездить стоя: мест для крымских татар не предусматривалось. Так вот эти места мы выбивали «кулаками».

Впоследствии, когда я уже надела платок, приходилось доказывать всем, что ты не верблюд и что заслуживаешь чего-то благодаря своим качествам, своим поступкам. Платок – это атрибут моей принадлежности к определенной религии, но не свидетельство наличия или отсутствия у меня каких-то умственных способностей.

Тебя характеризует то, как ты участвуешь в суде, как готовишь материал, как относишься к делу, – твои умственные и моральные качества, а не твой платок», – говорит Лиля.

По образованию она юрист, совсем недавно получила статус адвоката. А начинала работать в организации, помогавшей с вопросами оформления гражданства крымским татарам, которые возвращались в Крым из Узбекистана, Российской Федерации и других республик бывшего СССР.

Потом Лиля стала мамой и долгое время уделяла воспитанию сына и дочери.

Ее муж Рустем Кямилев, тоже юрист по образованию, был одним из организаторов «Правозащитного движения Крыма». Тогда организация занималась вопросами крымскотатарских захоронений, разрешения вклеивать в паспорт фото женщин в платках.

После оккупации Крыма организация переехала на материковую часть Украины. Но семья Рустема и он сам остались на родине своих предков. После появления третьего ребенка Лиля понемногу стала возвращаться в профессию. На семинаре, организованном Украинским Хельсинкским союзом по правам человека, она прошла курс по правам человека. А потом Эмиль Курбединов с Эдемом Семедляевым пригласили Гемеджи работать вместе – в «Крымскую солидарность». С рождением в 2015 году самой младшей дочки молодая мама уже не прерывалась на декрет – брала малютку с собой, и та игралась и засыпала, пока мама работала.

Сначала один-два дня в неделю Лиля вела юридические приемы в Алуште, Симферополе, но с каждым днем работы становилось все больше. Сейчас 24 часа в сутки 7 дней в неделю Лиля на связи – кон-

сультурует и в дороге, и дома, и когда готовит ужин... Говорит, уже приловчилась – либо с наушниками, либо прижимая телефон плечом.

У «Крымской солидарности» открыта горячая линия, также юристы реагируют на сообщения из социальных сетей. Поскольку физически они не в состоянии охватить все дела, то больше ориентируются на те случаи, когда люди в дальнейшем могут быть подвергнуты уголовному преследованию. А это обыски, вызовы на допрос, профилактические беседы со стороны сотрудников правоохранительных органов... Первым делом, за которое взялись адвокаты, было дело «3 мая», когда крымские татары встречали Мустафу Джемилева у административной границы Крыма.

Вскоре дела нарастали, как снежный ком... Лилие и ее окружению долгое время не верилось, что такое возможно – захват Крыма, «референдум», пропажа крымских татар. В чувство привела ее подруга, которая резко бросила: *«Оглянись вокруг!»*.

На тот момент она с семьей жила в пригороде и особо в центр города старалась не выходить. Помимо того, что было много вооруженных людей, техники на улицах города, платок Лилии привлекал особое внимание.

После слов подруги пришлось глянуть правде в глаза: чудовищная ситуация – реальность, и нужно учиться жить в новых условиях. Кто-то начал сотрудничать с оккупационными властями, кто-то перестал активничать, а кто-то, наоборот, занял активную гражданскую позицию и стал отстаивать интересы крымскотатарского народа.

«Мне важно, чтобы мой народ в Крыму не был третьим сортом, чтобы с его правами считались, чтобы прекратилось уголовное преследование и давление.

...В 1944 году всех крымских татар огульно обвинили как предателей. Сейчас обвиняют как экстремистов и террористов, и бороться с этим можно лишь одним путем, развенчивая мифы о нас. Если вы называете крымских татар террористами, если вы называете мусульман террористами, пожалуйста, предоставьте доказательную базу, покажите хоть один взрыв или теракт, которые были совершены в Крыму», – говорит Лилия и добавляет:

«Недавно я присутствовала в Риме на заседании ОБСЕ, которое касалось дискриминации по религиозному признаку. Было очень много

участников из разных стран, и участник из Италии показал статистику, которую он взял на странице Интерпола. Из всех терактов, совершенных за последнее время, лишь 0,86%, даже не 1%, были совершены мусульманами. Но если мы возьмем СМИ и тот язык вражды, который используется, если мы будем базироваться только на материалах медиа, то складывается впечатление, что все теракты – дело рук исключительно мусульман».

Она уверена, что этому можно противодействовать, предоставляя правдивую статистику, показывая жизнь мусульман, крымских татар в их обычной среде, показывая их поступки и их дела. Говорить о том, что на самом деле происходит в Крыму, а не то, как это показывают силовые структуры и российское телевидение.

«Одно из последних заявлений Аксенова о том, что главные террористические угрозы в Крыму – это украинские националисты, а также участники батальона Номана Челебиджихана⁵¹. Верный знак, что будут задержания украинских активистов, мусульман, крымских татар, проживающих в Крыму. Потому что направление работы ФСБ уже задано и сигнал пущен. Пропагандистская машина – СМИ в Крыму и в России в целом – будет направлена на то, чтобы создавать образ врага. А враг определен – на сегодняшний день это наш народ», – тихо говорит моя собеседница.

В ее глазах нет страха – она знает, что сейчас для нее, ее семьи, ее Крыма нужна твердость и публичность. На данный момент это единственные инструменты, которые могут хоть как-то влиять на дела, на которых есть политический заказ.

«Если вы проанализируете последнюю работу Палагина⁵², начальника ФСБ, и нового начальника ФСБ Михайлюка⁵³, то можно заметить, что с приходом Михайлюка в процесс включилась мощная пропагандистская машина. Эта машина рассказывает не только о террори-

⁵¹ Батальон имени Номана Челебиджихана – добровольческое крымскотатарское вооруженное формирование, создание которого началось в начале 2016 года во время блокады на административной границе с оккупированным Крымом. Назван в честь Номана Челебиджихана – крымскотатарского политика и общественного деятеля, организатора I Курултая крымскотатарского народа, первого муфтия мусульман Крыма, Литвы, Польши, Беларуси.

⁵² Виктор Палагин – с апреля 2014 года по ноябрь 2018 года начальник Управления ФСБ России по Республике Крым и г. Севастополь.

⁵³ Леонид Михайлюк возглавил Управление ФСБ в Крыму 9 ноября 2018 года.

стах, точнее, о людях, на которых навешаны ярлыки террористов и экстремистов – она начинает создавать негативный образ из всех тех, кто на сегодняшний день не поддерживает де-факто власти в Крыму», – комментирует правозащитница.

Лиля Гемеджи цитирует книгу российского правозащитника Александра Подрабиника «Карательная психиатрия». Существуют две причины применения карательной психиатрии к политическим оппонентам, инакомыслящим. Первое – это камуфляж общественной жизни, второе – железный занавес.

Иными словами, все потуги российской власти и силовых структур направлены на то, чтобы показать, насколько за пределами России все плохо, и не дать своим гражданам пойти за активистами, правозащитниками, просто смелыми людьми, которые говорят о беспределе, что творится внутри страны.

И второй – это создать красивую картинку для международного сообщества, показать, насколько все хорошо и замечательно. В частности, это практикуется в Крыму, когда после изгнания крымскотатарского телеканала АТР⁵⁴ был создан телеканал «Миллет».

«Миллет» показывает строительство мечети, но при этом умалчивает об аресте десятков наших соотечественников, наших единоверцев. Показывает какое-то строительство дороги, но при этом забывает показать, как чувствуют себя дети политических заключенных, которых на сегодня больше ста десяти. Это несопоставимые факты.

В одном из положений шариата можно прочесть, что смерть одного человека для Всевышнего хуже, чем разрушение Каабы, исламской святыни. Насколько ценно построение мечети, когда десятки твоих единоверцев находятся в стенах тюрем, а их малолетние дети находятся без опеки и поддержки отца? Это огромные психологические

⁵⁴ АТР – украинский телеканал, ранее был одним из трёх телеканалов Крыма, наряду с Первым Крымским и детским телеканалом Lâle, программы которого выходили в эфир на крымскотатарском языке. Во время оккупации Крыма Российской Федерацией телеканал выступал за территориальную целостность Украины и вёл прямую трансляцию событий в Крыму. 1 апреля 2015 года АТР исчез из крымского эфира после того, как российский регулятор Роскомнадзор отказался его перерегистрировать по российскому законодательству.

травмы, сломанные судьбы, это переписанная история нашего народа», – возмущается правозащитница.

В унисон пропаганде работает и ФСБ. Так, недавно была жалоба по делу активиста Марлена Асанова⁵⁵. В момент обыска в его доме велась видеосъемка. В процессуальных документах написано, что применение технических средств связи, которые бы фиксировали процесс обыска, не проводилось.

«Но при этом «Крым-Информ», используя видеозаписи ФСБ, смонтировал ролик, в котором, попирая и игнорируя принцип презумпции невиновности, человека назвали террористом, показали его в неприглядном виде, совместили с какими-то взрывами», – рассказывает Лиля Гемеджи.

Правозащитница вспоминает первый арест и обыск в доме Эмиля Курбединова – на него было постановление на проведение обыска в рамках уголовной статьи. Но международный общественный резонанс, вызванный арестом Курбединова и обыском в его доме и офисе, скорее всего, удержал силовиков от применения каких-то уголовных мер.

⁵⁵ Марлен Асанов – крымскотатарский активист, обвиняемый ФСБ по делу «Хизб ут-Тахрир», долгое время помогал семьям политзаключенных.

27 января 2017 года на заседание «Крымской солидарности» в Судаке прибыл ОМОН и сотрудники полиции. Всех задержанных выпустили после дачи объяснений, в том числе и Лилю Гемеджи

Лиля Гемеджи в Брюсселе на мероприятии, организованном немецким политиком Ребеккой Хармс, 2018 год

Лиля Гемеджи с коллегой Эдемом Семедляевым (крайний справа) на заседании ОБСЕ, касающемся дискриминации по религиозному признаку. Рим, январь 2019 года

На апелляции по делу Феры Абдуллаевой, жены политзаключенного Узеира Абдуллаева, 2018 год

Гемеджи считает, что административные аресты – ни что иное, как предупредительные «звоночки». К слову, 27 октября 2018 года ей и коллегам тоже было вынесено предостережение о недопустимости экстремистских действий.

«Когда я спрашивала у прокурора, который вручал мне это предостережение, в чем именно заключаются мои действия, чтобы предупредить их в дальнейшем, он мне не ответил. Мы направили запрос в прокуратуру, чтобы нам предоставили материал, на основании которого было вынесено данное предостережение. Нам в этом отказали, сославшись на какую-то тайну», – замечает правозащитница.

Лиля говорит, что в Крыму они чувствуют поддержку в том числе и из Украины – это и голос правозащитников, и уже есть конкретные шаги со стороны государства. Например, недавнее постановление, в котором государство выделило средства на поддержку политзаключенных и оплату услуг адвокатов.

Однако есть ряд проблем, которым Украина могла бы уделять более серьезное внимание. В первую очередь, должна идти эффективная информационная кампания.

«Если обращаться к цифрам, то статистика 2017 года показывает, что всего лишь 2% на украинских телеканалах отводится теме Крыма. Это очень малый процент, когда ситуация настолько серьезна. Также важно доносить эту информацию до международного сообщества. Потому что пропагандистская машина РФ поставлена очень хорошо, многие за рубежом не понимают, что на самом деле происходит в Крыму.

Еще Украина могла бы предоставлять социальную или медицинскую помощь крымчанам. В частности, это психологическая реабилитация детей политзаключенных. Однако есть важный момент: любая помощь должна предоставляться по понятному и доступному механизму. Иначе ее получение требует невероятных усилий, что делает такую помощь менее результативной», – комментирует моя собеседница.

Лиля Гемеджи убеждена, что можно быть юристом, адвокатом, но не быть правозащитником. И в то же время можно быть настоящим пра-

возащитником, не имея юридического образования. Для нее таким примером является ее друг и коллега Сервер Мустафаев⁵⁶. Не имея юридического образования, он помогал людям, защищал их права, за что был подвергнут уголовному преследованию.

Несмотря на то, что он сейчас находится в следственном изоляторе, а точнее – в психиатрической клинике под принудительной судебно-психиатрической экспертизой, он продолжает оставаться правозащитником, продолжает оказывать помощь своим сокамерникам, активно отстаивает свои права в суде.

«В одном из последних заявлений, которое Сервер передал через своего адвоката, он говорит, что та судебно-психиатрическая экспертиза, которой он подвергнут, – ни что иное, как способ сломить его», – замечает адвокат и продолжает:

«Наш народ никогда не оставался равнодушным к чужой беде и всегда помогал и отстаивал права тех людей, которые подвергались несправедливому давлению. И Сервер Мустафаев продолжает отстаивать эти права и сегодня. Посредством своих заявлений, посредством обращений к евродепутатам, правозащитникам и к народу. Даже находясь в СИЗО, он продолжает активную деятельность.

До недавнего времени Сервер был среди нас, и мы его воспринимали как равного, как коллегу, как человека, с которым ты мог постоянно общаться. Теперь он стал примером, на который должны равняться все те, кто раньше не видел смысла в этой борьбе.

Невозможно смотреть, как забирают людей, с кем ты был знаком, с кем работал, с кем общался... Невозможно оставаться в стороне от их боли. Мы часто переписываемся с женой правозащитника Эмира-Усеина Куку. Будучи хрупкой женщиной, она продолжает стойко отстаивать позицию своего мужа и говорить о его невиновности.

⁵⁶ Сервер Мустафаев – координатор инициативы «Крымская солидарность», объединения родственников политзаключенных, адвокатов и активистов. 21 мая 2018 года российские силовики провели обыски в Бахчисарае у Сервера Мустафаева и в селе Долинное Бахчисарайского района у Эдема Смаилова. Активистов задержали по подозрению в якобы причастности к организации «Хизб ут-Тахрир», запрещенной в РФ. 22 мая «Киевский районный суд» Симферополя арестовал крымскотатарских активистов Сервера Мустафаева и Эдема Смаилова.

Я вспоминаю одно из писем нашего политзаключенного Муслима Алиева, где он говорит, что «ливень начинается с капли» и «пускай усилие каждого из нас будет той каплей, которая приведет к этому ливню».

Лиля спокойно выдерживает то давление, которое оказывают на нее из-за правозащитной деятельности. Но где ей действительно тяжело – не хватает времени для общения с детьми, для совместного досуга с семьей. А у Лили, как у истинной крымской зари, достаточно света для всех.

Меня часто спрашивают, что такое «Крымская солидарность»? Я объясняю, что это площадка, где объединяются юристы, адвокаты, родственники политзаключенных и просто неравнодушные граждане. Но второй вопрос, который я зачастую слышу: «Это площадка, где собираются только мусульмане, только крымские татары?». Мой ответ всегда один: «Нет, с нами и люди других национальностей, в том числе и украинцы». Украинский культурный центр до последних событий, до обысков и до выживания активистов из Крыма часто принимал участие в заседаниях «Крымской солидарности».

...В шариатских нормах говорится о добрососедстве: твой сосед, независимо от вероисповедания, является человеком достаточно значимым, к которому ты должен относиться так же, как и к себе. Такое отношение должно строиться между всеми людьми».

Эрифия

Александра Дворецкая

Симферополь

ДОСЬЕ

Александра Дворецкая

ДО. Участница Студенческого профсоюза «Прямое действие», участница Крымского правозащитного центра «Действие».

ПОСЛЕ. Координатор «Крым-SOS», Координатор и исполнительный директор «Восток-SOS».

Покинула Крым в марте 2014 года.

МЕЧТАЕТ увидеть дом и чувствовать себя в безопасности.

“

...Мне было уже страшно заезжать домой за вещами и документами. Их привезла моя мама. Если бы она знала, что я уезжаю без права на возвращение... Хотя, наверное, тогда все было бы намного трагичнее. Так что я покидала родной Крым из чужой квартиры, в чужой куртке...”

Александра Дворецкая

Александра умеет задавать правильные и неудобные вопросы. Всем – и учителям, и чиновникам, и коллегам по правозащитной деятельности. Часто это неприятно. Но такой своей способностью она словно снимает засохшую корку, позволяет выйти гною, чтобы рана наконец-то зажила. И это очень ценно, особенно в условиях, когда в Украине война, когда критика в адрес государства воспринимается как «след Кремля», когда до 10 миллионов украинцев становятся жертвами дискриминации только потому, что им не повезло оказаться на оккупированной территории или стать внутренне перемещенными лицами.

«Мне нравится публичность, нравится общаться с людьми, даже иногда нравится конфликтовать. Имею в виду те конфликты, когда нужно доказать чиновнику, что он не прав. Даже считаю, что я в этом очень эффективна, – иронизирует Саша. – Для меня принципиально – уметь сказать то, что многие боятся озвучить или считают лучше промолчать. Это мой небольшой вклад, чтобы в нашей стране стало лучше».

...С Александрой Дворецкой мы познакомились лет семь назад в Варшаве, в Хельсинском фонде по правам человека. Невозмутимая, дерзкая, еще совсем подросток в короткой юбке и обтягивающей футболке. Она не могла оторваться от компьютера – все время была с кем-то на связи. Но когда говорила, – уже даже не помню, о чем, – меня поражало, как она толково и бесстрашно рассуждает о борьбе с государством с целью защиты человека. Александра Дворецкая уже тогда была крымской правозащитницей, наводившей шороху в Симферополе, а позже и в Луганске, Донецке, Киеве...

«Не было такого момента, вот я проснулась – и хочу быть правозащитницей. Но если ты видишь несправедливость, надо на нее реагировать. Вот и все», – просто отвечает Саша.

В 2012 году она закончила Таврический национальный университет по специальности – политолог. Но еще во время учебы Александру волновали разные вопросы, связанные с защитой прав, особенно студентов. Вместе с друзьями организовали независимый студенческий профсоюз «Прямое действие», выступали за круглосуточный доступ к общежитиям и против взяток, организовывали фестиваль антифашистского кино. А когда тогдашний министр образования Дмитрий Табачник вводил какие-то платные услуги в университетах – выходили протестовать.

В тот период в Симферополе местный совет принял ограничения по проведению мирных собраний – определил только 10 мест, где их можно проводить. Поскольку ребята были одними из тех, кто этим правом активно пользовался, стало ясно, что уже мало быть только студенческим профсоюзом. Так появился Крымский правозащитный центр «Действие».

Последний год обучения в университете для Александры Дворецкой был непростым – большую часть своего времени, когда ее одногруппники писали дипломные работы, она проводила в Шахтерске, в небольшом городке Донецкой области. Тогда одна из студенток Шахтерского педагогического училища Таня Коченкова выступила против действий администрации, принуждавшей студентов к труду как после занятий, так и вместо них. Постоянные унижения студентов, коррупция, запрет приходить в общежитие после 18:00, нередко и насилие было нормой этого педучилища. Увиденное Дворецкую шокировало. Не зря местные СМИ обозвали ситуацию в Шахтерске «донецким средневековьем».

«Я приезжала на выходные домой, писала дипломную работу, а потом опять ехала в Донецкую область – там нуждались в постоянном присутствии и помощи со стороны. Поэтому то, что сегодня я занимаюсь Донбассом, для меня не ново и не связано только с вооруженным конфликтом. Я прекрасно знаю, как выглядели эти небольшие шахтерские города до войны. Там никогда не было хорошо. Когда об этом знаешь не понаслышке, легче понять людей, которые там живут. Были какие-то местные элиты, которые постоянно эксплуатировали, было феодальное отношение к людям», – рассказывает правозащитница.

Через два года Дворецкая вернется в Донецк, чтобы рассказать студентам, журналистам о том, что нельзя допустить повторение «крымской весны». Она вместе с коллегой Аленой Луновой искренне надеялись успеть.

«Я помню этот большой проспект, едем на этом троллейбусе до площади Ленина. А под Лениным уже стоят несколько палаток с российским флагом, георгиевскими ленточками... Такое дежавю! А они не понимают, насколько это опасно! На тот момент были уже люди, которые пропали без вести, которых убили, которых жестоко пытали...

На этой площади у нас произошел конфликт только из-за одной моей фразы. Митингующие подсовывали листочек со словами: «Вот, подписывайте петицию. Мы тоже будем присоединяться, как Крым». Я сказала: «Да не надо, как Крым». И началось... Человек, который там был, сорвал у меня с рюкзака желто-голубую ленточку. Причем эта ленточка пробыла со мной весь Майдан, все начало оккупации, с ней я ходила в Крым... Он эту ленточку выдрал прямо с бегунком, и мне как-то сильно дернул плечо. Было больно и обидно.

Я помню, что мы вызываем милицию, пытаемся написать заявление. А милиция приходит и здоровается с ними за руку.

На следующий день мы еще ездили с Аленой подавать заявление. В отделении милиционеры плевали какие-то семечки, шутили над нами, хихикали... И я даже какую-то заметку в Facebook написала, что Донецк ожидает та же история, что и Крым. Сколько ору было: «Да нет же! Боже, ты какую-то чушь несешь!». Да, действительно... Донецк ожидала не такая история, все было значительно трагичнее.

Александра Дворецкая и Сергей Заец на пресс-конференции по поводу признания Нацбанком крымчан нерезидентами. Киев, декабрь 2014 года

Александра Дворецкая на акции с требованием предоставить право голосовать на местных выборах внутренне перемещенным лицам. Киев, сентябрь 2015 года

Тогда считалось, что эта территория не может быть оккупирована – максимум, что может случиться, так это то, что региональные элиты типа Ахметова и компании сохранят свое влияние. Никто не ожидал, что начнутся боевые действия. И даже через пять лет не видно перспективы разрешения конфликта», – рассказывает Александра Дворецкая.

Она говорит: чтобы что-то изменить, раньше в Крыму приходилось прилагать больше усилий. В Киеве же достаточно выйти с акцией под стены парламента – и ты уже в эфире центральных телеканалов. В Крыму же впервые местные СМИ заинтересовались Дворецкой лишь после того, как она, студентка, выиграла у городской власти суд против ограничения свободы мирных собраний. Хотя до того у нее уже был опыт защиты прав в суде, когда вела дело по отмене комендантского часа.

Во время Евромайдана Саша с коллегами провела первое свое расследование, связанное с растратой бюджетных средств.

«Сейчас это может казаться смешным – какие-то 500 тысяч гривен. Но тогда было очень обидно, что чиновники выделили полмиллиона для развития гражданского общества, а потратили на то, что нужно было им. Парадокс. Именно Республиканский комитет по информации, который расходовал эти деньги, заказывал рекламные ролики в троллейбусе, где сообщалось, что я предательница Крыма. Из-за своей деятельности я стала для них личным врагом. Они тратят ресурс, чтобы меня отстранить, а вместо этого каждый день у меня добавляется больше десятка подписчиков на Facebook, которые меня искренне поддерживают. Значит, я все-таки делаю важное дело...

Иногда я с ностальгией вспоминаю это время. Мы были абсолютно положительными героями во время Майдана. Во всяком случае, в тех СМИ, которые не транслировали российскую пропаганду.

Сейчас все намного сложнее. Мы сталкиваемся с тем, что «недостаточно патриотичны», когда говорим о нарушениях со стороны украинских военных или о необходимости платить пенсии людям, проживающим на оккупированной территории. Утром мы можем выходить с вице-спикером Оксаной Сыроед на одну трибуну и отстаивать права активистов, а вечером она выступает против нас и наших идей, когда обсуждается блокада Донбасса».

Александра продолжает свой рассказ в уютном крымскотатарском кафе недалеко от Крещатика. Говорит, что это ее одно из любимых мест в Киеве, и вспоминает, как во время оккупации крымские активисты собирались в кафе «Счастье» в Симферополе.

«Кафе было недалеко от Куйбышевского рынка. Там был и Саша Кольченко, и Олег Сенцов⁵⁷, и наши другие друзья – те, которые выехали, и те, которые сейчас остаются в Крыму. Там мы сверяли часы – кто где сегодня был, какие машины нужно на завтра, кто из местных будет помогать приезжим журналистам... Помню, что уже очень боялась. Вглядывалась в каждого входящего в кафе человека с тревогой. И удивлялась, что вокруг меня есть люди, которые не боятся», – рассказывает правозащитница.

Ее откровения меня удивляют. Я же знаю Сашу другую – постоянно в работе, на страх просто не оставалось времени. В «Крым-SOS» Дворецкая координировала направление по предоставлению помощи крымчанам, решившим покинуть полуостров после оккупации. Создала платформу, где можно было обмениваться информацией – кому нужно жилье на материковой Украине и кто мог это жилье предоставить. Организовывала людей, желающих помочь военным и их семьям. А еще была незаменимой для приезжих журналистов, обеспечивая им как оперативную информацию, так и «фиксеров» – людей, которые помогали приезжим журналистам: искали временное жилье, решали технические проблемы или налаживали контакты с местными.

Именно Саша мне в одном из интервью о Крыме непринужденно и еще с надеждой сказала: *«Крым – не Майдан. Тут расстояния измеряются – 100 км плюс: Керчь, Феодосия, Евпатория, Симферополь... Здесь нет единой базы (вроде “Украинского дома”⁵⁸), куда «сочувствующие» жители Крыма могут приносить еду, лекарства, теплые вещи, деньги. Здесь нет единого координационного центра, откуда бы выходили четкие команды по организации общественных активистов,*

⁵⁷ Александр Кольченко и украинский режиссер Олег Сенцов были задержаны российскими спецслужбами в Крыму в мае 2014 года. Их обвинили в организации терактов на полуострове. В августе 2015 года суд в Ростове-на-Дону приговорил Сенцова к 20 годам колонии строгого режима. Кольченко получил 10 лет колонии. Обвиняемые свою вину не признали. Сенцов и Кольченко признаны правозащитным движением «Мемориал» политическими заключенными. Российские власти включили их в список «террористов и экстремистов».

⁵⁸ Украинский дом – здание на Европейской площади в Киеве по адресу: улица Крещатик, 2, где во время Евромайдана работал один из пунктов сбора помощи.

волонтеров – куда везти еду, кому предоставить машину...». Тогда Александра не призывала ехать на беспокойный полуостров ради 5 минут смелости. Но она искренне приглашала в гости, даже шутила, что в Крыму значительно теплее и совсем по-весеннему.

...6 марта 2014 года. Акция под воинской частью в Симферополе, недалеко от вокзала. Несколько десятков активистов с плакатами стоят на тротуаре возле дороги. Акция длилась недолго – так называемая «крымская самооборона», местная парамилитарная группа, начала рвать плакаты, выталкивать активистов на проезжую часть. Недалеко стояла милиция и ни-че-го не делала.

Александра Дворецкая к ним подошла, чтобы написать заявление. Ей отказали со словами: «Мы не украинская милиция».

«А какая вы милиция?», – не унималась активистка.

«Крымская», – отвечали правоохранители.

«Я спрашивала, какими вы законами руководствуетесь. Но они очень замешкались, потому что нет никаких крымских законов. И вот они вроде еще в форме, даже написано «Міліція. Україна», но уже совсем не наши. И ты начинаешь физически ощущать, что в этом городе уже ничего не работает. Даже во время Майдана делали вид, что все в порядке – суды заседают, правоохранители охраняют, школы учат...

Через два дня, когда мы вышли на акцию под эту же военную часть, на нас никто не нападал. Позже мы узнали, что в тот день в Севастополе происходили куда серьезнее события – и всех свозили туда. На самом деле оккупантов не так уже и много было, но все они были очень мобилизованы с монополией на насилие...», – моя собеседница притихла, будто проживала боль тех дней еще раз.

В тот день, 8 марта 2014 года, она еще поздравляла женщин-военнослужащих, передавая им цветы и желто-голубые шарики через забор, а на следующее утро покинула полуостров.

«Знаешь, что больше всего болит? Когда говорят, что крымчане не сопротивлялись. А если и сопротивлялись, то только крымские татары. Но ведь всего было очень много! Это были усилия маленьких кафе, в которых, рискуя многим, сидели люди и решали, сколько метров проволоки надо военным. Это такие люди, как Олег [Сенцов] или

Саша [Кольченко], которые сейчас в российских тюрьмах», – говорит Александра.

Дворецкая уехала к своим луганским друзьям-правозащитникам. Уже сильно штормило восток Украины. Там тоже нуждались в помощи журналисты, активисты и те, кому было небезопасно оставаться в Донецкой и Луганской областях. Так и возник «Восток-SOS» – инициатива, которая одной из первых начала реагировать на запросы переселенцев.

Первый год «Восток-SOS» работал в экстренном режиме. Волонтеры думали, что скоро все закончится, как дурной сон, и каждый из них вернется к своим делам – в луганский «Поступ» или в крымское «Действие». Но пока этого не случилось, Александра координировала юридическое направление «Восток-SOS», стараясь, как и всегда, максимально сохранить связь с людьми.

Это же призывает украинские власти делать и сейчас. Упрощать систему перемещения людей, создавать им условия для ведения бизнеса, делать более доступной систему вступления абитуриентов с оккупиро-

ванных территорий в украинские университеты, создавать онлайн-ресурсы, где бы крымчане могли получать альтернативную от российской пропаганды информацию, упрощать выдачу украинских паспортов, свидетельств.

«Даже если эти люди спрячут под подушку украинские документы, они должны знать, что возвращение юрисдикции Украины не будет связано с проблемами, что они – граждане Украины и их рады видеть. Это наша задача – вкладывать и инвестировать в то, чтобы возвращение не казалось людям страшным.

А сама Украина как государство должна становится сильнее, чтобы сюда хотели возвращаться. Если говорить откровенно, не от крымчан зависела оккупация и не от их желания зависит возвращение. Но я уверена, что изменения в нашей стране влияют: если у нас не будет коррупции, значит, будет сильнее экономический потенциал, система образования, армия. Мои диссидентские чешские друзья шутят, что «маленькая советская армия не может победить большую советскую армию». Поэтому надо переставать работать по-советски... А еще в борьбе с Россией важно не превратиться в Россию, используя ее тактики: запреты СМИ, борьбу с террористами, коллаборационистами», – комментирует Дворецкая.

Ей и сегодня бывает страшно. Поводов немало. Недавно ее включили в так называемой «список Бабченко»⁵⁹.

«Пусть это злая шутка, но ты невольно начинаешь оглядываться в метро или смотреть, кто ходит возле подъезда... После смерти Кати Гандзюк⁶⁰ это не кажется смешным. Я не была с ней знакома лично, но

⁵⁹ 29 мая 2018 года появилась новость об убийстве российского журналиста Аркадия Бабченко, проживавшего последнее время в Киеве. Однако на следующий день, 30 мая, глава Службы безопасности Украины Василий Грицак заявил, что убийство было инсценировано, чтобы поймать его заказчиков. Вскоре генеральный прокурор Юрий Луценко объявил о том, что был найден список из 47 украинских и российских журналистов, правозащитников, писателей, которым грозит опасность. Среди них и Александра Дворецкая. Луценко заявлял, что «список Бабченко» имеет две цели Кремля – отомстить за критику гражданам России, которые сейчас работают в Украине, и посеять хаос в Украине убийствами украинских журналистов и блогеров.

⁶⁰ Общественная активистка и сотрудница исполкома Херсонского городского совета Екатерина Гандзюк умерла 4 ноября 2018 года в результате нападения на нее в Херсоне 31 июля, когда на нее вылили литр серной кислоты. В результате активистка получила ожоги 40% тела и попала в реанимацию. Все три месяца Екатерина Гандзюк находилась в больнице, перенесла 15 операций, но спасти ее жизнь врачам не удалось. 17 и 19 августа 2018 года Национальная полиция совместно со Службой безопасности Украины задержала пятерых новых подозреваемых в нападении. 11 февраля 2019 года председателю областного совета Херсонской области Владиславу Мангеру вручили подозрение в организации убийства.

каждый, кто борется с какой-то несправедливостью в этой стране, мог бы оказаться на ее месте... Знаешь, я прагматичный человек: если из-за страха я буду неэффективна, то уйду. Я готова жить и бороться, умирать – нет», – говорит Александра, глядя мне в глаза.

А я ловлю себя на мысли, что ей не верю – никуда она не уйдет: это же Саша, все та же дерзкая Саша, которую я встретила впервые в Варшаве. Разве что чуть заострились черты лица – стали жестче. И взгляд – пронизывающий тебя насквозь.

В том, как Александра Дворецкая говорит, всегда чувствуется легкая насмешка. Для тех, кто ее не знает, такое отношение может показаться высокомерием. Но это ее защитный панцирь, который пришлось нарастить за последние пять лет. Она словно эрифия – один из самых сильных крабов, обитающих возле берегов Крымского полуострова. Эрифия обладает тяжёлым и прочным панцирем, но когда он становится слишком тесным и мешает росту, краб сбрасывает его.

Я верю, что Саше не придется жить в постоянном режиме «защита» и она освободится от своего панциря...

Не стоит жить в иллюзиях, что правозащитников вдохновляет только что-то прекрасное. Многих активистов мотивирует обида и боль. Это надо учитывать, когда мы имеем дело с несколькими миллионами травмированных людей. Мы все нуждаемся в поддержке в это непростое время. Даже если у тебя никто не умер в оккупации, не умер от обстрелов, не пропал без вести, не сидит в тюрьме, это не означает, что тебе легко переживать украинские события. Потому что через пять лет во сне ты до сих пор ходишь по улицам Симферополя».

ДОНКИХОТЫ

Ирина и Александр Седовы

Керчь

ДОСЬЕ

Ирина Седова

ДО. Журналистка Керчь-FM.
Организатор Евромайдана в Керчи.

ПОСЛЕ. Сотрудница Крымской
правозащитной группы.
Покинула Крым в марте 2014 года.

МЕЧТАЕТ о кругосветном
путешествии.

Александр Седов

ДО. Морской агент в порту.
Участник Евромайдана в Керчи.
Покинул Крым в июне 2014 года.

ПОСЛЕ. Аналитик Крымской правозащитной
группы.

МЕЧТАЕТ, чтобы права человека не
нарушались, тогда и личные мечты
обязательно будут сбываться.

“

Опора? Мы сами себе опора!

*Некоторое время после оккупации Крыма я жила у
родственников в Киеве. Но когда Саша ко мне приехал, я уже
была с ключами и зарплатой”*

Ирина Седова

Ее трудно не заметить. Среди группы в 15 журналистов она отличалась бескомпромиссностью, последовательностью и тщательными записями во время лекций.

С Ириной Седовой я познакомилась на образовательном курсе для журналистов Всеукраинской программы «Понимаем права человека» в 2012 году. Она с жадным интересом разбирала каждое право из международных документов и искала ему практическое применение в украинских реалиях. Если быть точнее – с поправкой на Крым. Ире была безразлична судьба небольшого города Керчь, и все, что в нем происходило, ее непременно касалось.

Во время учебы она настойчиво расспрашивала медиаюристов, правозащитников, чиновников, журналистов, а что делать, если... Ира записывала все ответы на видео, готовила сюжеты для редакции Керчь-FM, где тогда работала журналистом-расследователем. И пока мои коллеги ныряли в холодную Десну, Ира погружалась в пучину знаний.

Иногда я недоумевала – зачем ей столько? Ведь всегда можно уточнить информацию в интернете, в крайнем случае – позвонить эксперту. А Ира будто знала, что у нее впереди серьезное столкновение с мэром города, организация Евромайдана в Керчи, оккупация Крыма... Совсем не будет времени садиться за книжки, нужно действовать.

Журналистские антикоррупционные расследования, которая проводила редакция Керчь-FM, мешали тогдашнему мэру Олегу Осадчому.

«Это был такой себе Янукович в миниатюре: у него все должно быть под контролем. Типичный представитель Партии регионов, «махровый», – вспоминает Ирина. – За наши антикоррупционные расследования начал беспрецедентную кампанию давления. На журналистов заводились уголовные дела. Потом, когда у него ничего не получалось и мы стали сопротивляться на общеукраинском уровне, он перешел в атаку с другой стороны – выворачивал канализацию, заливал возле редакции ливневки⁶¹ бетоном... Мы тоже не молчали – проводили митинги у ворот горадминистрации... Поэтому наш Майдан

⁶¹ Дождевая (ливневая) канализация.

начался задолго до украинского, еще летом 2013 года. Мы переживали серьезный стресс, ждали обысков каждый день...».

Неудивительно, что для Ирины и ее редакции Евромайдан стал закономерным продолжением их борьбы. *«У нас наконец-то появилась надежда «сковырнуть» этих бандитов»,* – говорит правозащитница.

22 февраля 2014 года Ирина вышла на керченский Евромайдан – решительная, вдохновленная, сильная. И только близкие знали, что у нее большое сердце, что дома маленький ребенок, за которого она переживала, если с ней что-то случится.

С трибуны она говорила о достоинстве и человеческих ценностях. И многие жители Керчи пришли поддержать.

Ее муж Александр вспоминает: *«Ира была на трибуне, а я слушал ее из толпы... Тут я встретил знакомого и никак не ожидал, что он про-украинский. Я с ним работал. Это мужчина в возрасте. Он понимал, что происходит, пришел поддержать Иру, поддержать Майдан».*

Однако на Евромайдан в Керчи пришли и те, кому не хватило духа отстоять свою позицию до конца.

«Когда началось нападение, они испугались и остались стоять по кустам... Это как раз те сомневающиеся, из категории «зачем же я буду высывываться», – Ирина говорила, и ее глаза наполнялись слезами.

А были еще и другие.

«Я видел, как привезли два автобуса людей – им раздавали арматуру, биты, яйца, которыми они забрасывали активистов. Было видно, что это не те люди, что сами пришли, это не был порыв души. Четко приехала группа, им раздавали трубы, арматуру», – продолжает Александр.

Титушки рванули к Ирине, разъяренно били по желто-голубой трибуне, закидывали яйцами. На митинге началась толкотня, напали на парня, который отвечал за работу аппаратуры, избili его ногами.

В последнюю минуту милиционеры втокнули Седову в машину, чтобы укрыть от дикой волны. Однако другая часть милиции без зазрения совести платила титушкам – коллеги из Керчь-FM проследили за ними до морского вокзала и записали на видео, как те из рук милиции получали деньги.

Активистка тогда впервые осознала, что эта неистовая сила нанята для провокаций.

Седовой все чаще начали поступать угрозы – ото всех: титушек, ФСБ-шников, военных. 18 марта 2014 года, сразу после так называемого «референдума», журналистка покинула полуостров.

Это было самое разумное, хоть и очень трудное решение для семьи Седовых.

На момент оккупации Александр Седов работал морским агентом. Работа была связана с оформлением разрешительных документов, чтобы суда могли заходить в порты Керчи. Стабильных семь лет престижной работы с хорошей зарплатой... И хоть работа, как говорит Александр, была нервной, ему нравилось.

Однако он ни секунды не сомневался, когда начался Майдан. Помогал активистам что-то подвезти, куда-то поехать, постоянно сопровождал Ирину.

«Политикой не все в Керчи интересовались. Им сказали, что на Майдане в Киеве наркоманы жгут шины – они и верили. Одна девушка,

Акция ко дню рождения Владимира Балуха и Романа Сущенко.
Киев, февраль 2019 года

Дискуссия о языке вражды в крымских СМИ на фестивале документального кино
по правам человека Docudays. Киев, март 2018 года

Александр Павличенко и Ирина Седова на встрече
со студентами КНУ им. Т. Шевченко. Киев, май 2018 года

На акции ко дню рождения Владимира Балуха и Романа Сущенко.
Киев, февраль 2019 года

совершенно адекватная, уверенно рассказывала, что там в чай наркотики подливают, что все работают за деньги...

Я не был таким публичным, как Ира, но старался быть всегда рядом с ней. Я сразу назвал «референдум» оккупацией, понятно же... – говорит Александр. – Большинство людей понимали, что это оккупация, но боялись произнести это вслух. И я бы не сказал, что все расстроились: у некоторых создавалось впечатление, что Украина на них не обращала внимание.

Но были и те, кто проявлял позицию, не боялись. Знаю одного морского агента, который в апреле 2014 года на комиссию пришел со словами «Слава Украине!» несмотря на то, что вокруг были уже одни россияне».

В семье Седовых два месяца было много непростых разговоров. Ирина пыталась достучаться до мужа, что она уже не вернется назад, это опасно. Александр все понимал, он ее не задерживал. Но нужно было время решить, что делать дальше. Сохранить семью и поехать за Ирой – это не обсуждалось. А где жить, где искать новую работу, по-

думать о школе для ребенка, собственно говоря – за что жить? Эти вопросы нависли над человеком, который раньше ни в чем себе и своей семье не отказывал.

«Вначале я еще надеялся, что все временно, что со стороны украинских властей будут жесткие действия. Но когда начали исчезать люди, когда стали нападать на журналистов, уже мысленно собирал чемоданы.

Я там не хотел оставаться и из-за дочери. Очевидно, что учеба резко изменится, в частности, изучение истории, литературы. Пойдет перекос институтов образования в целом, и человеку просто испортят мировоззрение. Не хотел, чтобы она там училась.

Я следил за оппозиционным движением в России. Нетрудно было догадаться, что подавление свободы слова, свободы взглядов очень быстро настанет и в Крыму как на оккупированной территории. Разумеется, эти изменения коснутся образования», – рассказывает Александр.

Он подождал, пока дочь окончит 4-й класс школы, уволился и в начале лета уже ехал к Ире в Киев.

Позже, когда на административной границе его машину, битком набитую домашними вещами, остановил знакомый пограничник, уже «перекрашенный», и спросил, куда, Александр махнул головой в сторону материковой Украины. Пограничник сочувственно ответил: *«Понимаю... Езжай»*.

Ирина устроилась на Громадское радио, выкручивалась, как могла. Готовили серию передач о Крыме и о предстоящих выборах. У Александра с работой не складывалось – морские агенты в Киеве не были нужны, а в Одессу не мог поехать, не оставив семью. Чтобы хоть чем-то заняться, Саша начал помогать Ире в работе – собирал информацию о том, что происходит в Крыму, проверял и сопоставлял факты, готовил аналитику.

Сейчас Ирина и Александр Седовы работают в Крымской правозащитной группе. Они ни на минуту не оставили свою борьбу: собирают и документируют информацию о нарушениях прав человека в Крыму, передают ее для международных судов, ведут переговоры с органами власти, выступают с исследованиями на международной арене и добиваются того, чтобы тема Крыма оставалась одной из главных для СМИ. И пусть пока это выглядит, как борьба Дон Кихота с ветряными мельницами, но так будет не всегда.

“

Что сказать про Крым, как он переменялся? За эти пять лет в Крыму уничтожена почти полностью независимая журналистика, появились политзаключенные, пыток и нечеловеческого обращения стало в разы больше. Беспредела в правоохранительных органах тоже. Разграбление археологического наследия Керчи и полуострова в целом – еще одна моя боль. Нашему городу, Керчи, 2600 лет, и когда я наблюдаю, как под видом различных строек там бесконтрольно идут нелегальные археологические раскопки, мне больно...”

Ирина Седова

“

Прописка поменялась, но я до сих пор считаю себя в Киеве не дома. Хотя тут уже четыре года.

Дома осталось много фотографий со школьных и институтских времен. Тогда же «цифры» не было, нельзя записать на флешку и взять с собой: «Мам, ты мне хоть привези альбомы, посмотреть...”

Александр Седов

Глыба

Эскендер Бариев

Симферополь

ДОСЬЕ

Эскендер Бариев

ДО. Председатель Крымскотатарского молодежного центра, руководитель Центра политического анализа и прогнозирования «Крым», член Меджлиса крымскотатарского народа.

ПОСЛЕ. Инициатор и координатор Комитета по защите прав крымскотатарского народа, руководитель Крымскотатарского ресурсного центра, член Меджлиса крымскотатарского народа. Покинул Крым в январе 2015 года.

МЕЧТАЕТ вернуться домой и в родном Крыму обнять отца.

“

Когда началась оккупация, ко мне обратились бизнесмены – что делать? Я ответил, что они должны помнить историю. В свое время те мурзы⁶², которые пошли на сотрудничество с Екатериной II, все равно были уничтожены – нет их богатых потомков, нет фирм, принадлежащих их потомкам, их имуществом пользуются другие. Ваша задача – сказал я им – заниматься бизнесом, но знать, что без их поддержки мы ничего не сможем сделать”.

Эскендер Бариев

«Стоп! Я вам не оказываю сопротивления. Покажите мне документ, на основании чего вы проводите обыск. Я вам готов предоставить возможность провести обыск, но я не даю гарантии за свои действия, если, не дай Бог, вы напугаете моих детей», – так встречал Эскендер Бариев силовиков, ворвавшихся в 6 утра в его дом.

⁶² Аристократический титул у крымских татар и других тюркских народов.

Это был день рождения его жены, 16 сентября 2014 года. В одной комнате вместе с ним и женой спали сыновья – старшему было четыре года, а младшему – всего шесть месяцев.

Они знают, когда приходить. Когда более всего уязвим. Ранним утром. В ту ночь Бариев поздно вернулся от своих родителей – у отца держалось высокое давление, долго не могли сбить.

Эскендер спал всего лишь пару часов. А тут врываются в грязной обуви, балаклавах, с автоматами... Пригнали несколько автобусов, 16 вооруженных солдат и гражданских. Оцепили подъезд. В его дом зашли четверо вооруженных и двое в «гражданке».

Ему бросили документы. Эскендер-ага ответил: *«Вы действуете в рамках своего законодательства, поэтому если у вас есть постановление, я вам не сопротивляюсь. Но пусть уйдут те, кто с оружием».*

Все в балаклавах и с автоматами вышли, только один остался у входа. Начали работать оперативники. Вывернули все в комнатах. Когда проснулся старший сын, он не мог осознать, что происходит. Позже сын поймет, что так начинался 1944 год, когда депортировали его предков.

Эскендер родился в семье активистов крымскотатарского национального движения. С детства, еще со времен Советского Союза, он был свидетелем борьбы за права своего народа. И всегда это были ненасильственные методы – максимально информировать советскую интеллигенцию, депутатов Верховного Совета СССР о том, в каком положении находится крымскотатарский народ, что он лишен права вернуться на родную землю. Это была борьба за восстановление политических, культурных, языковых прав.

Первые самостоятельные шаги в национальном движении юноша сделал в 90-х годах, когда семья Бариевых вернулась из депортации из Узбекистана на родной полуостров. Он был одним из инициаторов Первого съезда крымскотатарской молодежи, где был учрежден «Крымскотатарский молодежный центр». Бариева избрали председателем, обсуждались вопросы, связанные с объединением крымскотатарской молодежи, возрождением культуры, сохранением языка, формированием крымскотатарской молодежной политики.

Все это во многом легло на плечи украинского государства, которое только обрело независимость. Это также давало шанс восстановить и

права крымских татар. Так, в 1996 году украинские и крымскотатарские организации, среди которых были представители Организации крымскотатарского национального движения «Адалет» и Крымскотатарского молодежного центра, провели форум в поддержку принятия Конституции Украины.

Вскоре Эскендер Бариев был выбран делегатом Курултая, чуть позже – и членом Меджлиса крымскотатарского народа.

В 2001 году Бариев инициировал разработку аналитического документа ООН «Цели развития тысячелетия. Автономная Республика Крым», возглавил общественный совет в поддержку данного документа и как эксперт работал над тремя целями: «Уменьшение детской смертности», «Улучшение материнского здоровья» и «Уменьшение распространения ВИЧ/СПИД и туберкулеза в Крыму». При его участии был подготовлен аналитический документ, который в гуманитарном направлении дополнял Стратегию социально-экономического развития Крыма 2011–2020 годы.

Для Бариева работа с молодежью всегда была частью его деятельности. Может, еще и потому он так остро отреагировал на избивание студентов на Майдане Независимости в Киеве. Вместе с соратниками – Андреем Щекуном, Сергеем и Анатолием Ковальскими и другими активистами – он решил запустить кампанию Евромайдан-Крым.

«Во время Майдана моя жена была на последних сроках беременности. Мы очень радовались, что наш ребенок родится в независимой, демократической, европейской Украине. Мы жили этими надеждами», – лед в словах Эскендера-ага таял, когда он вспоминал о супруге и детях.

Бариев от Меджлиса крымскотатарского народа общался с Евромайданом-Крым. Проводили ежедневные вечерние митинги, информировали крымское население о том, что происходит в Киеве.

«Мы говорили, что на Майдане в Киеве собрались не какие-то «бандеровцы» и «фашисты», а такие же люди, граждане Украины, которым не безразлично, что из их карманов воруют деньги. И, соответственно, наша коррупционная власть не хочет жить по европейским ценностям», – делится он.

На акции «Стоп геноциду крымских татар» у посольства РФ.
Киев, декабрь 2015 года

На Дне сопротивления крымских татар.
Киев, февраль 2017 года

День памяти жертв геноцида крымскотатарского народа.
Киев, май 2017 года

На конференции делегатов Курултая крымскотатарского народа VI созыва.
Киев, ноябрь 2018 года

С начала оккупации все вмиг изменилось. Дни стали похожи один на другой: Бариев был вместе с правозащитниками, журналистами, волонтерами, чтобы обеспечить доступ к воинским частям. Поскольку военнослужащие были заблокированы, активисты передавали им продукты питания, вещи.

Когда начали заезжать танки, его супруга уже находилась в роддоме. Второй сын родился 5 марта 2014 года. Каким бы не был изматывающим день, он знал, что в семье его всегда поддержат.

«Говорить о том, что я был такой смелый и ни о чем не переживал, было бы неправдой. Я приезжал в перинатальный центр к супруге, оставался у нее в палате и рассказывал, что происходило за это время. Мне было очень важно быть рядом с ней...», – светится улыбкой мой собеседник.

Конечно же, Меджлис видел, что происходят противозаконные действия. Когда еще «референдум» планировался на май, крымские татары призывали украинский политический истеблишмент принять закон о коренных народах. Однако Украина была не готова.

В итоге Меджлис сделал открытое обращение к Верховной Раде Украины и всему украинскому народу. На основании этого обращения 20 марта 2014 года было принято Постановление Верховной Рады в защиту крымскотатарского народа и других граждан в Крыму.

Эскендер Бариев также был в числе тех, кто 3 мая организовывал встречу на административной границе с лидером крымских татар Мустафой Джемилевым, которому в апреле вручили документ о том, что он не имеет права посещать Крым.

Такая активная деятельность не осталась незаметной: Бариев начал получать от оккупационных властей первые предупреждения. А с силовой угрозой впервые столкнулся 23 июля, когда возвращался из Швейцарии, где он информировал международное сообщество о ситуации в Крыму. Эскендер попросил своих друзей его встретить – уже на тот момент въезд в Крым был запрещен Мустафе Джемилеву и главе Меджлиса крымскотатарского народа Рефату Чубарову⁶³...

⁶³ Рефат Чубаров – крымскотатарский политический и общественный деятель. Заместитель председателя Верховного Совета Автономной Республики Крым в 1995–1998 годах, народный депутат Украины в 1998–2007 годах и с 2015 года. Президент Всемирного конгресса крымских татар с 2009 года. С ноября 2013 года председатель Меджлиса крымскотатарского народа.

На «границе» их окружили 8 автоматчиков. Один – особо дерзкий – грубил при обыске, кричал, чтобы не разговаривали на крымскотатарском языке.

Тогда Эскендер-ага резко спросил: *«На каком основании ты нас задерживаешь, запрещаешь общаться на родном языке. Где это в уставе написано? Ты не с преступником разговариваешь! Если я безоружен, а ты с автоматом, ты герой, что ли?»*.

Такого отпора пограничник не ожидал, смягчился, стал наконец-то объяснять причину задержания.

Эскендер Бариев – быстр, очень деятелен и настойчив. Тогда в Крыму он не знал, сколько у него оставалось времени, но спешил выполнить свой личный максимум в защиту крымских татар.

А еще он понимал, как важно принять закон о коренных народах и провести выборы депутатов ВР Автономной Республики Крым на территории Херсонской области до 14 сентября 2014 года. Именно тогда были назначены в Крыму выборы депутатов «Государственного совета Республики Крым».

«Это значило, что произойдет формальная легитимизация власти в оккупированном Крыму. И важно было работать на опережение. Наделение статуса крымскотатарского народа коренным в Крыму ставило бы под вопрос любую власть, которая бы избиралась на полуострове, – объяснял правозащитник. – Но, к сожалению, парламент Украины нас так и не услышал».

Сразу после «выборов» утром 16 сентября пришли к нему в дом с обыском... Тогда же унизительному обыску подверглись и другие члены Меджлиса. Меры в отношении крымских татар начали ужесточаться.

Бариев с коллегами инициировал Комитет по защите крымскотатарского народа. Раз в неделю они проводили пресс-конференцию совместно с телеканалом АТР и другими СМИ, призывали людей информировать на горячую линию о любой ситуации. Уже исчезали активисты, среди которых были и друзья Эскендера. Страх только сгущался. Боялись говорить даже те, у кого пропали близкие или позже они были найдены мертвыми. Поэтому Комитет по защите крымскотатарского народа выступил с заявлением: если упадет хоть волос с их соотечественников, об этом будет знать все международное сообщество. И сдержали свое слово.

За ними следили, запугивали, обливали зеленкой, провоцировали на драку. А когда крымские татары писали заявление в оккупационные правоохранительные органы про нападения, им отвечали, что нет состава преступления.

Пиком давления на Комитет по защите прав крымскотатарского народа стала Всекрымская конференция. 17 января 2015 года со всего полуострова начали съезжаться активисты. Их встречало около 40 молодых людей спортивной внешности, многие из которых, как позже выяснилось, даже не понимали, для чего приехали.

«Одного из наших активистов из Феодосии ударили, и нам с трудом удалось его удержать, чтобы он не ответил. Тогда я обратился: «Все представители нашей конференции, поднимите руки!». А журналистам сказал: «Снимайте, мы ни с кем не собираемся драться, никого не провоцируем. К нам пришли и мешают работать. Полиция, выполняйте свою работу и выводите отсюда всех тех, кого мы не приглашали». И тут непрошенные гости растерялись – всюду были камеры. Так что полиции пришлось выводить титюшек. А мы смогли провести нашу конференцию...», – рассказывает Бариев.

Тогда же были подготовлены обращения к Генеральному секретарю ООН, президенту Украины, президенту Турецкой республики о положении крымскотатарского народа на полуострове. И буквально через две недели, 28 января, Эскендер Бариев узнает, что в отношении него и коллег открыты уголовные дела по пяти статьям.

К Бариеву часто звонили представители пророссийских СМИ и спрашивали, не боится ли он уголовных дел. *«Нет, не боюсь, – отвечал он. – Я не занимаюсь политическими вопросами. Я защищаю права человека. А за защиту прав человека в любом демократическом государстве не должны открывать уголовные производства, арестовывать, судить...».*

Эскендера Бариева трижды пытались «образумить». Еще в марте 2014 года оккупанты предлагали ему 3 миллиона рублей для развития Крымскотатарского молодежного центра. Отчета не нужно, говорили ему. Он отказался.

Потом к нему приезжали представители общественных организаций из Петербурга и предлагали объединить усилия по «патриотическому воспитанию». Он ответил: *«Нам с вами не по пути».*

Третий раз повлиять на Бариева пытался известный в Крыму политолог Александр Форманчук. Он прямым текстом заявил: *«Зачем крымские татары сопротивляются, лучше смириться, лучше принять российскую власть, потому что таким образом у вас может появиться перспектива».*

«Вы встретитесь с тем, что оккупанты будут постоянно чувствовать сопротивление, и это сопротивление будет ненасильственным. В этом у нас есть огромный опыт», – отвечал Бариев.

После этого разговора Форманчук на своей странице написал: *«...Следующим после Джемилева и Чубарова нужно из Крыма как-то выдворить Бариева...».* И это было сделано. Когда в конце января 2015 года Эскендер находился в Киеве, чтобы разослать обращения от Всекрымской конференции Комитета по защите прав крымскотатарского народа, друзья сообщили ему, что возвращаться уже нет смысла.

«Принять такое решение было безумно сложно. Но я очень запомнил слова правозащитницы Александры Матвийчук: «Ты поедешь, тебя арестуют. Ты создашь проблему своей семье и себе. О тебе поговорят

неделю, а дальше что? Кто будет работать?». Пришлось прислушаться», – надломленным голосом говорит мой собеседник.

В Киеве он начинал выстраивать работу по возвращению Крыма заново – инициировал создание Крымскотатарского ресурсного центра. Бариев сознательно выбирал для новой общественной организации другое название, потому что Комитет по защите прав крымскотатарского народа должен был сохраниться на полуострове.

...Эскендер Бариев много говорил о своей правозащитной деятельности. Он даже казался выше, крупнее, чем был на самом деле. Глыба, которую не сокрушит ни гром, ни молния, ни оккупационная власть России.

Но Эскендер-ага не смог сдержать слез, вспоминая о своей матери. Он – сын, который каждый день заезжал в дом своих родителей, обнимал и целовал их, благодарил за любовь, – не смог приехать на похороны своей мамы.

Бариев был совсем рядом, в Геническом районе, на админгранице с Крымом, когда узнал о ее смерти. Рвался поехать, несмотря на риск. Чтобы в последний раз поцеловать руки той, которую больше никогда уже не увидит. Но друзья сказали: «Эскендер, не смей! Неизвестно, попадешь ли ты на похороны». На похороны приехало около тысячи человек, чтобы поддержать Эскендера Бариева так, как он поддерживал их все это время.

У Бариева в Крыму остался отец. У него инвалидность, и он не может говорить. Но сын читает в его взгляде – что он его ждет. И каждый день делает все возможное, чтобы выполнить обещание – приехать в свободный Крым и снова обнять отца.

“

Многие говорили: «Эскендер, довыступался?». Мол, успокойся и будет все нормально. Нет, не будет – сейчас пришли ко мне, а завтра придут к каждому из вас! Сегодня в Крыму приходят с обыском к людям, которые даже гражданским активизмом не занимаются, к тем, кто ведет бизнес.

Если мы не будем поддерживать друг друга, тогда между людьми, проживающими в Крыму, и теми, кто выехал за его пределы, будут искусственно вбивать клин. Нам будут говорить, что в Крыму трусы и коллаборационисты. А нас – называть предателями и беглецами. Поэтому мы обязаны сохранить связи, находить точки взаимодействия и создать все условия для защиты прав наших граждан”

Диссидентка

Мария Сулялина

Ялта

ДОСЬЕ

Мария Сулялина

ДО. Студентка Крымского гуманитарного университета, участница Центра гражданского просвещения «Альменда». Организатор ялтинского Евромайдана.

ПОСЛЕ. Выпускница Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко, документалист Центра документирования Украинского Хельсинского союза по правам человека (УХСПЧ), координатор международного фестиваля о правах человека Docudays UA в Бердянске, участница Центра гражданского просвещения «Альменда». Покинула Крым в апреле 2014 года.

МЕЧТАЕТ бросить на плечи рюкзак и исчезнуть на два месяца в Новой Зеландии или Индии.

Без телефона и мессенджеров.

“

Однажды, возвращаясь домой в плацкарте из Кривого Рога с друзьями, мой друг Антон повесил свой украинский флаг на окно, на котором было написано «Вільні»⁶⁴. К тому же у нас на рюкзаках были украинские ленточки, один рюкзак был желто-синий и две сумки с нарисованным сердцем в виде «коктейля Молотова». Это не могла не заметить на блок-посту так называемая «крымская самооборона».

У нас попросили паспорта, спрашивали, куда едем. На что мой друг не растерялся и ответил: «А кто вы такие, чтобы спрашивать?». Они начали показывать нам свои удостоверения, напечатанные на какой-то обычной бумаге... Антон не унимался: «Я могу себе тоже такое напечатать...»”

Мария Сулялина

⁶⁴ Свободные (укр).

«Мам, я так хочу, чтобы у меня был *gap year*⁶⁵», – говорила 11-классница Маша Сулялина. Однако мама, учитель по образованию и призванию, была непреклонна.

Поэтому девушка поступала сразу в несколько вузов. На юридический в Харьков она не поехала – в последнюю минуту передумала быть юристом. Больше всего хотела стать журналистом или работать в сфере по связям с общественностью, но в тогдашний Днепрпетровск, куда поступала на журналистский факультет, не успела подать документы – была на археологических раскопках с родителями и их друзьями в Херсонесе.

Так и осталась в Ялте, на историческом факультете Крымского гуманитарного университета. Это было маленькой трагедией для Марии – отличницы, победительницы всех олимпиад. Когда-то она с одноклассниками шутила, что сюда *«можно поступать даже без аттестата – всех берут...»*.

К слову, на учебу первокурсница так и не дошла. Сначала заболела, поэтому не посещала пары, потом на две недели уехала в Германию по образовательному проекту, дальше – работа в «Альменде». В университет попала уже на сессию, которую девушка сдала на повышенную стипендию. Однокурсники недоумевали – кто она и откуда знает всех старшекурсников.

Секрет прост: Маша была завсегдаем Ялтинского дискуссионного киноклуба, где рождались смелые идеи, воспитывался активизм и лидерство, где прививалось понимание прав человека. Этот киноклуб посещали многие студенты университета – он был отдушиной для думающей молодежи. «Английская клубника», «Великий диктатор», «Форест Гамп», «Легкое поведение», «Полночь в Париже», «Бойцовский клуб», «Железная леди», «Лора», «Билли Элиот», «Инстинкт»...

Не удивительно, что, когда в Киеве бушевала революция, молодые люди решили организовать в Ялте свой Евромайдан.

⁶⁵ Год между школой и университетом. Обычно в это время выпускник или выпускница школы путешествует, занимается самообразованием, подрабатывает на первой работе, чтобы точно понимать, какое образование хочет получить.

«Почему мы ничего не делаем?», – спрашивала Сулялина. Она не понимала, зачем ехать в Киев, если можно защищать свободу здесь, дома. И это не менее важно.

Бойкая девушка довольно быстро организовала ребят, написала уведомление о проведении акции, но загвоздка заключалась в том, что она была несовершеннолетней. Тогда документы в горсовет подал ее старший друг Руслан Нечипорук.

«В горсовете вообще не понимали, что происходит. Впрочем, заявку приняли, подписали и дали... копию о том, что в Ялте будет Евро-майдан...», – говорит Маша.

Однако это был не ветер перемен, а сквозняк растерянности. Совсем скоро в горсовете «образумились» – и закрутилось: Руслану Нечипоруку, чьи данные были оставлены в заявке, начали названивать из милиции, ректората.

«На нашей первой акции активистов была горстка, а милиции – тьма. И все они нас охраняли. А мы шутили: «М-м-м... нас боятся». Да Бог ты

мой, мы стояли с какими-то плакатами, совсем не страшные!», – вспоминает Мария.

Реакция была молниеносной. Преподавательнице университета Ольге Скрипник, которая пришла на площадь вместе со студентами, чтобы убедиться, что с ними все будет в порядке, ректор прямо там сообщил о ее увольнении. Участников акции – около 20 человек – называли предателями. Их сурово отчитали, как только они пришли на первую пару после акции.

Маше, которая училась в первую смену, досталось больше всех. Ее поставили перед всем первым курсом и винули: что она подвела, из-за нее всех отчислят, негде будет учиться ребятам...

- *«Кто вам позволил выйти?»*, – спрашивали 17-летнюю студентку четыре проректора.
- *«Это моя гражданская позиция»*, – прямо отвечала Мария.

На что ошарашенные проректора прокричали: *«С 8-ми до 17-ти вы не граждане Украины, а... студенты университета!»*.

Гражданство по расписанию? Гражданство устанавливает университет – храм науки? Стоит ли так сильно удивляться, что государство-агрессор за пару месяцев поменяло гражданство целого полуострова?

Страшнее всего было то, что ее однокурсники молчали.

Моральная экзекуция не прошла бесследно – Маша сильно заболела. Через пару дней проректор по науке вызвала к себе и ее маму, Валентину Потапову, которая также преподавала в этом университете.

- *«Я вас сильно уважаю, вы хороший преподаватель... Но вы знаете, что ваша дочь была т-а-м?»* – говорила с натиском проректор о ялтинском Евромайдане.
- *«Конечно»,* – удивилась вопросу Потапова.
- *«Вот мы тут на нее собрали кое-какую информацию...».*

И вдруг ей показывают толстую пачку бумаги, где распечатана вся личная переписка Маши из социальной сети «ВКонтакте»... У Валентины Потаповой от вмешательства в частную жизнь ее дочери перехватило дыхание. Дальше проректор вспомнила поездку дочери в Берлин и о том, что она посещала Музей истории гомосексуальности.

- *«И?...»,* – все еще недоумевает Потапова.
- *«Это же не совсем нормально?».*
- *«Послушайте, даже если у моей дочери была бы там какая-то ориентация, которая не очень сильно воспринимается в нашем обществе, это ее личное дело. Вот абсолютно не ваше, не проректора по науке...»,* – сдерживая себя от негодования, отвечала мама Маши.
- *«Вы понимаете, что ей будет трудно учиться ...»,* – дальше уже Валентина Потапова не слушала, вышла из кабинета.

Студентов, вышедших на Евромайдан, не исключили только потому, что за них заступились преподаватели.

- *«Эти диссиденты»,* – с презрением говорили о студентах администрация университета и студенты других факультетов.

- *«Но диссиденты – это всегда было круто! – улыбается моя собеседница. – Тогда я впервые осознала, насколько важна свобода слова. Нас хотели исключить из универа только за то, что мы вышли на акцию».*

Впрочем, из университета Маша таки ушла, уже после оккупации, в апреле 2014 года. Это была ее идея.

«Документы мне отдали за один день, даже проставили оценки за те предметы, которые не успела сдать. Лишь бы я ушла», – говорит девушка.

Перед так званным «референдумом» Маша почти перестала появляться в вузе, но на одну встречу все же пошла. *«Приезжали московские профессора рассказывать, как классно жить в России. Мы решили туда заглянуть. Надели вышиванки... Но нас не пустили, сказали: «Там нет мест», – вспоминает Мария.*

Последнюю акцию, на которую пришла Сулялина, и вовсе разогнали – побили ребят, камеры... От беспомощности и абсурда Мария не нашла себе места.

А мама, глядя на нее, воскликнула: *«Чего ты ноеешь? Сделай что-нибудь!».*

- *«А что сделать? Уже в понедельник мы будем студентами непонятно чего...».*
- *«Напиши министру!».*
- *«А вот возьму и напишу!».*

И Мария написала, что она и ее друзья – украинские студенты, что они поступали в украинские вузы. Но результат «референдума» уже всем ясен, а они хотят продолжать обучение в украинских университетах.

«Мы просим упростить систему перевода и предоставить нам общежитие, потому что на материковой Украине нам негде жить», – писала девушка.

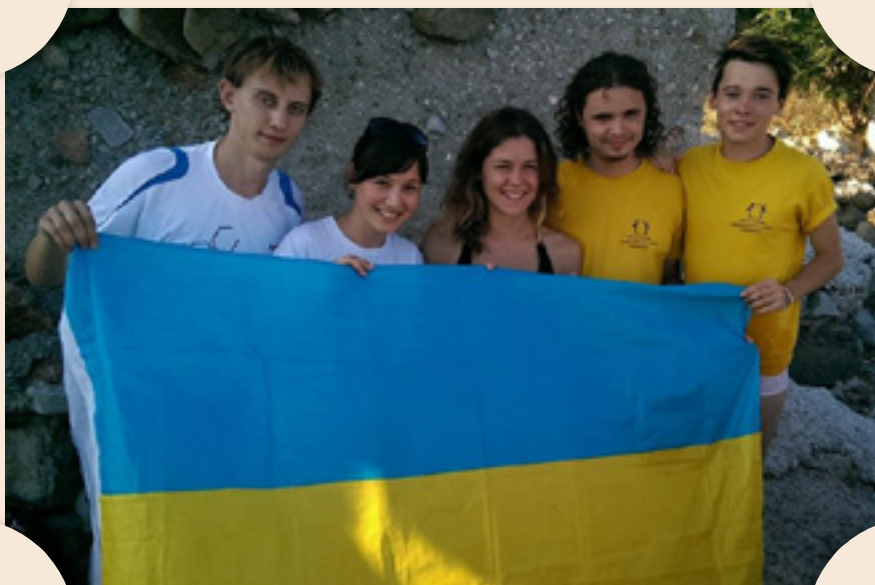
Это письмо отправили в пятницу к Министру образованию и науки Сергею Квиту, главе Комитета Верховной Рады по вопросам науки и образования Лилии Гриневич и по адресам всех ректоров ведущих вузов

Листовки, которые развешивали студенты-участники ялтинского Евромайдана. Децемь 2013 года

День украинского флага возле мыса Сарыч. Крым, 2014 год

День Независимости Украины. Ялта, август 2014 года

Украины. А уже в субботу утром Маше пришел ответ от министра Квита, в котором он заверил: *«Да, вы студенты Украины, и для вас будет упрощенная система перевода».*

Сулялина вспоминает, как много было поддержки для крымских студентов и приглашений от разных университетов. В это время в Крыму начались похищения активистов, уже было небезопасно проводить активную деятельность, да и просто высовываться, а Маше все еще хотелось оставаться в Ялте.

Мама убедила ее уехать на неделю в Киев представлять организацию «Альменда». Как крымская студентка, Сулялина рассказывала в СМИ, что происходит на полуострове. После этого в ялтинских группах в соцсетях за ней окончательно закрепилось клеймо «предателя».

«Знаешь, страха совсем не было. То есть страх был вначале, когда только первые военные появились. А потом стало стыдно за свой страх. Почему мы должны бояться? Мы должны защищать хотя бы то, что у нас осталось!», – говорит она.

На День Независимости на одном из ялтинских пляжей студенты развешили желто-голубые флаги. Им угрожали прохожие, говорили, что спустятся и побьют.

«Это последний год, когда в Крыму было столько украинской символики!», – вспоминает Сулялина. По-своему чудесное время – всплеск эмоций, гражданской позиции, активизма. А через полгода, когда она вернулась после первой сессии в Национальном университете имени Тараса Шевченко, уже не узнавала своих друзей, оставшихся в Крыму.

«Все не так однозначно... Возможно, Крым всегда был российским, – слышала я. – Сегодня многие со мной не разговаривают, стали «ура-патриотами России». Кто не поддался пропаганде – выехали из полуострова, немало и вовсе – за границу», – делится Маша.

Первый год без Ялты был эмоционально сложным. Еще вчерашняя беззаботная школьница под уютным родительским крылом – сегодня в полной растерянности, без родного дома, со справкой, что она переселенка.

«Не считаю себя переселенкой. Я ведь никуда не уезжала из своей страны... Первое время я не понимала, что происходит, а все вокруг

спрашивали: что там в Крыму? Ведь ты оттуда? И, рассказывая, я вновь и вновь переживала эти события. А через год просто перестала отвечать на вопросы, потому что не могла больше прокручивать эту киноленту абсурда. Больше всего было слышать в спину: «Вы же там все равно все хотели в Россию...».

Что интересно: после переезда для меня стало очень важно говорить, что я из Ялты, из Крыма, из Украины. Это о моей идентичности. Для меня это про ответственность, что я должна сделать все, чтобы у нас была возможность вернуться в Крым. Я не уверена, что я хочу вернуться и жить там после деокупации, но я хочу, чтобы такую возможность у меня не отнимали.

Чтобы не было границ, этой неуверенности – пройду я или не пройду, пустят ли меня или не пустят, что со мной произойдет там, по ту сторону. В Крыму у меня осталась бабушка. И я единственная в нашей семье, кто может ее проведывать».

Сегодня Сулялина проводит дискуссионные киноклубы, но с другими студентами, с другими эмоциями. И это странно, говорит она, ведь очень хорошо помнит те уютные ялтинские дискуссии.

Летом крымчанка работает тренером в детском лагере, где с ребятами много говорит об уважении, толерантности, ценностях прав человека, ответственности. Говорит с ними честно, открыто, так, что присохшие крымские раны снова начинают кровоточить. Но это нужно, убеждена Мария, чтобы будущие взрослые знали настоящую цену свободы.

А еще она сотрудничает с Центром документирования Украинского Хельсинского союза по правам человека. Сознательно выбрала крымское направление, оккупацию. Болит очень, но то, что собирает факты нарушения прав человека на родном полуострове, дает ей силу. Если она поможет собрать доказательства агрессии России для Международного уголовного суда⁶⁶ и преступники понесут наказание за совершенные военные преступления, – значит, все было не зря.

Когда я изредка приезжаю в Крым, я тоже меняюсь. Там я ношу футболку с принтом Кольченко и Сенцова. Для меня важно именно там надевать эту футболку. Или носить на шее символ Украины. Мне герб Украины подарили еще в 2015 году, и его очень редко снимаю. Даже когда пересекаю границу. Это опасно, но для меня очень важно не бояться и не снимать его”

⁶⁶ 8 сентября 2015 года правительство Украины подало декларацию в соответствии со статьей 12(3) Римского статута, признающую юрисдикцию Международного уголовного суда (МУС) в отношении предполагаемых преступлений, совершенных на территории Украины (включая Крым) после 20 февраля 2014 г. В рамках предварительного расследования канцелярия Прокурора МУС собирает сведения о нескольких видах предполагаемых преступлений, совершенных в Крыму. Среди них: исчезновения и убийства, жестокое обращение, принудительный призыв жителей Крыма на службу в вооруженных силах Российской Федерации, перемещение части гражданского населения Российской Федерации в Крым и части населения Крыма за пределы его территории, захват имущества, притеснение крымских татар.

Наставница

Валентина Потапова

Ялта

ДОСЬЕ

Валентина Потапова

ДО. Преподаватель Крымского гуманитарного университета, Участница Центра гражданского просвещения «Альменда», организатор дискуссионного киноклуба.

ПОСЛЕ. Глава Центра гражданского просвещения «Альменда», работает над упрощением механизма поступления абитуриентов из оккупированных территории в вузы Украины.

Покинула Крым в октябре 2014 года.

МЕЧТАЕТ на набережной Ялты пить кофе и рассказывать внучке или внуку, что значит быть ялтинцем.

“

Мои воспоминания не страшные. Это те воспоминания, которые просто не отпускают ни на одну секунду. И ты в них снова погружаешься, и они снятся... И мне безумно хочется донести до всех, что все самые страшные вещи происходят очень буднично и обыденно”

Валентина Потапова

...В маленьком провинциальном чешском городке узнали, что советские войска зашли в Прагу. Танки. Паника. Люди не понимают, как себя вести: кто-то идет за солью и хлебом, кто-то начинает печатать листовки на старых машинках.

Советские солдаты сами не знают, куда их забросили. Один из них думает, что он в Германии. Он бежит, он мечтает быть поваром во Франции. Ведь совсем немного – и пересечет границу, станет чуть ближе к своей мечте. Но неожиданно для него открывается, что он в Чехии. Другой парень уезжает в Англию на сбор клубники, прощается со своей девушкой. Однако и он оказывается в эпицентре событий.

Это кадры из украинско-чешского фильма «Английская клубника» о событиях 1968 года в Чехии⁶⁷. Фильм очень непонятный: нудный и гениальный...

Так свою крымскую историю начала Валентина Потапова – преподавательница кафедры истории и правоведения Крымского гуманитарного университета.

У преподавателей этой кафедры были непривычные взаимоотношения со студентами. Студенты могли совершенно спокойно ворваться на кафедру и вывалить весь ворох своих проблем. Никто им не мстил за то, что они были не согласны с системой оценивания или отстаивали свои права. Среди них были Дарья Свиридова, Ольга Скрипник.

По сути, это было «государство в государстве», поскольку сам ялтинский университет оставался воплощением Советского Союза.

Неудивительно, что именно здесь появилась идея создания дискуссионного клуба, в команде которого была Марина Будзар – потрясающий преподаватель, человек энциклопедических знаний (впоследствии тоже покинувшая Крым после оккупации). Именно она и предложила посмотреть «Английскую клубнику».

Когда фильм закончился, студенты сидели в полной тишине – даже без эмоций. Преподавательница тогда спросила: «А *представьте*

⁶⁷ Ввод войск в Чехословакию, также известный как операция «Дунай» или вторжение в Чехословакию – ввод войск Варшавского договора (кроме Румынии) в Чехословакию, начавшийся 21 августа 1968 года и положивший конец реформам Пражской весны. Наиболее крупный контингент войск был выделен от СССР. На территории Чехословакии советское военное присутствие сохранялось до 1991 года.

себе на секундочку, что в Крым вошли российские войска. Собственно говоря, это не удивительно, потому что им нужно только выйти с места своей дислокации. Что будете делать вы?». Это встреча состоялась перед майдановскими событиями, в начале 2013 года.

После этого вопроса – развернулась дискуссия. Кто-то говорил о том, что *«мы будем заниматься партизанингом, уйдем в леса, будем защищаться»*, кто-то говорил, что *«ничего»*, кто-то – что пойдет покупать соль...

«И вдруг «Английская клубника» наконец начала декодироваться. Когда начались события «крымской весны»⁶⁸, мы с ребятами этот фильм вспоминали еще не раз. Все ребята, посещавшие кино клуб, повторили то, о чем говорили тогда на показе: кто-то начал, наверное, покупать соль, а кто-то протестовать», – вспоминает моя собеседница.

⁶⁸ «Крымская весна» – метафорическое название оккупации Крыма в российской пропаганде.

Валентина Потапова очень мало говорит о себе – ее можно «прочитать», скорее, в ее детях. Она вспоминала о них – и глаза светились гордостью:

«Поразительно: у нас на кафедре творилась одна история, а в самом университете – другая. Ректор был абсолютнейшим деспотом, с такой жуткой административно-командной системой, хотя неплохой менеджер. Он много катался во всевозможные командировки, много рассказывал о своей любви к Украине, очень быстро получил себе звание «Заслуженный учитель Украины», и вот именно с этим званием спокойно предал ту же самую Украину. ...Я очень хорошо помню выход студентов на Евромайдан в Ялте. Это был взрыв для университета и его системы работорговли».

Студентов не отчислили только потому, что преподаватель Ольга Скрипник написала заявление в прокуратуру и Офис Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Их также поддерживали крымские СМИ, сообщив о давлении на студентов. После такого ректор не мог не заявить публично, что никаких репрессий не будет. Хотя не обошлось без внутриуниверситетской «порки» и последующих унижений.

Валентина Потапова вспоминает о событиях 2014 года, словно кадрами из фильма.

Вот попытка проведения в Симферополе Форума гражданских организаций, целью которого было понять, как действовать в случае вступления в силу так называемых «драконовских законов»⁶⁹, принятых 16 января 2014 года во время революции в Киеве. Пакет законов существенно сужал гражданские свободы. Общественники готовились к диалогу, однако их попросту не пустили в здание, и пришлось проводить мероприятие под зданием представителя Президента Украины в Крыму.

«Если не ошибаюсь, встречу модерировала Саша Дворецкая, там еще был Ковальский... И все те, кто позже, по версии ФСБ, станут предателями Крыма», – рассказывает Валентина Потапова.

⁶⁹ «Законы о диктатуре», а также «законы 16 января», «диктаторские законы» – пакет законов, принятых Верховной Радой Украины 16 января 2014 года по время Евромайдана для подавления протестов. Эти законодательные акты ограничивали права граждан, предоставляли органам государственной власти большую свободу действий в сфере наказания участников акций протеста и имели целью криминализировать оппозицию и гражданское общество.

Форум не успел открыться, как к месту его проведения «Русский блок» начал подвизать людей. И за какие-то полчаса на крошечной площадке в Симферополе развернулось два митинга: один – против решения украинского парламента, другой – в оппозиции к первому митингу.

«Мы вдруг поняли, что все кричим одинаковую фразу: «Фашизм не пройдет!». Это было так глупо. Оказывается, мы все стоим с одними лозунгами. Мы хотели одного и того же – свободы, демократии, справедливости, равенства, мы не хотим фашизма, диктатуры. Но почему же мы тогда по разные стороны баррикад, что же мы тогда друг против друга? Я подошла к женщинам, которые стояли с той стороны. Видимо, это были учительницы, и во мне они тоже признали учителя.

- *«Что вы здесь делаете?», – спрашиваю я у них. А они отзеркаливают:*
- *«А вы?».*
- *«Мы не согласны с тем, что происходит», – отвечаю я им и слышу в ответ:*
- *«Мы тоже... Все становится так непонятно, так запутано...».*

Этот странный разговор часто всплывает в моей памяти. Если подумать, мы же и в Крыму, и потом на Донбассе были искусственно разделены. Ведь мы все хотели одного – справедливости, свободы, равенства, чтобы нас не считали за быдло, чтобы мы были субъектами политической деятельности в стране.

Только мы по-разному это отстаиваем: одни – демократически, а другие позволяют, чтобы их вывозили на митинги. У одних это либеральные ценности, а другим, наверное, нужен некий вождь, который скажет, как жить. Тот митинг в Крыму был совершенно абсурдным», – рассказывает правозащитница.

Потапова долго не могла прийти в себя после увиденного, даже перестала приходить на акции, поскольку по другую сторону слышала «свои» же лозунги.

26 февраля 2014 года под здание Верховного Совета Крыма ее не пустили крымскотатарские студенты: *«Валентина Ивановна, не ходите.*

Там будет страшно, туда идут только одни мужчины. Мы максимально просим, чтобы женщины оставались дома. Не надо...».

«Этот митинг очень хорошо показывает, что на самом деле происходило на полуострове. Не было единства «Мы все хотим в Россию!». И это видели не только мы, но и те, кто координировал захват Крыма. Неудивительно, что Верховный Совет Крыма был захвачен именно ночью с 26-го на 27-е февраля, чтобы не успели опомниться... И 27 февраля началось это жуткое кино», – рассказывает Потапова.

Она до сих пор не может произошедшие события принять как реальность. Словно киномеханик продолжает крутить «Английскую клубнику» снова и снова:

«Ты понимаешь, что сейчас происходит историческое событие. А что тебе, простому человеку, делать? Все самые страшные вещи начинаются несерьезно. Ты не можешь поверить, что тебя захватили, ты видишь бронетранспортеры на улице, где стоит твой университет, ты видишь чужих людей в военной форме, и включаешь телевизор – а там то же самое. Кино снимают?»

Как-то мы ехали с мужем на рынок и, проезжая через Холм Славы⁷⁰, заметили недалеко огромное количество автобусов. Я насчитала штук 45. Форум в Ялте? А муж в ответ: «Скорее всего, это те «политические туристы», которых сейчас завезли в Ялту...».

...Знаете, что такое мартовская Ялта? Это когда ты идешь по набережной и здороваешься с каждым вторым, потому что не сезон и остаются только местные. А если ты всю жизнь проработал в системе образования, сначала воспитателем детского сада, потом учителем в школе, потом преподавателем в вузе, то из местных жителей у тебя все либо ученики, либо их родители, бабушки и дедушки, либо коллеги. Других людей нет. Вот это Ялта.

А тут набережная наполняется людьми в спортивных костюмах с чужими лицами, в кожаных куртках, которых ты только видел по телевизору в «байк-шоу а-ля Путин». И ты понимаешь – очень много чужих в твоём родном городе. И окончательно осознаешь – это оккупация...».

⁷⁰ Мемориал Второй мировой войне.

Чтобы немного отвлечься от мрачных мыслей, муж Валентины пригласил ее в кино. Просто хотелось выйти из дома, оторваться от телевизора. Сеанс был поздно вечером. В зале кинотеатра на 400 мест собралось не больше десяти зрителей.

«Мы ждали, когда начнется фильм, – и в это время слышим топот сотни ног. С двух сторон от низа экрана начинает течь толпа молодых людей в одинаковых спортивных костюмах. Они заполняют весь зал. Мне почему-то приходило на ум только одно: это же орки из «Властелина колец», только в спортивных костюмах и кроссовках...

Толпа заполнила все – они сели рядом с нами, они сели впереди нас, сзади нас... И мы – те восемь ялтинцев, которые пришли в этот вечер в кино, – ноющей болью понимаем, что сидим среди оккупантов. И вот эта оккупация, от которой дышать нечем, никуда не денешься. И ты одиночка среди этих захватчиков. Это молодые люди, и ты на них смотришь, на их затылки, на их уши и не можешь понять, почему они тут? Почему пришли сюда? Чтобы захватывать мою землю? Что у них в головах?», – спрашивала себя Валентина Потапова.

На улице дышалось не легче. Едва ли не впервые в Ялте Валентина с мужем увидела командиров с шевронами, управляющих этой толпой. Для нее именно этот жуткий поход в кино 9 марта стал днем оккупации.

Особым кадром в личной истории Потаповой стал последний кинопоказ в ялтинском клубе. Руководители клуба сомневались, стоит ли встречаться. Это было в помещении университета, куда нужно подниматься по винтовой лестнице, без аварийного выхода. Был огромный риск для ребят. Вдруг ворвутся «казаки», которых уже очень много в городе, милиция тогда практически отсутствовала, как и власть. В городе бушевала анархия в худшем смысле этого слова.

Но пришло много молодых людей. Согласно кинорасписанию, показывали «Диктатора» с Чарли Чаплином. Обычно во время дискуссии координаторы киноклуба стараются держать нейтральную позицию, но здесь Валентина Потапова не выдержала:

«Я плакала и говорила о том, что пришла диктатура и что сейчас нам всем будет трудно, что нужно выстоять и каким-то образом оставаться людьми. Что все, чему мы пытались научить на этих киноклубах, сейчас нужно достать, потому что иначе не выживешь, потому что диктатура – это страшно. Я жила в Советском Союзе – за очень красивой вывеской творились страшные вещи. Точно так же сейчас за этой же красивой вывеской «Великая Россия» будут твориться страшные вещи».

Валентина Потапова понимала, что пришло время принимать решение – либо уезжать, либо оставаться. Она решила остаться. Держали студенты. Ведь они были напуганы и растеряны еще больше, чем она. Что делать? Какой диплом мы получим? Примет ли нас Украина? Нужно было остаться, чтобы отвечать на эти вопросы.

«Если бы мы все ушли, кто принимал бы экзамены, кто выдавал бы дипломы? Мы же учителя и не могли вот так просто бросить своих учеников... Понятно, что мы не корчаки⁷¹, не идем в газовую камеру – тут другая степень опасности. Но наши студенты нам доверяли, и мы приняли решение остаться. Наверное, самое трудное решение в то время», – рассказывает Потапова.

⁷¹ Имеется в виду учитель Януш Корчак – польский врач, педагог, писатель, публицист, общественный деятель еврейского происхождения. В 1940 году вместе с воспитанниками «Дома сирот» был перемещен в Варшавское гетто. Когда в августе 1942 года пришёл приказ о депортации «Дома сирот», Корчак пошёл вместе со своей помощницей и другом Стефанией Вильчинской, другими воспитателями и примерно 200 детьми на станцию, откуда их в товарных вагонах отправили в Трешлинку. Он отказался от предложенной в последнюю минуту свободы и предпочёл остаться с детьми, приняв с ними смерть в газовой камере.

Валентина Потапова с коллегами в Черниговском образовательном доме прав человека. *Ноябрь, 2017 год*

Валентина Потапова на акции солидарности с крымчанами, которые не смирились с оккупацией. *Киев, март 2019 года*

Валентина жила на два города – в Симферополе и в Киеве, – встречалась с огромным количеством людей из министерства образования, общественных организаций, госструктур – чтобы процесс перевода крымских студентов в другие украинские вузы был менее болезненным. Было важно поддержать крымских студентов. И Украина это сделала.

Для Валентины Потаповой это стало боевым крещением в правозащите. И хоть она среди тех, кто борется за право на образование для детей из оккупированных территорий, правозащитницей себя не считает. *«Я просто делаю свое дело»*, – говорит Потапова.

В августе 2014 года ее уволили из университета. Это было ожидаемо. Еще через некоторое время стало ясно, что Потапова никуда не устроится на работу в систему образования, потому что находится в «стоп-листе».

Она задыхалась. Воздух, которым нужно было дышать, был слишком густым от несвободы. Нервные срывы... Она точно знала, где стоит бензин, и, возможно, это будет ее последней акцией протеста...

Оттолкнуться от мрачных мыслей помогла мама, которая сказала: *«Надо жить! А здесь ты умираешь»*. В октябре 2014 года Валентина Потапова вместе со своей семьей выехала на материковую Украину.

Однажды на одной из последних встреч со своими студентами, оставшимися в Крыму, она услышала: *«Вы нас бросили»*. Ребята говорили, что не все могут выехать, и в то же время они не знают, как быть, как бороться, они остались один-на-один с новой реальностью, которая пришла в Крым.

«Будем честны, те, кто остался и решил бороться там, в худшем положении, чем мы», – говорит Потапова. Чувство вины толкает ее работать усерднее, чтобы создать наилучшие условия для поступления в украинские вузы для абитуриентов из неподконтрольных территорий:

«И когда нас не слышали в Министерстве образования, и когда все вокруг, даже некоторые правозащитники, говорили, что образование – это ответственность страны-агрессора, и когда мы не могли ни до кого достучаться, приходя домой, я рыдала... Вспоминала нашу ялтинскую встречу и слышала этих ребят: «Вы нас бросили».

Спустя пять лет стало ясно, что вопрос образования Валентина Потапова с коллегами выиграли тактически, но не стратегически. На тот момент упростить систему перевода или вступления для детей из оккупированных территорий было успехом. Но поступают в украинские вузы не больше 300 человек:

«Когда я встречаю студентов из Донецка и Луганска, поступивших в один из вузов «льготного списка», они задают правильный вопрос: «А почему существует вот эта сегрегация? Почему нас определили только в те пару десятков вузов? Это же дискриминация».

Я как-то спросила своих знакомых, о чем они мечтали, когда планировали поступить в вуз. Я вот хотела стать великим археологом, кто-то – великим ботаником, кто-то мечтал учиться в самом крутом вузе, кто-то спасти все человечество, поступив в медицинский институт, кто-то хотел решить теорему Ферма... 17-летний ребенок очень амбициозен, он мечтает о великом!

А что мы ему предлагаем? 10 вузов без аттестата... Мы этого ребенка унижаем.

Сейчас моя главная задача – найти тех людей, с которыми мы будем вместе создавать привлекательную систему украинского образования для детей из оккупированных территорий.

Да, я не могу защитить тех людей, у которых проводят обыски, которых арестовывают. Но все, что от меня зависит, я сделаю. А потом спокойно уйду на пенсию».

“

Я мечтаю оказаться на ялтинской набережной с маленьким ребенком, который будет либо внучкой, либо внуком.

И этого маленького человечка я буду учить быть ялтинцем – любить этот город, дышать этим воздухом... Я очень сильно хочу подарить этому маленькому человечку свою Ялту. С моими подругами, у которых тоже беззаботно будут бегать внуки, мы будем сидеть в кафешке (а Ялта – европейский город, где всегда была культура кафе!) и пить самый вкусный в мире кофе”.

Заноза

Руслан Нечипорук

Ялта

ДОСЬЕ

Руслан Нечипорук

ДО. Студент Крымского гуманитарного университета, член Центра гражданского просвещения «Альменда».

Организатор ялтинского Евромайдана.

ПОСЛЕ. Выпускник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, учитель истории Киевской школы № 130, методист в детском лагере «Истоки толерантности».

Покинул Крым в конце 2014 года.

МЕЧТАЕТ, чтобы Украина смогла. И тогда он устроит пикник на ялтинском пляже и споет украинские песни в кругу друзей.

“

Когда мне говорят: что там твои права человека? Вот пришли вооруженные люди в Крым и плевали они на эти права, плевали на тебя. Мой ответ всегда одинаков – начните с себя!”

Руслан Нечипорук

...Крымские горы и подножья немыслимы без можжевельника. Это удивительное растение – вечнозеленое, стойкое к жаре и морозу, неприхотливое к соленой почве. Его еловый аромат успокаивает, роскошные ветви-крылья прячут серость камней и наполняют твой день мягким зеленым светом.

Но не обманывайся, человек с темными мыслями! Можжевельник, – если ты нарушишь его личную свободу (попытаешься вырвать с корнем или будешь ломать ветви), – изранит тебя иголками. И рана от занозы будет долго ныть, напоминая о дурном поступке. Крымский можжевельник можно пересадить в другое место, и он украсит чужой сад. Но звездной теплой ночью, когда никто не видит, будет тихо тосковать о родной земле.

Руслан Нечипорук, нет, он не можжевельник, но еще та заноза. За милой улыбчивой внешностью кроется твердый, игольчатый характер. Это он всполошил работников горсовета и шокировал проректоров Крымского гуманитарного университета, подав заявку на проведение мирной акции – Евромайдана в Ялте.

Он, Мария Сулялина и другие ребята из организации «Альменда» решили провести акцию на поддержку европейского выбора Украины. Их вдохновил Майдан в Киеве – энергия единства, разливающее тепло от чая в пластиковых стаканчиках. А еще – легкость студенческой молодежи.

Трое друзей переглянулись – но ведь мы можем сделать свой Евромайдан в Ялте. Их поддержали 18 студентов.

«Мы вышли к зданию городской администрации с плакатами, что поддерживаем евроинтеграцию. Самыми провокационными словами были разве что «Давайте накормим Европу салом, а Россию – хреном». Для нас все это в шутку, такая себе студенческая тусовка. Было весело рисовать плакаты и требовать Европу... А на следующий день меня вызвали в ректорат с криками: «Как ты мог! Ректор уже в больнице с сердечным приступом...», – вспоминает Руслан Нечипорук.

Его ругали, обвиняли, что везет два вагона крымских студентов на киевский Майдан. Побледневшим от негодования (или страха?) проректорам Руслан отвечал: *«Я бы очень хотел, чтобы это была правда, но, к сожалению, у меня нет такой возможности!».*

Свобода, которую излучал Руслан, многих пугала. Так, после случайно оброненной фразы в общезнании: *«Что-то наш Ленин застоялся, когда во всей Украине «ленинопад»⁷²*, на следующий день возле памятника появилась палатка с охраной из пенсионеров. Руслан разводит руками – совпадение или уже тогда в общезнании налаживалась система доносов?

«К слову, Ленин там до сих пор стоит», – сообщает Нечипорук.

...В Крым уже заходили войска. Студенты планировали еще одну акцию в поддержку Украины, протестуя против оккупации. Тогда «Альмендой» руководила Ольга Скрипник, она помогала организовывать акцию.

⁷² Снос памятников Ленину в Украине – волна демонтажей и поврежденных памятников Владимиру Ленину и другим советским деятелям XX века в Украине, которая началась во время киевского Майдана в 2013-2014 годах. Первым событием, которое приобрело широкую огласку, стало свержение памятника Ленину в Киеве 8 декабря 2013 года. Активная фаза сноса памятников Ленину в Украине пришлось на первые дни после противостояний 18-21 февраля 2014 года и бегства тогда еще президента Украины Виктора Януковича.

«Уважаемые жители Ялты, кто хочет нас поддержать, приходите», – написали в приглашении молодые люди и разослали по СМИ и соцсетях.

Они были уверены, что придет, как обычно, не больше двадцати человек, и были искренне удивлены, когда к ним присоединилось три сотни ялтинцев.

«Это же Ялта, маленький городок. Такое количество вышедших просто немыслимо! И все с флагами, поют гимн Украины... Фантастика!.. – рассказывает Руслан. – А потом появились «ночные волки», байкеры Путина, началась толкотня... Многих участников побили, журналисту «Интера», которого я пригласил, разбили камеру. Я не мог понять – как же так? И только тогда пришло понимание, что все это не шутки и что в Крыму происходят непонятные, очень страшные вещи».

На так называемый «референдум» идти и не думал. Однако, проснувшись утром 16 марта и увидев пустое студенческое общежитие (все ушли голосовать?), рискнул заглянуть на один из участков. Это была его школа, где проходил учительскую практику.

«Я обратился к избирательной комиссии: «Коллеги, вы же меня знаете. У меня с собой нет документов. Дайте мне, пожалуйста, бюллетень – я проголосую». И мне его... выдали. Я на другой участок – та же история. Я так эти два бюллетеня и забрал с собой в Киев, потом передал Оле Скрипник... Грустно вспоминать, но я видел большие очереди желающих проголосовать. Также везде шныряли вооруженные люди», – делится собеседник.

В ночь перед «референдумом» Ольга Скрипник сообщила, что уезжает из Крыма. И пообещала быть на связи с ребятами. Если кому нужна будет в Киеве помощь – она найдет возможность помочь. Ведь вместе они уже много лет встречались на дискуссиях киноклуба, учились отстаивать свою гражданскую позицию и воспитывать в себе ответственность за свои действия.

Ольга приглашала в Киев, а Руслан не мог решиться уехать один: *«Я был таким маминым сыном: за свои 18-19 лет толком никуда надолго не отлучался, постоянно с ней советовался. Уезжать? Куда? Зачем? Я вообще не понимаю, что происходит... Но после 16 марта в Ялте*

сразу все поменялось – на набережной сменили флаг, люди стали какие-то другие, нам даже страшно было ходить в одиночку – все группами, ради безопасности».

Руслан не решался покидать родной полуостров, но по возвращении из очередной поездки в Киев на симферопольском вокзале его встретили дружинники и привели в ближайшее отделение милиции. Тут же попросили показать паспорт. Парень заметил пачку листов А4 с длинными списками фамилий в них, написанными от руки. В одном из таких списков нашли и его фамилию.

- *«Вам не рекомендуется находиться в Крыму», – сказали парню.*
- *«В смысле? Я тут живу, у меня крымская прописка...», – удивился Руслан.*
- *«Мы вам даем несколько дней – вы должны покинуть территорию Крыма».*

Он был в таком шоке, что даже не спрашивал почему. Лишь нашелся ответить: *«Это какая-то неудачная шутка?»*. Однако милиция и дружинники не шутили.

Руслан еще успел сдать сессию в университете и начал собирать чемоданы.

«Помню, я позвонил маме: «Мам, я еду в Киев, и дня через три вернусь...», – мой собеседник задержал дыхание на пару секунд, а потом выдохнул тяжело и продолжил:

«Знаешь, когда выезжаешь из Крыма, там есть такой отрезок – узкая железная дорога, а с двух сторон – море. Я вышел в тамбур, проезжая этот морской коридор... Было очень тяжелое предчувствие. Я реально плакал, потому что не знал, вернусь ли я... И вот уже эти три дня длятся четыре года».

Когда Руслан переехал в Киев, был бум получения справок переселенца. Он был уверен, что получит этот документ без проблем. Но ему отказали, потому что закончился срок прописки, как только съехал из общежития. Парень не растерялся и при содействии Ольги Скрипник подал иск на социальную службу.

Это прецедентное дело. В Украине уже было немало ситуаций, когда людям из оккупированных территорий отказывали в справке переселенца. И для Руслана было важно не столько выиграть суд, сколько показать, что через суд можно защитить свои права.

Нечипорук выиграл, суд даже присудил какую-то денежную компенсацию, которую за четыре года он так и не получил. А придя в соцслужбу с судебным решением, услышал от начальника: *«Ну и что? Вы не могли подойти и поговорить со мной? Надо было обязательно подавать в суд?»*.

«Для меня это что-то невероятное – подошел, поговорил, порешал. Это как? Каждый же должен быть на своем месте и выполнять свою

работу. По этой справке я ежемесячно получаю 400 гривен, я ничего не могу за эти деньги купить. Но для меня важны не они, а то, что государство признает во мне человека, вынужденного покинуть свой дом из-за оккупации», – объясняет активист.

На полтора года Руслан ушел с головой в учебу в магистратуре университета имени Тараса Шевченко, пытался разобраться в себе, искал свой путь. По окончании учебы три летних месяца жил и работал в организации «Образовательный дом прав человека в Чернигове». Но ему больше всего хотелось работать в школе с детьми, чувствовал, что это его призвание.

«Я историк. Я заходил наобум в школы и спрашивал: «Здравствуйте, вам нужны историки?». И мне все вежливо отвечали: «Нет, спасибо». В один из дней, когда я был уставший и злой, написал секретарю Министерства образования и науки Павлу Полянскому такое же уставшее и злое письмо с вопросом «Почему я не могу найти работу?» – продолжает Руслан свою историю.

Через некоторое время ему позвонили – как раз поездом возвращался из лагеря «Истоки толерантности», где работал тренером.

«Добрый день. Я директор 130-й школы. Нас попросили взять вас на работу», – услышал он в трубку.

Боже, какое счастье! Звонок прозвучал 30 августа, два дня до начала учебного года, директор настаивала приехать сегодня. И Руслан, оставив вещи в камере хранения, прямо с поезда, с немой головой, в шортах и кроссовках бежал на встречу.

«Залетаю я в школу, а там у них как раз педсовет, и меня встречает директор со словами: «А, это и есть тот скандальный мальчик?» – рассказывает Нечипорук.

Как позже выяснилось, к ним обратились из Министерства образования с раздраженной просьбой – «пристройте его, куда хотите».

«Я вышел на середину актового зала, а на меня – в шортах и футболке – смотрят полсотни учительниц 50-60 лет, меня представляют как будущего учителя-историка в их школе», – вспоминает Руслан и добавляет, что за ним так и закрепилось амплуа «скандального мальчика».

Ялтинский Евромайдан, декабрь 2013 года

Ялтинский Евромайдан, декабрь 2013 года

Однако четыре года он держит оборону – является классным руководителем 8 класса, преподает историю, учит учеников думать. И просто дарит детям свою любовь. Если бы мог, укрыл бы их крымским можжевелевым покрывалом от всех жизненных проблем.

Руслан искренне удивляется, как можно не любить работу учителя? Он не понимает тех, кто вечно жалуется на маленькую зарплату, программы, детей...

«Мне очень нравятся изменения в связи с Новой украинской школой⁷³. Нравится, что появляются новые предметы, такие как «Гражданское образование». Я его называю «ласковой украинизацией». Ведь на этих уроках мы обсуждаем вопросы, которых так волнуют маленьких украинцев – об их идентичности, гражданской активности, ответственности. И я вижу, как им это интересно», – делится Нечипорук.

Как-то на уроке истории он рассказал про одну крепость крымских татар. А через пару дней встретил на Майдане своих учеников, которые вместе с родителями пришли помянуть жертв депортации.

«Пришли не потому, что им кто-то сказал, что надо, – они сами захотели. Это очень вдохновляет!», – говорит Руслан.

Нечипорук уверен: двадцатилетний опыт преподавания в школе – это неплохо, но современным детям нужно совсем другое:

«Когда я впервые перед детьми извинился и сказал, что сейчас не знаю ответа, но обязательно узнаю и скажу – у них был открытый шок. Как это учитель чего-то не знает? Как это учитель извинился? Я много спорю с коллегами о методиках преподавания, и нередко слышу от них пренебрежительное: «Это тебя в Крыму научили?». Сначала даже обижался, а потом стал отвечать с гордостью: «Да, в Крыму, мой преподаватель Потапова Валентина Ивановна, хотите вас с ней познакомлю?», – Руслан немного помолчал, а потом добавил:

⁷³ «Новая украинская школа» (НУШ) – реформа среднего школьного образования Министерства образования и науки. Предусматривает создание школы, где дети будут учиться через деятельность, а основное внимание направлено на развитие компетенций, а не на запоминание фактов. Цель реформы – создать школу, в которой «будет приятно учиться», а также которая «будет воспитывать ответственных, активных и предприимчивых граждан». С 2018-2019 учебного года все первые классы в Украине учатся по этим стандартам.

«Когда 10 декабря во всех школах была Всеукраинская неделя правозащиты, я решил поговорить с учениками о правах человека. Какие умные у нас дети! Может, они не знают точных дат и фактов, теории какой-то, но они умеют думать, и это очень ценно! С ними в Украине крутое будущее».

Руслан также сотрудничает с Конгрессом национальных общин. Конгресс каждый год организует детский лагерь «Истоки толерантности», куда приезжают юные представители разных национальных общин. Ему нравится работать в лагере – тут встречаются дети более 100 национальностей со всей Украины, и это парню напоминает родной многонациональный Крым.

В прошлом году удалось привезти 20 детей с оккупированного полуострова.

«Как же мы их вывозили! Это была настоящая спецоперация! На административной границе – представители и Минобороны, и Минобразования, и других министерств всего на свете... Вот этот

браслет, – Руслан показывает на руку, где на браслете написано «Я люблю Украину», – мне отдал мальчик после лагеря со словами: «Можно, я тебе его подарю – я же не могу с ним приехать в Крым».

“

Я вижу, что украинские дети много знают о Крыме, мы с ними честно обсуждаем аннексию. И я понимаю, что у них представление о событиях на полуострове 2014 года очень исказлено. Потому что это не их слова, когда они говорят о большом количестве людей, поддерживавших присоединение к России. Они озвучивают слова своих родителей, из СМИ и соцсетей... Я прямо так и слышу эти штампы. И подтолкнуть их критически осмысливать информацию – это моя миссия. На материковой Украине я хочу работать не с теми, у кого сформированы взгляды на жизнь, а с теми, кто только учится жить, не устает познавать мир и делать ошибки, кто не осторожничает перед тем, как открыть Америку”.

Не серый кардинал

Сергей Заец

Севастополь

ДОСЬЕ

Сергей Заец

ДО. Адвокат, частная юридическая практика.

ПОСЛЕ. Адвокат, эксперт Регионального центра прав человека.

Эксперт образовательной программы «Стандарты прав человека в практике адвокатов и судей».

Покинул Крым летом 2014 года.

МЕЧТАЕТ, чтобы в его жизни было как можно больше моря.

“

Первое время, наверное, больше двух лет после переезда из Севастополя, везде, где обрывался горизонт, мерещилось море. Когда я мог видеть море каждый день и по многу раз, даже и не догадывался, насколько я его люблю и что мне может его так не хватать. Сейчас я стараюсь использовать любую возможность путешествовать к морю. Может, мне потому так близка Женева. Я там был в 2015 году. Красивый город на огромном озере, напоминающем море, а набережная – крымскую Ялту...”

Сергей Заец

Поздним вечером с 20 на 21 февраля 2014 года адвокат Сергей Заец и его коллега Дарья Свиридова летели рейсом Киев – Симферополь. Посадку рейса в Симферополе задержали больше, чем на час. Самолет долго кружил над аэропортом.

В ожидании Сергей осматривался вокруг. Это был огромный самолет – непривычно большой, как для местных авиалиний и этого маршрута. Что необычно – весь самолет был забит группой политиков, депутатов от Партии регионов, выходцев из Крыма, которые впоследствии предали Украину.

Все эти люди поддерживали режим Виктора Януковича. Но почему сейчас они летят в Крым? Сергей с Дарьей еще грустно шутили: им что, в Крыму гарантируют безопасность? Видимо, да...

Кроме депутатов, на борт самолета поднялось много женщин с детьми. Дорого одетых, ухоженных, в украшениях. Соратники Януковича отправляли своих детей и жен подальше из Киева.

«Думаю, нам разрешили сесть только из-за депутатов. Как потом оказалось, это был последний рейс на Симферополь из Киева, дальше перекрыли воздушное сообщение», – говорит Сергей.

Он с Дашей еще раз в аэропорту столкнулся с депутатами – регионалы скучились, нервничали, что-то бурно обсуждали. Глядя на них, охватывали противоречивые эмоции. С одной стороны, состояние тревоги от понимания: что-то происходит. С другой – надежда, что Евромайдан победил, что Украину ждут перемены к лучшему...

А летели они со Второй региональной конференции по предоставлению бесплатной правовой помощи, которая проходила в Великом Новгороде. Среди участников – адвокаты и правозащитники из Украины, России, Молдовы, Грузии, Азербайджана, Беларуси.

Тогда было много разговоров о защите прав человека. Сергей Заец вспоминает: *«В сентябре 2012 года я принимал участие в подобной конференции в Москве. Украина на фоне других стран, таких как Азербайджан, Беларусь, Молдова, казалась очень демократичной. Впереди нас была разве что Молдова. К сентябрю 2013 года ситуация поменялась – Украина опередила всех. И вот с катастрофической скоростью начинают разворачиваться события на Майдане...».*

16 января 2014 года принимаются «драконовские законы», потом – массовые расстрелы людей, бои на Грушевского и Институтской⁷⁴... Это напоминало Сергею события в других авторитарных странах СНГ: в Беларуси привлекли к уголовной ответственности правозащитника Алеся Беляцкого⁷⁵, в Азербайджане – Интигама Алиева⁷⁶ и других право-

⁷⁴ Улицы в центре Киева, где проходили столкновения между протестующими и силовиками во время Евромайдана.

⁷⁵ Алесь Беляцкий – белорусский правозащитник, председатель правозащитного центра «Вясна», бывший политзаключенный, «узник совести». За активную общественную и правозащитную деятельность привлекался к судебной ответственности свыше 20 раз. 24 ноября 2011 года он был признан Первомайским районным судом Минска виновным в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере и был приговорен к четырем с половиной годам тюремного заключения и конфискации собственности. Освобожден досрочно 21 июня 2014 года, проведя 1052 дня в тюрьме.

⁷⁶ Интигам Алиев – азербайджанский юрист, адвокат, общественный деятель, глава «Общества правового просвещения». Подал более 200 жалоб в Европейский суд по правам человека в связи с фальсификацией результатов выборов, ограничением свободы слова и нарушением права на справедливое судебное разбирательство в Азербайджане. В апреле 2015 года приговорен к 7,5 годам лишения свободы. 28 марта 2016 года реальный срок заменили на условный.

защитников. А в Москве преследовали участников митинга на Болотной площади⁷⁷, после которой уже любые проявления свободы в России стали строго пресекаться.

«В 2013 году все это развернулось у нас, в Украине. Трудно было поверить...», – говорит адвокат.

Позже, в июне 2014 года, Сергей Заец участвует в рабочей встрече по правозащитной тематике с представителями тех же стран в Вильнюсе. Но к тому моменту общаться с участниками из РФ становится очень сложно: они явно сторонились украинцев. Кто искренне поддерживал, так это белорусы – будто вновь проживали события своего «майдана», который для многих закончился печально. И видя, что у Украины есть шанс, – искренне болели за нее.

А Крым трясло. Сергей Заец, эксперт в международном законодательстве, очень хорошо понимал, что такое оккупация. Адвокат не раздумывал – собирал чемоданы и с тяжелым сердцем готовился покидать полуостров.

«Прямых угроз мне не поступало, но это был лишь вопрос времени. Всех с проукраинской позицией выдавливали... Я не дожидаясь, когда за меня возьмутся. Не могу объяснить, но это витало в воздухе. Например, в мой адрес в Facebook прислали «простое» пожелание мне и таким, как я, быстрее уезжать из Крыма. А на закрытых севастопольских форумах всерьез обсуждались идеи насилия в отношении людей с проукраинской позицией», – рассказывает Сергей.

К слову, в день так называемого «референдума» Сергея Зайца не было в Севастополе. Он с женой находился в Страсбурге, столице Эльзаса – территории, аннексия которой в 1940 году стала ключевой вехой на

⁷⁷ 6 мая 2012 года на Болотной площади в Москве прошла акция, называемая «Народный марш» или «Марш миллионов», для выражения протеста против инаугурации Владимира Путина. Было задержано около 400 демонстрантов, в отношении более чем 30 человек возбудили уголовные дела. Дело известно как крупнейшее уголовное дело против участников протестного движения в России 2011—2013 годов. Оно много раз критиковалось за различные судебные и правовые нарушения законов РФ. Европейский суд по правам человека неоднократно присуждал ряду обвиняемых и осужденных компенсации за нарушения их прав в ходе следствия и судебных разбирательств.

начальном этапе Второй мировой войны⁷⁸. Там же они узнали о «присоединении» Крыма к РФ.

Семья адвоката принимает принципиальное решение уезжать из Крыма. Пока дети заканчивали учебный год, Сергей еще оставался в Севастополе – завершал свои дела и слушал Крым. То было такое сумбурное многоголосье: крики, пьяная радость, глубокое отчаянье, глухая боль, тяжелый стон. Сквозь эти колющие звуки пробивались смелые голоса, поющие гимн Украины. Но в какой-то момент Сергей Заец услышал... тишину. Громкую, нависающую тишину.

«Крым замолчал. Если весной-летом было волнение среди крымчан, то в сентябре все разговоры резко прекратились», – на этих словах притих и мой собеседник.

⁷⁸ После франко-прусской войны 1870–1871 годов значительная часть Лотарингии и почти весь Эльзас были переданы Германии. По условиям Версальского мирного договора, Франция в 1918 году вернула себе эти земли. После оккупации Франции в 1940 году, Эльзас и Лотарингия снова перешли под контроль Германии. В 1944 году они были заняты союзными войсками, и после войны официально возвращены Франции.

В октябре 2014 года он в последний раз посетил Крым.

Сергей немногословен. Даже – отстранен. Ему не хочется вспоминать события пятилетней давности, словно его просят надеть пиджак на два размера меньше – тесный, неудобный, неуютный. И это ему – так остро чувствующему свободу.

Для меня же адвокат Сергей Заец – тот, кто заставляет работать систему правосудия. Он методично, настойчиво, аккуратно использует все механизмы защиты человека в суде. А когда этого становится недостаточно, обращается в Европейский суд по правам человека. Многие его дела – о Крыме.

С Сергеем я познакомилась в январе 2015 года. Тогда он вместе с юристами Украинского Хельсинского союза по правам человека подали иск в суд против Национального банка Украины. Создали большую пресс-конференцию, где заявили, что Нацбанк своим постановлением дискриминировал крымчан – граждан Украины, когда признал их нерезидентами.

После пресс-конференции мы зашли в ближайшее кафе, где с коллегами продолжили обсуждать дело. Я наблюдала за Сергеем в споре: несомненно, он был подавлен ситуацией на полуострове и неосторожными шагами украинских властей. Однако был таким решительным, деятельным, увлеченным – он искал правовые решения, как все изменить, как лично он может помочь.

Так, одна из первых жалоб, которую Сергей Заец отправил в Европейский суд по правам человека вместе с коллегами Дарьей Свиридовой и Анастасией Мартыновской, касалась дискриминации переселенцев и лишения их возможности участвовать в местных выборах. Решение суда по этому делу для истцов является принципиальным.

«Для многих крымчан, которые выехали на материковую Украину, крымская регистрация – это единственная возможность сохранять хотя бы символическую связь с Крымом и возвращаться домой», – объясняет адвокат. Вот почему им важно сохранить «тот» штамп в паспорте, из-за которого многие крымчане на материке теперь подвергаются унижению.

«Мы так часто любим говорить про инклюзивность... А ведь включенность крымчан в избирательный процесс – это же инклюзивное решение. Ведь переселенец, у которого не было возможности пойти на выборы, не просто не проголосовал: он никак не повлиял на ситуацию в городе или селе, где сейчас проживает. И через четыре-пять лет снова ни на что не повлияет. А значит, кандидаты

не рассматривают его как электорат, как группу избирателей, интересы которой нужно учитывать. Переселенцы выпадают из поля зрения, их потребности, интересы не на повестке дня ни в местных советах, ни на центральном уровне. Их просто не существует», – говорит адвокат.

Его личная боль, что Украина по прошествии пяти лет войны до сих пор не имеет четкой политики и системной стратегии по Крыму. Как результат – нормативно-правовые акты, которые касаются оккупированных территорий, часто не учитывают реальные обстоятельства, нередко и ухудшают ситуацию. Как случилось с постановлением Национального банка, объявившего всех крымчан «нерезидентами» Украины. По этому делу Сергей Заец также подал жалобу в Европейский суд по правам человека.

«Бытует мнение, что дело в ЕСПЧ долго продвигается. Поверьте, не дольше, чем в национальных судах», – говорит Сергей Заец. И объясняет, что в украинских судах скорее ощущение видимости, что что-то происходит: назначение судебных заседаний, их переносы, подача жалоб и т.п. А в Европейском суде после подачи жалобы может на долгое время наступить тишина, затем стороны обмениваются письменными комментариями, а еще через некоторое время суд выносит решение. Но в целом дело в ЕСПЧ может рассматриваться даже быстрее, чем в национальных судах.

Поэтому адвокат терпеливо убеждает крымчан, которые устали от бесконечных судебных заседаний и не видят результата, все же идти до конца. Ведь большую часть они уже прошли – что им терять? А выводы Европейского суда по правам человека могут подтолкнуть власти пересматривать свои решения или быть сдерживающим фактором. Это касается, в первую очередь, России, хотя в некоторых случаях необходимо подталкивать и Украину. К сожалению, наши чиновники тоже не оставляют без работы, сокращается адвокат.

Также на протяжении пяти лет Сергей активно участвует в образовательных программах по правам человека.

«Я убежден, что в первую очередь нужно задать мощный импульс о ценностях. Да, многие могут с ходу назвать, что права человека универсальные, всеобщие, неотъемлемые... Но это декоративные

Пресс-конференция по поводу дискриминации Нацбанком крымчан как нерезидентов.
Роман Мартыновский, Дарья Свиридова, Сергей Заец. Киев, сентябрь 2015 года

Сергей Заец, Мустафа Джемилев, Нильс Муйжниекс, Ольга Скрипник
и Георгий Логвинский во время side-event по теме Крыма в Совете Европы.
Страсбург, март 2017 года

слова, которые нуждаются в очень практических объяснениях. Наверное, у наших участников только к середине курса приходит ясное понимание, что нарушения прав человека – это взаимодействие человека с государством, и далеко не все преступления могут рассматриваться в этой плоскости», – рассказывает Сергей.

Его личная цель – подсказать адвокатам, как отстаивать права человека, исчерпывая все механизмы защиты на национальном уровне. И как результат – заставить эти механизмы работать не из-под палки Страсбурга.

А еще – научить украинских судей правильно читать решения Европейского суда по правам человека. По его словам, обучение судей практике ЕСПЧ очень часто состоит в надиктовывании им своего рода «цитатника Мао Цзэдуна». Иными словами – *«если такая-то ситуация, то вы берете для своего решения такую-то фразу из такого-то решения»*. И это тот способ, которым в большинстве случаев руководствуются национальные суды.

Однако при использовании цитат, часто совершенно неуместном, которые кочуют из решения в решение, искажается смысл сказанного Европейским судом. И это тогда, когда важно, чтобы судьи понимали, почему Европейский суд разрешил то или иное дело определенным образом, и могли сами действовать в соответствии с духом и принципами Конвенции по правам человека, а не цитатами, вырванными из контекста.

«Мы смеемся, что многие юристы и адвокаты идут к нам, чтобы научиться писать жалобы в ЕСПЧ. А мы их учим, что нужно работать на национальном уровне, – говорит Сергей Заец. – На самом деле, почти каждое дело перед подачей жалобы в Европейский суд требует очень большой и основательной работы «в поле». Наши знания совсем не облегчают жизнь тем, кто на них претендует. Наоборот, работать приходится больше и тщательнее».

Работа Сергея Зайца непублична, и под многими изменениями в стране не стоит его фамилия. Из-за того, что он добивается многого, хочется назвать его серым кардиналом. Но это было бы неправдой. В нем нет подлости и интриг. Напротив – Сергей, несмотря на свою хроническую усталость, излучает столько доброты, что ее хватит не на один Крым.

“

Количество работы, которое навалилось после переезда в Киев, очень быстро отучило меня от перфекционизма. Поскольку совершенство не имеет предела, постепенно пришлось научиться применять принцип «лучше один раз вовремя, чем два раза правильно». Конечно же, важно понимать, какие из дел требуют тщательности, а где слишком большая старательность приводит к нерациональному расходованию ресурсов.

В большинстве дел я руководствуюсь принципом Рикки-Тикки-Тави: не разжимать зубы, пока гадюка не издохнет. Это помогает доводить многие дела до логического завершения, как правило – победного, и не терять оптимизма. Европейский суд для меня в этом смысле – свет в конце туннеля. Я видел, как ломались многие довольно успешные адвокаты, упершись в потолок. Они просто не знали, что делать, когда использовали все возможные способы борьбы внутри страны. А я знаю!”

Сценаристка

Дарья Свиридова

Ялта

ДОСЬЕ

Дарья Свиридова

ДО. Частная юридическая практика.

Участница Центра гражданского просвещения «Альменда», сотрудничество с Украинским Хельсинским союзом по правам человека.

ПОСЛЕ. Юрист и координатор образовательных программ для юристов Украинского Хельсинского союза по правам человека.

Покинула Крым в апреле 2014 года.

МЕЧТАЕТ выспаться под шум прибоя в украинской Ялте.

“

К сожалению, сегодня наблюдается некоторая инфляция, обесценивание прав человека. Порой из каждого угла кричат о них, но мало кто понимает, в чем их ценность... Для украинского юридического сообщества предстоит очень много работы, чтобы ценности прав человека стали источником вдохновения и деятельности”

Дарья Свиридова

...Красная дорожка, папарацци, атласное платье в пол и блеск в глазах... Нет, это не про Дарью Свиридову. А если быть точнее – она, безусловно, украсила бы церемонию вручения Оскара и достойна самых высоких похвал. Однако для этой решительной девушки сейчас важнее находить пути защиты прав человека и возвращения родного Крыма. Без него она не мыслит себя, по прошествии вот уже пяти лет Дарья все так же живет в двух параллельных мирах: в Ялте и в Киеве.

«Когда ты едешь из Симферополя в Ялту, и по дороге показывается Алушта, а вскоре и Партенит, Гурзуф, меня накрывает такое щемящее чувство – я уже дома. Я реально знаю каждый поворот, знаю, где горы, где скалы, где взору открывается в этот момент море...

Я никогда не понимала людей, которые говорили: «Вот, вы живете и не цените свой Крым!». Я не знаю людей, которые бы жили в Крыму и не любили его. Я побывала во всех его уголках. И повторила бы эти маршруты снова», – вспоминает моя собеседница.

Даша крайне скупа на слова, когда ей приходится говорить о себе. Она трепетно относится к личному пространству – словно ей причиняет физическую боль каждое пустое слово или неуважительный взгляд. Можно только попытаться представить, что она испытывала, когда грустно ворвались в ее дом, по живому рвали связь с близкими, а потом грубо вытолкали в неизвестность.

«Спала ли я тот месяц, честно говоря, не помню. Смотрела на себя в зеркало – выглядела ужасно... Тот месяц оккупации для меня стал одним сплошным кошмарным днем. Иногда была такая работа, что могла не спать двое-трое суток. И оттого, что долго не спишь, появляется «состояние аквариума»: когда ты наблюдаешь за происходящим будто через стекло, отстраненно, будто тебя все это не касается», – осторожно впускает в свой мир Даша.

...Ее офис находился возле набережной, недалеко от санатория «Ялта». До того дня Свиридова и не задумывалась, что этот санаторий принадлежал Черноморскому флоту Минобороны РФ. Однажды увидела, как туда заезжает несколько военных машин. Выходят военные – и их много. И она понимает, что это чужие, непонятные, как потом их назовут, «зеленные человечки».

Они писали письма в СБУ, к тогдашнему исполняющему обязанности президента Украины Александру Турчинову, в другие органы власти – призывали помочь.

«Сейчас я понимаю, что это смешно. Скорее всего, письма попали в руки если не к тем, кто способствовал оккупации, то уж точно к лояльно настроенным», – говорит Свиридова.

В первый месяц оккупации вместе с коллегами она собирали факты нарушения международного права, помогали военным частям. И с каждым днем удивлялись и радовались, встречая все больше и больше людей, готовых защищать и защищавших украинский Крым.

Очень быстро Дарье Свиридовой начали намекать, что ей угрожает опасность, если не прекратит *«заниматься ерундой»*. От этих слов ее передергивает до сих пор: *«Ощущение, как после ожога – притрагиваешься к чему-то горячему и хочется отдернуть руку»*.

Такие предупреждения поступали не только ей, но и многим, кто проявлял хоть какую-то активность. Немало ее коллег и друзей выехало сразу после «референдума». Вскоре и Свиридова покинула полуостров.

...Лет десять тому назад все было совсем по-другому. Будучи студенткой, Даша работала помощником адвоката, позже – занялась частной юридической практикой. Свиридова улыбается, говорит, что заинтересовалась правами человека исключительно из эгоистических мотивов: *«У меня всегда были представления о каком-то идеальном мире, в котором хочу жить. В моем понимании, правозащитники с большой буквы работают ради ценностей прав человека и ради других. А вот я пошла ради себя. Ради нарисованного мною мира, где каждый может быть собой, где человеческое достоинство, уважение, терпимость к другому человеку – это не просто пышные фразы, а идеи и ценности, которые искренне разделяются большинством. Мне очень комфортно в таком мире. И я понимала, что смогла бы что-то сделать для того, чтобы этот мир из фантазий становился реальностью».*

Молодая юристка посещала семинары по гражданскому активизму, правам человека, окончила Всеукраинскую образовательную программу «Понимаем права человека». Но когда делилась своим восторгом с коллегами по цеху, те снисходительно улыбались.

«Тогда права человека были из разряда маргинального движения. Мало кто воспринимал всерьез. Но я настойчиво говорила о человеческом достоинстве, равенстве...», – вспоминает она.

Свиридова хотела сделать образовательные программы для юристов, где бы просто и доступно рассказывали о правах человека. Именно о ценностях, стандартах, а не о сухом законе.

Дарья была убеждена: основной двигатель прогресса – это образование, которое меняет людей изнутри, а они уже могут менять мир вокруг: *«Образование дает человеку свободу – свободу мысли, свободу в знаниях, которая расширяет границы, убирает «стеклянный потолок», в первую очередь, в собственной голове».*

Ее идеи поддерживал Сергей Буров из общественной организации «Март», координатор программы «Понимаем права человека». Вскоре

вместе с командой Украинского Хельсинского союза по правам человека при поддержке Фонда Домов прав человека они начали проводить международный дистанционный курс обучения адвокатов. Первая программа «Международное право в защиту общественных интересов» (2011–2013 гг.), в которой проходили обучение больше 100 юристов из 5 стран, охватывала 25 адвокатов со всей Украины и имела большой успех.

Дарья уже готовилась окрывать второй курс, когда начался Евро-майдан, а вскоре и оккупация Крыма.

Придя в себя, Свиридова с командой все-таки запустили образовательный курс для адвокатов. В этот раз одним из важных фокусов были выбраны Крым и Донбасс (там вовсю разворачивались военные действия). Обучая стандартам прав человека, международному гуманитар-

ному праву, раскрывая особенности защиты прав человека в условиях вооруженного конфликта, они искали совместно с участниками точки опоры для защиты прав человека

«У нас на курсе учились классные ребята из Донецка и Луганска, приезжали и из оккупированного Крыма. У каждого из них свой опыт, свои планы в профессии, однако всех их объединяет идея прав человека. Возможно, они в какой-то момент становились несчастными маргиналами в своей среде, но они обретали сообщество единомышленников на нашем курсе», – рассказывает Дарья.

С 2017 года стартовал национальный курс «Стандарты прав человека в практике адвокатов и судей». Особенно Свиридову впечатлил неподдельный интерес и высокая мотивация судей – они также хотели работать с международными документами и опираться на ценности прав человека в своих решениях. Не единожды участники курса замечали, что демонизация судей в Украине им самим во многом мешает.

«Недавно выпускник, а теперь и один из экспертов нашего курса, судья Павел Пархоменко по опросу 24 канала при участии Фондации DEJURE был признан лучшим в номинации «Честь года». То есть это судьи, которые позитивно повлияли на судебную практику. И хоть, безусловно, каждый должен с честью делать свою работу, однако важно показывать хорошие примеры: какой по-настоящему должна быть адвокатура, судебная система.

Через наш образовательный курс проходит не так много людей – до сорока участников в год. Но каждый из них – это агент изменений в своих сообществах», – с гордостью рассказывает Свиридова.

Вера в общечеловеческие ценности помогает Дарье, позволяет найти в себе силы бороться. Но когда ее номинировали на Национальную правозащитную премию⁷⁹, она искренне удивилась – это награда по праву принадлежит не только ей.

«Я знаю людей, которые не спят сутками. Возможно, их работа не видна. Если так подумать, юристы – не публичные люди:

⁷⁹ Национальная правозащитная премия основана Платформой «Правозащитная повестка дня» в 2016 году. Вручается за личный вклад в защиту прав человека в Украине.

мы готовим документы, оказываем правовую помощь, сводим аналитику... И большая часть этого труда – за закрытыми дверьми.

Но эта гигантская работа для Крыма, которую делает не так уж много людей, обязательно изменит практику международных судов. Это значит, что мы, возможно, предупредим военные преступления в будущем», – Даша взвешивает каждое слово, прежде чем его озвучить. И так уже много было потеряно ценного времени в пустых разговорах или... молчании.

«Давайте будем честными: Крым – не первый пострадал от агрессии Российской Федерации. Ведь до этого был конфликт в Молдове, Грузии... Каждая из этих стран стала жертвой РФ. И я не могу сказать, что Украина была солидарна с пострадавшими, предпринимала достаточные действия в защиту международного права.

Может... ситуация с Крымом и Донбассом – жесткий урок за наше инфантильное поведение?

Возможно, если бы в какой-то момент страны объединились и содействовали работе механизмов международного права, мы бы уже к 2014 году имели какие-то очень жесткие санкции, решения международных судов по России. И те люди, которые совершали преступления, получили бы достаточный отпор и наказание. Возможно, тот факт, что так и не случилось трибунала по преступлениям Советского Союза, над режимом Путина за развязывание нескольких войн – все это причина того, что конфликты продолжают.

Я уверена, что лица, виновные в нарушениях прав человека, военных преступлениях должны понести ответственность. И это не жажда мести, это неотвратимость наказания.

Если в какой-то момент мы поймем, что правила не работают и преступники не несут наказание, то мир должен честно признать в этом и договариваться, искать эффективные механизмы защиты жертв.

Мы с коллегами ставим много непростых вопросов перед международными судебными инстанциями. И что не менее важно, застав-

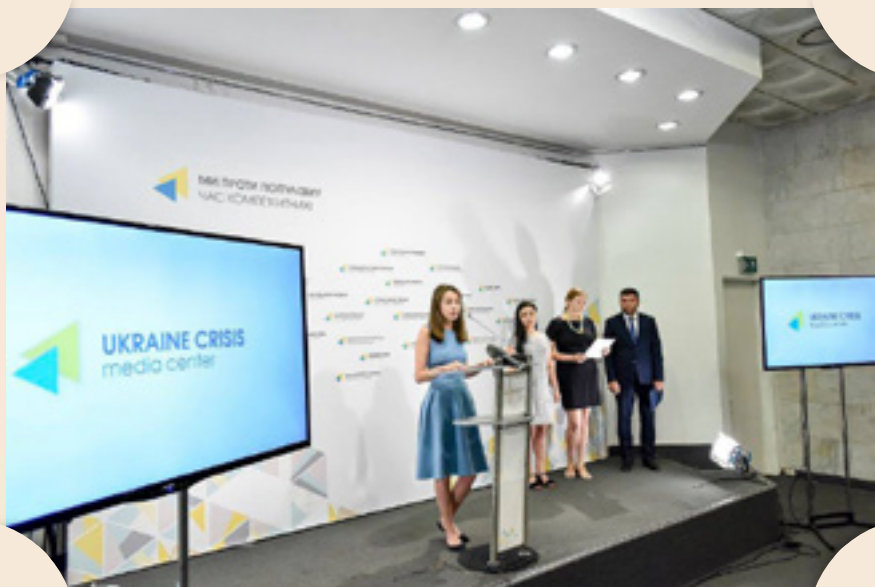
ляем и национальные органы нести ответственность и работать с последствиями конфликта. Наивно полагать, что условная «Гаага» решит за нас все. Конечно, я надеюсь, что Офис Прокурора Международного уголовного суда будет проводить официальное расследование по военным преступлениям в ходе вооруженного конфликта в Украине. Но прежде всего это ответственность именно Украинского государства – документировать факты нарушения прав человека, расследовать их, доводить до судов. И самое главное: думать о том, как жить завтра, преодолевая последствия войны».

В эфире спецпроекта Радио Свобода «Крым. Реалии»

Курс по правам человека для адвокатов, май 2018 года

Пресс-конференция на поддержку Владимира Балуха. Киев, 2017 год

С коллегами перед презентацией доклада «Крымский процесс», 2018 год

На счету Дарьи Свиридовой и ее коллег – десятки заявлений в Европейский суд по правам человека о насильственных исчезновениях, пытках, незаконном лишении свободы крымчан после оккупации, а также вмешательстве в свободу выражения мнений, арестах и штрафах за участие в мирных акциях протеста. За каждым таким делом для нее не просто нарушены статьи Европейской конвенции – это судьбы смелых людей, продолжающих борьбу там, в оккупации.

...Даша говорила, а я вновь видела ее на сцене под софитами, взволнованную и прекрасную, и огромный зал замирает от ее слов. В ней нет фальши. Она требовательна к коллегам, бескомпромиссна к ошибкам своего государства, но, в первую очередь, безжалостна к себе и ни на минуту не позволяет себя жалеть.

Свиридова замечает, что на выборах в Украине снова зазвучат лозунги о российской агрессии, а политики начнут использовать Крым в своей рекламе. Но есть конкретные вопросы, которые можно решать уже сейчас.

Почему Национальный банк Украины до сих пор считает крымчан нерезидентами? Почему переселенцы не могут голосовать на местных выборах? Когда Украина урегулирует вопрос защиты имущественных прав людей при въезде-выезде из Крыма или документирования лиц с оккупированных территорий? Когда будет принят закон о защите лиц, преследуемых по политическим мотивам на оккупированных территориях и в РФ? Когда украинские власти перестанут передавать персональные данные крымчан в Российскую Федерацию, чтобы узнать, не получают ли там пенсии? Почему существует презумпция вины крымчан?

Наверное, если бы Дарья действительно стояла на сцене со статуэткой Оскара за лучший сценарий к фильму о правах человека, она бы сказала: *«Мой идеальный мир, где комфортно всем, – это уже не киносценарий».*

В последнее время я вспоминаю типичную кинокартинку. Пропасть, в которую падает человек, а другой его хватается за руку, пытаясь удержать. Оба человека дороги друг другу. Камера замирает. Драматический момент... И тот, кто держит, думает: «Я не могу его отпустить, я всю жизнь буду страдать, он частица меня... Но не хватает сил его держать – как мне тяжело».

А тот, кто висит над пропастью, думает: «О Боже, да пусть уже отпустит – ему же так трудно! Пусть уж решится эта ситуация и так».

Вот это «кино» мне напоминает Украину с Крымом. Вы определитесь: или «отпустите», иными словами – полная блокада Крыма (хотя для меня это категорически неприемлемо!), или сделайте усилия и вытяните этого человека из пропасти – сделайте шаг навстречу Крыму.

И тут я даже не говорю о восстановлении контроля над территорией: понимаю, что это длительный, сложный геополитический процесс. Сейчас, в первую очередь, говорю о людях, которые там остаются. Государству важно вернуть Крым и крымчан в свою повестку дня не на словах, а на деле. Сказать крымчанам: «Мы с вами, вы – наши граждане, мы не используем вас для своей политической борьбы, когда это нам удобно. Мы реально волнуемся за вас и делаем все возможное...».

Дядя Рома

Роман Мартыновский

Севастополь

ДОСЬЕ

Роман Мартыновский

ДО. Частная адвокатская практика, общественная деятельность в организации «Региональный центр прав человека», направленная на предоставление бесплатной правовой помощи.

ПОСЛЕ. Адвокат, эксперт Регионального центра прав человека,

деятельность, направленная на защиту внутренне перемещенных лиц и документирование военных преступлений в Крыму.

Покинул Крым в марте 2014 года.

МЕЧТАЕТ о мире без войн и лжи, о мире, в котором права человека будут надежной основой отношений между государством и человеком.

Я объездил, исходил, излазил весь Крым. На машине, мопеде, пешком... Я показывал своим друзьям мой, абсолютно другой Севастополь, другой Крым, непривычный взгляду обычного туриста. В Севастополе есть единственное место, где растут каперсы. Кто знает об этом? А я знаю, потому что сам собирал их со своим крестным. Мой крестный потом их мариновал. Вот такие каперсы!

А вы можете указать место в Севастополе, где упали первые немецкие мины еще до официального начала войны 1941-1945 годов? Будет величайшей удачей, если на улице Севастополя найдете человека, который приведет вас на это место. Немцы начали сбрасывать мины на город еще до 4-х часов утра 22 июня. Сбрасывали в севастопольскую бухту, чтобы закрыть выход боевых кораблей. Две из них упали на сушу, одна – на жилой дом в центре города – погиб 21 человек. Первые жертвы страшной и жестокой войны... Когда узнал об этом, первое желание было – отыскать то место и принести цветы...»

Роман Мартыновский

«Что у вас?» – спрашивал Романа Мартыновского украинский пограничник на административной границе с Крымом, когда тот подъехал к линии контроля.

Крымчанин чувствовал облегчение, что его не задержали с вещами с «той» стороны. Открывая багажник, стал показывать вещи.

- «А это что у вас?», – взгляд пограничника упал на маленький диван.
- «Диванчик», – слегка озадаченно ответил Мартыновский.
- «А вы знаете, что не положено?».

Роман снисходительно улыбнулся. Опять? Ему – юристу с многолетним опытом, человеку, который пытается расшевелить украинское государство на принятие адекватных с точки зрения защиты прав

человека решений, адвокату, который заставляет национальные суды работать, – приходится снова сталкиваться с дискриминационными постановлениями в отношении крымских переселенцев. И каждый раз заново доказывать их абсурдность. Как объяснить этому стражу границы, что ему нужно обустроить правозащитный офис в Киеве и делать это на собственные средства. Что диван – не стратегическое сырье, что от этого не страдает обороноспособность или экономическая мощь Украины.

В апелляционном суде уже находилось дело по печально известному постановлению Кабинета Министров Украины № 1035⁸⁰, устанавливавшего перечень предметов, которые можно вывозить из Крыма. Но диван пока был под запретом. Как и многое другое, дорогое сердцу крымчан, покидавших полуостров.

⁸⁰ После оккупации Крыма Верховная Рада Украины приняла Закон «О создании свободной экономической зоны «Крым» и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины», который вступил в силу 27 сентября 2014. Закон наделил Кабинет Министров Украины полномочиями временно ограничивать поставки отдельных товаров (работ, услуг). Реализуя эти полномочия, правительство приняло постановление № 1035, существенно ограничив перечень личного имущества, которое крымчане имели право перевезти с собой из оккупированного полуострова. Не разрешалось перевозить личные вещи из временно оккупированной территории, за исключением 23 пунктов, предусмотренных статьей 370 Таможенного кодекса Украины.

«Как же объяснить этому пограничнику, почему я вывожу диван из своего севастопольского офиса в Киев? Что он не стоит больших денег, но мне дорог. И вот тот стульчик, на котором вы сидите, – он тоже из Севастополя», – указывая на обычную мебель, с трепетом в голосе говорил Роман Мартыновский.

Он вывез практически весь офис. Жена даже сердилась – зачем забирать рабочую мебель, если есть еще вещи из квартиры. Однако в Киев Роман вез все, что нужно для работы, а его жена – для семейной жизни.

«Я всегда считал себя консервативным человеком, которому тяжело что-то изменить в жизни. Был очень сильно привязан к вещам. Я любил одну и ту же книгу перечитывать по 5-6 раз. Вот и часть своей библиотеки я тоже вывез из Крыма... Я не выбросил ни одного адвокатского досье, начиная с марта 1993 года. Мне казалось, я сильно привязан к своему дому в Орловке на берегу моря, к своей квартире, к родным местам», – делится Мартыновский.

Минуту помолчав, он продолжил: *«Может, оно и хорошо, что мне пришлось все так резко поменять. Я узнал, что могу обходиться без многих вещей. Особенно после того, как затопило наш первый офис в Киеве, и все мои фотографии, весь мой архив, который с огромным трудом я вывез из Севастополя, плавал во время этого потопа... Фактически все пришло в негодность. Я понял, что это последнее, что связывало меня с прошлым. Конечно, я берегу в памяти воспоминания из севастопольской жизни, но стараюсь на этом не заикливаться».*

Но вот как объяснить пограничнику, что он – вынужденный переселенец, что покидает все, что ему родное. И те вещи, которые поместились в небольшом багажнике, по сути, это и есть весь Крым, который может взять с собой в новую жизнь?

К нему подошел начальник и, ссылаясь на пресловутое постановление № 1035, сказал примирительно: *«Я смотрю, у вас там курток много. Вы сейчас вернетесь к своей машине, накроете этот диванчик куртками, чтобы не было видно. Я еще раз подойду к вашей машине, осматрю ее, и вы поедете дальше».*

«Вот кому эти ограничения нужны?» – спрашивает Мартыновский. Его деятельность в Региональном центре прав человека как раз и нацелена на то, чтобы убирать ненужные барьеры между украинцами по обе

стороны административной границы Крыма. Независимо от того, кто их строит.

Правозащитник говорит, что украинские власти очень непоследовательны и делают многое из того, что направлено не на поддержание связи с оставшимися в оккупации, а на создание дополнительных и неоправданных препятствий.

«Закрывая транспортное сообщение, Украина разрывает отношения между людьми. Ошибочно и неоправданно не пускать машины с крымскими номерами. Ничего страшного не произойдет, если на оккупационном номере люди, в том числе наши коллеги, приедут в Киев, решат свои вопросы и вернутся в Симферополь. Но у них будет упрощена коммуникация с Украиной. А таких людей, готовых выезжать, даже просто в субботу за покупками в Херсонскую область, очень много. Но ввиду запрета въезда гражданам Украины на автомобилях с крымскими оккупационными номерами пересечение админграницы стало невозможным», – замечает адвокат и продолжает:

«Там нет украинских каналов связи, информация об Украине поступает только через интернет, и то многие веб-порталы и новостные сайты блокируются. Соответственно, люди замыкаются на том, что происходит лишь там, у них. Это очень вредит украинцам в Крыму. Моя мама осталась на полуострове, потому что там могила отца. К счастью, она часто приезжает ко мне в гости. Но если мама задерживается в Крыму дольше, чем на полгода, то я замечаю, что она становится другим человеком. Способность адекватно оценивать действительность возвращается к ней спустя неделю пребывания на материковой Украине. А теперь представьте себе всех тех людей, которые за время оккупации ни разу оттуда не выезжали?»

Разрывает связи также неопределенность и запугивание людей. Вот человек работал в пожарной части. Пришла Россия, он так и остался работать пожарным. Так кто он? Предатель? За что его судить? За то, что он продолжает тушить пожары? А он уже не едет сюда, боится, что его как предателя задержат.

Предоставьте нашим людям здесь то, чего не могут дать там оккупационные власти, – и вы увидите, насколько позитивной будет динамика изменения отношения к Украине. Согласитесь, когда ввели

безвиз⁸¹, это активизировало крымчан, заставило их вспомнить о своем украинском гражданстве и поехать на материк за биометрическим паспортом. Как бы хорошо ты не относился к России, но безвиз – это очень приятная вещь, которая напоминает, что Крым – это Украина. И в то же время неосторожное заявление нашего Президента о том, что мы еще посмотрим, кому из крымчан давать биометрический паспорт, сразу же негативно повлияло на настроение наших соотечественников. Поток людей, которые ехали за украинскими паспортами, уменьшился. Многие из не поехавших в очередной раз задались вопросом: мы что, другой сорт, нам не положено?».

Роман Мартыновский покинул Крым 30 марта 2014 года. Будучи в оппозиции к режиму Виктора Януковича и отстаивая ценности прав человека в Севастополе, он уже в первых числах марта понял, что долго не задержится на полуострове.

⁸¹ Безвизовый режим между Украиной и Европейским союзом. 11 июня 2017 года граждане Украины с биометрическими паспортами получили право на безвизовые поездки в страны Шенгенской зоны.

Для многих его коллег, друзей в Севастополе его решение было неожиданным. Ведь, казалось, у Мартыновского есть все основания для обиды: в 2013 году Высшая квалификационная дисциплинарная комиссия адвокатуры (ВКДКА) приостановила на 6 месяцев его статус адвоката из-за критики. Адвокат считал, что нынешнее руководство Национальной ассоциации адвокатов Украины (НААУ) было избрано с нарушением законодательства об адвокатуре. А значит – оно нелегитимно.

«Будучи членом комиссии от Севастополя, я сразу пришелся «не ко двору» новому руководству НААУ и ВКДКА – людям из бизнеса и из власти, которые пришли в адвокатуру и навсегда остались бизнес-менами, чиновниками, так и не став адвокатами», – комментирует Мартыновский причины, по которым его пытались устранить из адвокатуры.

Более чем на полгода Роман Мартыновский лишился статуса адвоката, а также источника дохода и клиентов, а вскоре та же НААУ ввела пятилетний запрет на занятие каких-либо должностей в органах адвокатского самоуправления для лиц, которые подвергались дисциплинарным взысканиям.

И сейчас, спустя почти шесть лет, судебные органы так и не смогли поставить точку в этом споре адвоката за свое право говорить правду.

Чтобы как-то отвлечься от нахлынувших проблем, Мартыновский подал заявку в Совет Европы на участие в адвокатском курсе, ориентированном на антидискриминационные стандарты. Обучение проходило в Киеве. Уже начался Евромайдан, так что после лекций он вместе с коллегами выходил поддерживать активистов.

«Поскольку у меня был имидж человека, который недоволен режимом Януковича, по возвращении домой в Севастополь меня все спрашивали: «Что там на Майдане? Как там ваши?». Спрашивали кто с издевкой, кто – искренне. А я шел на Майдан, потому что была надежда, что это шанс изменить жизнь к лучшему. Верилось, что мы можем, мы должны изменить», – говорит Мартыновский.

Роман был искренне рад, что вся семья поддержала его в намерении покинуть Севастополь и переехать в столицу. Но как сложно было в первое время! С одной стороны, в Киеве все говорили: как

здорово, что решился, нашел силы бросить все и начать сначала. С другой – ни жилья, ни работы... Ничего, кроме близких, друзей и надежды на то, что все получится. Сегодня он с благодарностью вспоминает друзей, которые совершенно бескорыстно предложили ему свою квартиру в центре города для проживания, а затем помогли и с арендой офиса.

Еще в июле 2013 года Мартыновский с коллегами-единомышленниками зарегистрировали общественную организацию, поставив себе целью помогать людям, не имеющим материальной возможности на оплату правовой помощи. С началом оккупации тем же составом, почти все вместе, они перебрались на материк, где к ним чуть позже присоединился Сергей Заец, тоже севастополец.

«Мы все думаем одинаково, через призму одного и того же крымского опыта воспринимаем события, которые там происходят», – говорит Роман о коллегах.

Эксперты Регионального центра прав человека решили помогать таким же людям, как они сами – переселенцам. В первую очередь их интересовали вопросы, связанные со свободой передвижения. Уже в первые месяцы оккупации было понятно, что украинские власти многие вещи делают необдуманно, разрывая связи с полуостровом и его населением. Также в поле зрения адвокатов постоянно находились вопросы дискриминации внутренне перемещенных лиц. И если не удавалось найти путей решения проблемы в Украине, они искали защиты в Европейском суде по правам человека.

Одно из таких дел для Мартыновского особо памятно – как одинаковый спор двух истцов из одной семьи переселенцев украинские суды решили по-разному. Муж и жена уволились из одного крымского предприятия, где получали неплохую зарплату. По закону они могли рассчитывать на ежемесячную помощь по безработице около пяти тысяч гривен. Посчитав, что доход семьи в размере 10 тысяч гривен на четверых (двое детей) поможет первое время обустроиться в Херсоне, найти работу, решили переехать на материк.

Однако в Центре занятости, куда они обратились, им заявили, что они не могут рассчитывать на немедленное получение помощи, поскольку в их трудовых книжках указано, что уволились они с работы по собственному

желанию. Максимум, что им предлагали – поставить на учет, но выплату денег начать только через 90 дней. Пара обратилась в Региональный центр прав человека за помощью.

«Вот что нужно было написать новой, оккупационной администрации предприятия в их трудовую книжку – уволены по собственному желанию в связи с оккупацией Крыма? А то, что за слово «оккупация» в Крыму в то время на них могли бы завести уголовное дело, представителям госслужбы невдомек», – комментирует Мартыновский.

Дальше – больше. Оказалась, что пара будет получать самую минимальную выплату, около 900 грн. И причина в том, что те не могут подтвердить, уплачивало ли предприятие обязательные социальные взносы на протяжении последних месяцев, или нет.

«А как они могли платить? Во-первых, их уже «накрыла» Россия, во-вторых, сама же Украина закрыла все казначейские счета в Крыму еще в конце февраля. Мы пытались убедить украинские власти, что постановление Кабмина, которое регулирует эти вопросы, обязательно должно делать исключения для людей, оказавшихся не по своей воле на неподконтрольной территории. Они же ни в чем не виноваты... Как вариант, можно было взять за основу расчета последние 6 месяцев, в течение которых предприятие оплачивало взносы, и высчитать таким образом среднюю зарплату. Но не оставлять же людей один на один с проблемами, в которых нет их вины!», – возмущается мой собеседник.

Мы помогли обратиться в суд. Муж проиграл дело. Пошли дальше – в апелляцию и Высший административный суд. Чуть позже с аналогичным заявлением обратилась в суд жена и в итоге выиграла дело в суде первой инстанции. Вот только Высший административный суд решение по мужу так и оставил без изменений. Тогда муж обратился в Европейский суд по правам человека, однако тот не признал его жалобу приемлемой.

«Европейский суд по правам человека – не панацея для Украины. Это нужно понимать. Я глубоко убежден, Конвенция должна работать прежде всего здесь, в Украине, в национальных судах. Обращение в Европейский суд – исключение из правил. А у нас получается

За работой. Киев, октябрь 2014 года

Роман Мартыновский с коллегами Александром Павличенко
и Лианой Мороз. Киев, май 2018 года

все наоборот: защитили права в Европейском суде, радуемся! Да что там говорить, некоторые коллеги изначально настроены на ошибку национальных судов, чтобы затем доказать свой «профессионализм» в страсбургском суде...», – иронизирует адвокат.

...Мы общались больше часа. Мартыновский говорил рвано, но с такой любовью обо всем – о родном городе, коллегах, внуках, даже о незнакомых людях, которые к нему обращаются едва ли не ежедневно. Он излучал такую энергию спокойствия и домашнего уюта, будто беседуем не о крымской трагедии, а сидим каким-нибудь теплым августовским вечером на даче, едим маринованные каперсы по рецепту крестного и улыбаемся байкам дяди Ромы.

«Я же, когда переехал в Киев, не найдя тут работы, отправился в Болгарию. «На заработки». Мой знакомый налаживал свой бизнес – открывал детский лагерь, и нужен был юрист. Я согласился. Мне нравилось. Хотя потом чем я только не занимался: носил мебель, возил продукты, сопровождал детей, да что уж там – воспитывал детей, – улыбнулся хитро «дядя Рома». – В конечном итоге, я и баром занимался, готовил кофе на барной стойке. Потом восстанавливали и приводили в порядок ресторан...».

Я не могла наслушаться его историй. Роман Мартыновский умело маскировал грусть по Крыму, иногда отшучивался по утерянному. Но всегда становился серьезным, когда речь заходила о наказании за военные преступления в Крыму:

«Первое ощущение: все, что произошло с Крымом, – это грубейшее нарушение норм международного гуманитарного права. С этим невозможно смириться, невозможно понять, как можно столь открыто, нагло и дерзко совершить преступление на глазах у всего человечества. И что? Это окажется безнаказанным?»

Уже в Киеве я попробовал собрать всех, кому не безразлична судьба Крыма, в некий координационный центр. Смысл был в том, чтобы распределить сферы деятельности: кто предоставляет сервисные услуги переселенцам, кто мониторит ситуацию в Крыму, кто оказывает правовую помощь, кто занимается сбором доказательств о военных преступлениях, кто помогает совершенствовать законодательство. Однако в какой-то момент я понял, что договориться

будет сложно. Возможно, эта идея все же получит развитие в ближайшем будущем.

Но на данный момент деятельность многих общественных организаций и благотворительных фондов пересекается, нередко дублируется. Отсюда – неэффективное использование и без того скудных ресурсов: на что-то их не хватает, а где-то переизбыток.

Но я не могу так все оставить, даже не попытавшись бороться. Мое образование в военном институте в Москве в 80-х годах (хотели из меня сделать преданного имперской идеологии – не получилось, обостренное чувство справедливости взяло верх), адвокатский опыт, почти 15 лет работы в сфере защиты прав человека в Европейском суде, образовательный курс Совета Европы по противодействию дискриминации – все это дает силы добиваться справедливости».

Я часто вспоминаю свою бабушку Аню: очень ее любил. В мае 1941 года она была выслана в Омскую область, а ее сестры под Воркуту – в Коми, в разные лагеря. Бабушкиных родителей выслали в Кемеровскую область. Разбросали, разорвали всю семью...

Бабушка рассказывала страшные вещи о том, как выживала с двумя маленькими детьми, моему отцу тогда был годик. Как она рыла себе землянку в лесу, чтобы жить, потому что в селе им не разрешали. Как она с подругой – на двоих четверо малолетних детей – зимовала в этой землянке. Как были волки холодными зимними ночами... Ее мужа, боровшегося за независимость Украины, убили немцы в 1943-ем, а она не верила и до последнего своего дня прислушивалась к шороху за дверью, надеясь на его возвращение...

Позже, мою бабушку награждали какими-то медалями, почетными грамотами, уважали ее новые односельчане.

После Горбачева, когда уже можно было расспрашивать, я говорил: «Ба, я не могу понять, как ты не ожесточилась? У тебя грамоты, медали. Как ты могла работать на эту власть? Она тебя лишила всего! Вы были зажиточными людьми на Тернопольщине, у вас было все, вы жили большой, дружной семьей...».

А она, хоть и прожила 34 года в Сибири, отвечая мне, часто переходила на украинский язык: «Сину, то були такі часи»⁸²... И так смотрела на меня! Она мне всегда говорила, что ожесточение порождает ответное ожесточение. Им ничего не добьешься – всегда нужно оставаться человеком.

Наверное, когда внуки будут спрашивать меня лет через 20-30, как можно было пережить свалившиеся на нас несчастья со стороны России, выдержать неразумную политику, которую Украина проводила по отношению к своим гражданам из оккупированных территорий, я тоже буду отвечать: «То були такі часи. Зовсім незрозумілі часи». А может быть, я скажу им что-то другое...

Но я точно знаю, что ожесточаться нельзя».

⁸² «Сынок, то были такие времена» (укр).

Паутинка

Ольга Аношкина

Симферополь

ДОСЬЕ

Ольга Аношкина

ДО. Студенческий профсоюз «Студенческое действие», консультантка в Сети правовых приемных Крыма.

ПОСЛЕ. Юрист в Благотворительном фонде «Восток-SOS».

Участствует в анализе законодательства и адвокационной деятельности «Восток-SOS».

Покинула Крым в марте 2014 года.

МЕЧТАЕТ больше учиться. Ольге хотелось бы уметь успешнее анализировать политики, которые воплощает государство.

Недавно я прочитала статью моей подруги о вечеринке Boiler Room в Киеве. Она писала о музыке, которую играл музыкант из Ялты Дима Вульфийус. Это была музыка о Крыме, о синих и бирюзовых глубинах Черного моря, о серых камнях Крымских гор, оплетенных изогнутыми стволами можжевельника, о насыщенно-зеленых кронах крымских сосен...

И о залитых солнцем склонах.

И правда, Крым – самое солнечное место в Украине.

И то, что его теперь не стало, – будто солнце заслонили.

И это не только о природе.

После Крыма изменилось все – Украина погрузилась в войну”.

Ольга Аношкина

«В конце зимы 2013 года мы организовали показ фильма «Pussy Riot»⁸³. Трех участниц группы за видеоролик с танцами в церкви обвинили в хулиганстве и присудили наказание в виде двух лет в колонии общего режима. Нас эта тема очень тронула. И хотя это было российское дело и касалось российского контекста, мы в знак солидарности с девушками-активистками решили провести свою киноакцию. То было совсем незадолго до аннексии.

Во время сеанса ворвались неизвестные люди, на нас напали, бросили дымовые шашки, избili несколько человек... Мы привыкли думать, если на нас нападают, то это украинские ультраправые группы. А тут увидели, что это совсем другие люди», – начала свою историю Оля Аношкина.

...Оля – легкая, воздушная, прозрачная, как паутинка. Кажется, легонько подуешь – и она поднимется к солнцу, держась за невидимый

⁸³ Российская феминистская панк-рок-группа. После политической акции, во время которой был отснят видеоролик «Богородица, Путина прогони!» в храме Христа Спасителя, были арестованы Надежда Толоконникова, Мария Алёхина и позже Екатерина Самуцевич. Все арестованные были обвинены в хулиганстве по мотивам религиозной вражды и приговорены к двум годам лишения свободы в колонии общего режима. Правозащитная организация «Международная амнистия» признала арестованных узниками совести.

зонтик. Но за этой хрупкостью скрывается острая чувствительность к нарушению прав человека. Говорят, из паутины изготавливают самый прочный шелк. Зная Олю, соглашаешься без спора.

До аннексии Крыма девушка работала консультанткой в Сети правовых приемных в Севастополе, а также в правозащитном центре «Действие», где занималась вопросами, связанными с доступом к публичной информации, осуществляла мониторинг работы милиции и доступность судов, в частности для людей с инвалидностью.

Немало времени уделяла культурным проектам в Независимом студенческом профсоюзе «Студенческое действие»⁸⁴, таким как киноклуб

⁸⁴ «Студенческое действие» – независимый студенческий профсоюз Симферополя. Был создан в 2010 году на волне протестов учащихся высших учебных заведений крымской столицы против введения платных услуг в вузах. Профсоюз имел первичные организации и группы активистов во всех крупных вузах Симферополя, а также училищах и школах.

совместно с арт-центром «Карман»⁸⁵, организовывала дискуссии для «Открытой школы». Среди обсуждаемых тем – дискриминация, ксенофобия, расизм, миграция, политически ангажированное искусство.

Все это было так или иначе связано с неформальным образованием для самых разных людей, и это очень интересовало Ольгу. Оказывается, процесс получения знаний может быть практичным! Например, организовывая акцию против гомофобии, можно узнавать о проблеме «от» и «до».

Ничего подобного не происходило в крымских вузах, там, как правило, приходил преподаватель и начитывал лекции. Знания передавались строго по вертикали – ни тебе поспорить, ни тебе усомниться... А в «Открытой школе» можно было делать важные вещи и учиться одновременно.

Да и в целом, в то время в Крыму чувствовалось сильное взаимодействие между разными сообществами. *«Нельзя сказать, что Крым до аннексии интересовал только туристический бизнес. По моим ощущениям, в Симферополе всегда что-то происходило, к нам приезжали активисты из Киева и других городов, и мы к ним часто ездили. Каждый год я участвовала в феминистских маршах 8 марта. Я чувствовала, что мы находимся в правозащитном, активистском комьюнити... И все это было в движении, постоянно развивалось»*, – рассказывает Ольга.

Так что нападение на крымских участников акции в поддержку Pussy Riot российских националистов стало неожиданностью. *«Мы даже не догадывались об их существовании... Раньше их было не слышно и не видно. А тут, когда мы подняли тему, связанную с Россией, с нашей любовью к Путину, с нашей позицией, что то, что происходит в РФ, – это авторитаризм и попытки задушить свободу высказывания, их реакцией стало нападение»*, – говорит Аношкина.

Она вспоминает, что самым важным тогда стало то, что их поддерживали разные крымские активисты и правозащитники. Поэтому Ольга и ее друзья смелее выходили на пресс-конференцию, чтобы рассказать о

⁸⁵ Арт-центр «Карман» – единственный в своём роде в Крыму общественный центр современной культуры, искусства и неформального образования. Арт-центр «Карман» возник 14 сентября 2011 года путём слияния коллективов симферопольских театра-студии «Мы» и театра-школы «Образ». После оккупации Крыма в июле 2014 года начались вызовы и «профилактические беседы» с руководством Арт-центра «Карман». В качестве формального основания для таких вызовов со стороны ФСБ было названо дело заключённого режиссера Олега Сенцова. В связи с риском для личной свободы руководитель Арт-центра «Карман» режиссер Галина Джинаева была вынуждена уехать из Крыма.

Евромайдан в Симферополе, 2013 год

Ольга Аношкина на пресс-конференции, посвященной проблеме дискриминации украинских пенсионеров в оккупации.

Киев, 19 апреля 2018 года

свободе слова не только в России, но и в Украине, в Крыму. А на YouTube в это время крутился ролик с угрозами в их адрес.

...Дальше я спросила Ольгу о событиях 16 марта 2014 года. И Оли – такой тоненькой, как тростинка, – будто стало еще меньше. Вся втянулась, заострилась, погрузнела. Она не знала, с чего начать.

«Все, что происходило, было абсурдом. Даже захват аэропорта выглядел абсурдным... Много журналистов, много военных... Эти военные бежали в каком-то непонятном направлении. Несколько военных в российской форме стояли возле надписи «Столовая»... Но абсурднее всего, что все это было серьезно», – вспоминает Оля.

Абсурд продолжался. Захватывали воинские части, пропадали активисты, украинский Симферополь завешали «триколорами»...

«У меня были какие-то мистические ощущения, что на улице появилось много или безумных, или пьяных людей», – говорит моя собеседница.

Оля планировала переехать в Киев задолго до трагических событий, но позже стало понятно, что она и не может тут оставаться. *«Я оказалась на листовках «Предатель Крыма»... Причем их развесили не в Симферополе, где я жила, не возле моего дома, а в Джанное, где жила моя мама... мои родители. У меня весь район был заклеен этими афишами», – голос Оли дрогнул.*

Аношкина вспоминает, как ее мама увидела парней, клеивших эти листовки. Она к ним подошла и попыталась объяснить, что они неправы. Ей было обидно и больно за дочь, она рассказывала им: *«Оля в школе была отличницей, а сейчас бесплатно оказывает людям правовую помощь... И все, что она старается делать, – это для нашей страны, для Симферополя и для Крыма. Что же вы о ней пишете, что она предательница Крыма?».*

«Мама решила, что им можно что-то объяснить... Мне было очень больно за нее, что мои родители соприкасаются со всем этим. Хотя за себя страха не чувствовала», – говорит Ольга.

После переезда в Киев крымчанка стала работать с адвокатом Евгенией Закревской по делам пленных на Донбассе. Чуть позже возобновила юридические консультации, но уже на «горячей линии» новой общественной организации «Восток-SOS». Тогда же дважды в неделю в

Офисе Уполномоченного по правам человека Оля отвечала на сотни вопросов крымчан и жителей Донбасса.

«Ощущения того, что ты не можешь помочь, почему-то в моем случае всегда были какими-то более яркими, чем когда ты можешь. Люди не приходят с одним четким вопросом. Как правило, это очень отчаянные жизненные ситуации. Например, выплата пенсий на неподконтрольной территории для пожилых людей... Им некому помочь, нет денег, чтобы выехать из Луганска или Донецка, и нет сил. А еще им некуда ехать. Вот эти истории неизбежно запоминаются и врезаются в память», – говорит Ольга.

Может, потому для нее помочь конкретному человеку важнее участия в больших адвокационных инициативах.

Аношкина вспоминает несколько судебных дел, когда были остановлены выплаты пенсий, судебные дела, когда люди не могли уволиться с места работы, которое находилось на неподконтрольной территории. Или помогала решить вопросы, связанные с пропускной системой:

«Иногда человеку, который к нам обращается, «просто» нужно оформить пропуск. Как правило, обращаются пожилые люди, которые сами не могут это сделать, не очень хорошо разбираются в компьютерной системе... И вот ты делаешь такие простые вещи, как составляешь для них письмо в координационную группу, просишь, чтобы были удалены старые данные, вносишь новые – и все, они могут поехать к себе домой. ...Я слышу слова благодарности – и этого достаточно».

...Уехав ранней весной 2014-го из Крыма, Оля больше туда не возвращалась. Не хочет рисковать. Говорит, что, будучи в «списке Поклонской»⁸⁶, где она проходила как свидетельница по одному уголовному делу, а также участие в профсоюзе вместе с Александром Кольченко, для российской системы – сигнал для преследования. И хоть уголовное дело закрыто, невозможно предугадать, есть ли угроза преследования, или нет. Тем более не так давно в дом ее родителей приходили сотрудники полиции, спрашивали о ней.

⁸⁶ Так называемый «список Поклонской» назван по имени тогдашнего «прокурора» Крыма Натальи Поклонской. В список попали имена около 50 правозащитников, активистов, преследуемых за организацию Евромайдана. Среди «подозреваемых» многие уже так или иначе испытали угрозы или были привлечены к ответственности крымской «прокуратурой» – Рефат Чубаров, Ахтем Чийгоз, Заир Смедляев, Андрей Щекун, семья Ковальских, Сергей Мокренюк и другие крымчане.

Как и еще не так давно в Крыму Александр Кольченко участвовал в экологических акциях, отстаивал права рабочих, спорил и мечтал – а ныне 10 лет ограничения свободы в колонии сурового режима

Жизнь Ольги Аношкиной очень тесно переплетена с украинским правозащитным движением – и работа, и друзья, и интересы. И как тогда, когда на нее впервые напали за гражданскую позицию, так и сейчас – для нее критически важно иметь свободу выражения. Свободно и честно говорить о том, кем ты есть, что ты чувствуешь, о своих политических взглядах.

«Меня очень беспокоит, что в нашей стране все больше национализма, что правые движения становятся более сильными, наглыми и уверенными. Часто эти движения блокируют проявление свободы, возможности проговаривать существующие в стране проблемы.

На мой взгляд, эти настроения в обществе отражаются очень сильно и на внутренних переселенцах. У нас до сих пор существует дискурс о том, что люди из Донбасса – не такие люди, как мы, что они хуже, что они должны возвращаться к себе домой... И эти же взгляды очень сильно связаны с государственной политикой. Ведь гораздо проще не платить пенсии на неподконтрольной территории, если значи-

тельная часть страны думает, что это нормально, потому что там живут «сепаратисты».

Донбасс можно огульно назвать сепаратистским. Но когда ты видишь конкретных людей, слышишь их персональные трагедии, то очень сложно все эти несколько миллионов называть одним словом, позволяющим считать их «не-людьми»... Вот и получается, что моя текущая деятельность очень связана с той глобальной идеей свободы выражения, которая мне близка лично. Хочу, чтобы в Украине люди могли свободно, безопасно, спокойно говорить правду о себе».

“

Мне очень не нравится та политика, которую ведет Украина в отношении Крыма. Этот запрет сообщения с Крымом, блокада, много неудобных практик для обычных людей... И это вместо того, чтобы строить мосты, укреплять общение между людьми, которые живут там и здесь, вместо того, чтобы пытаться понимать друг друга, наоборот, нагнетается, что мы разные, что нужно враждовать.

А нам нужно совсем другое. Помню, как на 8 марта 2014 года я участвовала в феминистском марше. Активистки тогда снимали видео «Женщины Майдана – женщинам Крыма». Киевские феминистки просто говорили о том, что они думают о ситуации на полуострове, как они это чувствуют. Они хотели, чтобы из Крыма смотрели их видео и понимали, что они не одни, что люди в Киеве их поддерживают. Они обращались не к политике, не к разногласиям, а просто к тому, что женщины в Киеве знают о Крыме, переживают эту трагедию лично, хотя бы одного и того же – чтобы на них не напали и не использовали в политических интересах. Для меня, крымчанки, это было проявлением искренности”

Эквилибристика

Анна Рассамахина

Севастополь

ДОСЬЕ

Анна Рассамахина

ДО. Юридическая практика в частной компании.

ПОСЛЕ. Юрист Украинского Хельсинского союза по правам человека.

Покинула Крым в мае 2014 года.

Ни о чем не **МЕЧТАЕТ**. Говорит, либо все мечты сбылись, либо в процессе.

“

Однажды ко мне за юридической помощью обратился мужчина. Его вынудили уехать из Крыма – давила ФСБ, «отжали» бизнес, забрали частный дом. С этим домом было связано много воспоминаний. В нем умирала от рака его жена.

Этот человек сказал одну вещь, которая меня поразила.

В доме, на который позарились чужие люди, он разобрал пол на первом этаже и поставил миску с ртутью... Осуждать его? Я понимала, что в Крыму все сложно, но эта история показывает, до какой степени далеко все зашло. Миска с ртутью стоит там до сих пор”

Анна Рассамахина

«Этнически я русская, и все родственники у меня в России. Родилась и выросла в Севастополе. По идее я должна была стать частью «русского мира», – начала свою историю Анна Рассамахина.

В ее красивом звонком голосе читалась легкая ирония. Через эту иронию, словно через фильтр, девушка пропускала токсичный воздух, которым долгое время приходилось дышать. Это помогало не очерстветь. Я смотрела на Анну – она такая гармоничная, спокойная. И это первое, что в ней удивляет. Я настолько свыклась с тем, что воспоминания о Крыме – непременно о боли и потерях, что, слушая ее, не могла долго перестроиться на умиротворенный лад. Конечно же, переживаний у неё хватало. Так что на целых пять лет она закрыла для себя все личные воспоминания, связанные с Крымом. Крымчанке не хотелось ни с кем из журналистов ими делиться.

«Я не интроверт, но личное – это личное, – объясняла она. – А тут вы позвонили, и я вдруг почувствовала, что уже могу рассказать».

...По окончании школы Анна поступила в Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого и уехала в Харьков. Училась старательно, с интересом слушала преподавателей (*«Ведь хорошие были!»*), появилось много друзей и знакомых. Во время учебы она с удовольствием путешествовала по Украине.

«Я хоть узнала, что есть такая страна...», – делает длинную паузу Анна. А потом добавляет: «Почему я так говорю? Потому что для большинства крымчан слово «Украина» – это слепое пятно в понимании, не наполненное ничем индивидуальным, да еще окутано пред-рассудками и предубеждениями. Виновата ли в том наша страна? Отвечу моим любимым выражением после 2014 года. Можно привести лошадь к реке, но не заставить ее пить. В век интернета заталкивать кому-то в рот пережеванную информацию – извините, нет. Это все равно, как кто-то может не знать, что у женщин есть право голоса, а темнокожие уже не спрашивают разрешения, чтобы сесть в трамвае».

Ее голос зазвучал резче. Анна не принимала компромиссов. Она-то знала: чтобы посмотреть на мир шире, нужно не так много. И первый шаг – выкинуть телевизор, где российские новости, телешоу и даже развлекательные передачи – все поставлено на выполнение единой

задачи: возвращать любовь к России, обезличить Украину, чтобы потом было легко возбудить к ней ненависть.

«В этой токсичной среде я жила с рождения...», – замечает севастопольчанка. И я ловлю себя на мысли, что передо мной другая Анна – резкая, непрошибаемая, стальная. Для этого были свои причины.

Когда началась оккупация, Анна Рассамахина работала юристом предприятия, довольно неплохо зарабатывала, планировала будущее.

Но в один из дней на улицах родного города появились БТР. Много военной техники, много чужих, которые вели себя по-хозяйски... До самого 16 марта она не верила, что Крым будет оккупирован. Как юрист Рассамахина хорошо представляла последствия для России военного вторжения.

«Я не питала иллюзий по поводу России. Но мне казалось, что среди руководства РФ должны найтись люди, которые обрисуют чудовищные последствия для страны и смогут честно ответить – надо оно им? Но жизнь показала, что таких людей или нет, или их не услышали...», – говорит Анна.

Она ходила на все митинги в Севастополе как в театр абсурда, каждой клеткой впитывала грязь происходящего: *«Среди всей толпы я стояла одна с каменным лицом. Хотелось все запомнить, на всю жизнь. И как Валерий Чалый, «народный мэр Севастополя», со сцены кричал: «Поздравляю с окончанием оккупации!», и как от этих слов все начинали от радости реветь. Люди, которые еще вчера не знали, какая Украина, дальше Херсона-Николаева не выезжали, вдруг обнаружили ненависть к ней. И это были абсолютно разные люди – мои сотрудники, пенсионеры, мамы с детьми».*

Для Анны стало понятно: теперь Крым в статусе непризнанной территории. Он не будет «вторым» Северным Кипром, где все события происходят под международным надзором и гарантируется безопасность. В Крыму открытое военное вторжение, угроза ядерного удара – и все это в отношении Украины, которой была гарантирована неприкосновенность границ. Это не могло не иметь последствий: украинский полуостров ожидают серьезные санкции, жесткий прессинг, Крым станет токсичной непризнанной территорией. И Евросоюз – пока там полно людей, ждущих российских денег – не самый бескомпромиссный соратник.

«Крым для всего цивилизованного мира, в частности, для всей банковской системы, превращался в территорию вне закона. Я видела, как мир сходит с ума, как сон разума рождает чудовищ. Хотелось бежать. Из инстинкта самосохранения», – делится Анна.

Ей явно было не по пути с «новым порядком». Рассамахина убедила мужа переехать в Киев (тут лучший рынок труда), собрали вещи и покинули полуостров.

В правозащитном движении Анна оказалась случайно. Тогда Украинский Хельсинкский союз по правам человека искал юристов – она отправила резюме. Ее не пугало, что придется заниматься крымским направлением, иронизирует – есть работа и похуже. Хотя, глядя на то, с какой самоотдачей она ведет дела, сложно представить, что ей это не нравится.

С коллегами-юристами Анна Рассамахина разгребает ворох будничных, но таких важных для конкретного человека проблем: признание фактов рождения и смерти, оформление паспортов, решение вопросов наследства, преодоление барьеров в сфере образования. Все то, на что шокированное оккупацией Украинское государство должно было, но не смогло вовремя ответить.

Прогулка солнечными улочками. Из воспоминаний 2016 года

Велодрайв. Из воспоминаний 2016 года

«Мы много выиграли судов. И еще выиграем, – обыденно, без хвастовства говорит Анна. – Но это не о Крыме, а о нашей судебной системе, которая очень быстро выздоравливает. Я не устаю повторять, что наши суды за короткое время, с 2014 года и поныне, проделали колоссальный путь. Просто диву даешься!

Ведь если подумать, у нас нет каких-то отдельных проблем переселенцев или жителей оккупированной территорий. У нас есть наши общие проблемы. Например, наш постсоветский, посттоталитарный, неповоротливый госаппарат, где сидят чиновники со стеклянными глазами и делают так, как им сказали в областном управлении».

Анна с возмущением вспоминает, как украинские чиновники отправляют запросы в Крымский пенсионный фонд, передают стране-агрессору личные данные крымчан, лишь бы уточнить, не получают ли они там пенсию.

«Изумительно: Львов пишет запросы на русском, с ошибками, но на русском!» – сердится правозащитница и рассказывает, как ей пришлось поссориться с представителями киевского районного отделения Пенсионного фонда. Все из-за передачи персональных данных на оккупированный полуостров.

Чиновничий беспредел испытывают острее переселенцы – ведь они вырваны из привычной жизни, потеряли жилье, у многих нет работы, многие не могут открыть банковский счет.

«Приходя, например, в миграционную службу для замены паспорта, эти люди попадают в черную дыру безысходности. Жуткие старые столы, обтёртые обои... И госслужащие, которые получают меньше, чем кассир в Макдональдсе, рассказывают крымчанам всякие дикие вещи, что они предатели, поэтому не могут рассчитывать на качественные услуги. Все это, как раковая опухоль, отравляет организм нашей страны», – говорит Анна.

Она убеждена: для восстановления территориальной целостности Украины и улучшения качества жизни всех граждан, в первую очередь необходимо сформировать госаппарат с человеческим лицом, который будет руководствоваться Конституцией и законами.

«Через это прошли многие страны, и Украина пройдет. Но нужны усилия, нужны разные люди и готовность хоть что-то делать в своем мире. И тогда новая ткань, «человеческая», постепенно оздоровит весь организм. Этим я и занимаюсь в жизни, и, честно признаться, довольна», – ставит точку Анна.

Моя собеседница умело, как эквилибристка, балансирует между ноющей болью, спрятанной глубоко-глубоко, и чувством уверенности в себе. К слову, это фантастическое умение – устоять – помогло ей не просто справиться с новыми вызовами, но, смеясь им в лицо, строить безопасный мост для украинских граждан между Крымом и материковой Украиной. И пусть она идет по тонкому канату, но за ее спиной спокойно.

“

Для восстановления территориальной целостности Украины во внешней политике делается все. Трудно сделать что-то большее. В цивилизованном мире сказать, что Крым российский, – это очень сильно себе испортить репутацию. Ни один человек, который планирует будущее в политике, не может назвать Крым российским”

Крымский Бэнкси

Владимир Чекрыгин

Севастополь

ДОСЬЕ

Владимир Чекрыгин

ДО. Работал в водолазной компании. Участник Евромайдана в Севастополе, соорганизатор украинских акций в оккупированном Крыму.

ПОСЛЕ. Проектный менеджер в Крымской правозащитной группе.

Покинул Крым в сентябре 2014 года.

МЕЧТАЕТ, чтобы причастные к оккупации Крыма получили заслуженное и справедливое наказание.

“

Я прожил в Севастополе всю жизнь. Детство пришлось на 80-е годы, когда город был закрытым. Будучи ребенком, я лишь дважды слышал украинскую речь вживую. Первый раз женщина в троллейбусе попросила: «Зупиніть, будь ласка»⁸⁷!». Еще как-то раз, помню, девушка в очереди в магазине заговорила на украинском. Оба эти эпизода были настолько внезапными и необычными, что я навсегда запомнил мельчайшие детали – где в тот момент находился троллейбус или в каком отделе гастронома «Южный» все произошло. Мне так сильно понравилась фраза «будь ласка», что до сих пор в моей памяти хранится голос той женщины».

Владимир Чекрыгин

⁸⁷ «Остановите, пожалуйста» (укр.).

«Я давно занимал проукраинскую позицию, также был сторонником вступления в НАТО и вывода российского Черноморского флота в 2017 году. На мои взгляды очень сильно повлияла учеба в Киеве. Особенно знакомство с ребятами из всех уголков Украины. А до того в школе у меня даже украинского языка как предмета не было», – начал свою историю Владимир Чекрыгин.

Заметив мое удивление, Владимир начал терпеливо объяснять:

«Представь, ты живешь в среде, где на каждом заборе написано: «Крым – это Россия», ты постоянно слышишь истории про «бандеровцев», «руховцев», которые в 90-х годах приехали и подняли флаг Украины над каким-то катером. Ко всему прочему еще страшилки, что придут татары и начнут «резать». Эти мифы в закрытом городе Севастополе гуляли по кругу.

Тебе с детства рассказывают, какой это великий город, какую держал героическую оборону... Тут все себя считают особенными. Даже если там не родился, а приехал и лет 10 прожил, ты уже имеешь право называть себя севастопольцем, считать особенным».

В Крыму много людей за всю жизнь ни разу не ездили на поезде, говорит мой собеседник. Благодатная почва для пропаганды – когда варишься «в своем котле». Разве что молодежь была этому чуть менее подвержена: интернет, концерт, футбол, более широкий круг общения. Не удивительно, что в Севастополе до начала Евромайдана не существовало сильных проукраинских связей.

«Я совершенно случайно «ВКонтакте» наткнулся на пост, что один человек предлагал выйти на митинг в центре города в поддержку Евромайдана. На первой встрече нас было всего лишь двое, договорились выходить каждые выходные. Постепенно о нас узнавало все больше людей, становилось больше участников», – вспоминает Чекрыгин.

Уже тогда за ними начали следить. Но только когда активистов стало много и о них заговорили в новостях, началось противодействие.

«На тот момент нас еще охраняла милиция. Они становились кордоном и не допускали серьезных столкновений, хотя небольшие стычки были. Нас отлавливали уже после акции...

На Евромайдан в Севастополе приходило много людей пожилого возраста. Не только молодежь. Поддерживали и те, кто занимался бизнесом, – понимая перспективы, они действительно стремились к европейскому вектору. И хотя у большинства не было возможности поехать в Киев, мы на наших встречах собирали медикаменты, нужные вещи и передавали все на Майдан», – делится активист.

Евромайдан многих объединил – у Владимира завязался новый круг знакомств. Когда началась оккупация, – в городе появилась военная техника, первые попытки захвата военных частей, – проукраинские севастопольцы искали возможность помогать.

«Как-то мы попросили некоторых женщин передать сумки с продуктами к воинской части. Думали, на женщин кидаться не станут. Я помогал нести тяжелые сумки и попытался узнать, кто те люди, которые окружили воинскую часть. Вот я, говорю, севастополец, могу паспорт показать. А вы кто? Покажите мне ваши документы. Они сразу в крик: «Это провокатор!». Накинулись на меня, чуть под машину не спихнули – там была узкая проезжая часть», – вспоминает Чекрыгин.

С середины января 2014 года обстановка в Севастополе нагнеталась. Владимир наткнулся на группу «ВКонтакте» про самооборону города. Жуткая хроника одного дня. Он сохранил на память ее.

27 января 2014 года.

0:24. Затонированный «Богдан» (автобус) и «Эталон» выехали из города через Остряки.

1:03. Ребята, в районе проспекта Победы замечены около 15 парней в масках и с битами. Что-то разливали по бутылкам. Будьте предельно осторожными. Данные еще не подтвердились на 100%, но лучше быть начеку.

9:12. Нахимовская администрация, 3 автобуса, полвосьмого утра. Будьте бдительны, и да прибудет с вами Бог!

9:31. По поводу автобусов на «Омеге» – наши «шпионы» потолкались среди них, настроение там антимайдановское, так что там тихо пока.

10:30. Автобусы от Нахимовской администрации скрылись. Будьте бдительны!

10:58. «СРОЧНО! Из достоверных источников только что стало известно, что в Севастополь направлено 11 автобусов с фашистами-бандеровцами из Ивано-Франковска для захвата администрации и горсовета». Народ из разных источников разное количество автобусов, но факт есть факт – к нам едут эти уроды, будьте готовы!!!

22:07. Внимание. Поступила информация, что центр города кишит людьми, есть скопления около госадминистрации. Правоохранительные органы пока в стороне. Все, кто там, отпишитесь, правда или нет, и что там происходит.

22:09. ВНИМАНИЕ! Обстановка в центре накаляется, много украиноязычных людей продолжают появляться возле Нахимова! Возможен штурм сегодня! Все, кто там есть, будьте бдительны!

Владимир, как и его друзья, договорились не голосовать на так называемом «референдуме». И не они одни. Как вспоминает Владимир, те участки, куда он заглянул любопытства ради, были совершенно безлюдны.

«Я дважды, днем и вечером, проходил возле участков – никакого ажиотажа не было. А в семь часов, за час до их закрытия, по новостям показывают, мол, сокрушительная победа, явка более 90% и все «за», – комментирует Чекрыгин.

Владимир не собирался уезжать из родного города. Первый месяц после «референдума» он пробыл в какой-то прострации: не мог осознать, что все происходит на самом деле.

Чтобы развеяться, встречался с друзьями, вместе отмечали праздники с символикой Украины. Нередко выезжали на южный берег Крыма с украинскими флагами, с символикой на футболках и сумках. Они часто слышали удивленные возгласы: *«Ничего себе! Я тут не один!»*, некоторые даже фотографировались с флагом.

Приближался День Независимости Украины, и Владимир вместе с друзьями решили возле памятника Тараса Шевченко спеть гимн, украсить место желто-голубыми флагами. Однако в последнюю минуту пришлось все изменить – возле памятника было много полиции.

Активисты сместились чуть дальше – где ранее стоял памятник гетману Петру Сагайдачному. Самого гетмана уже сняли, но обелиск с надписями остался. Там они и провели свою акцию – слова гимна Украины прозвучали в оккупированном Крыму.

«Сколько народу набежало! Это был август, после трагических событий, когда был сбит «Боинг»⁸⁸, нервы на пределе... Началась стычка. Кто-то кричал: «Неси гранату!»... Вызвали полицию. А мы в машину – и уезжать. Навстречу выехал бобик. Он мне запомнился блестящим, начищенным, под завязку набитым спецназом. Очевидно, они были где-то недалеко, довольно резво приехали», – говорит Владимир буд-

⁸⁸ «Боинг-777» авиакомпании Malaysia Airlines, выполнявший рейс МН-17 Амстердам (Нидерланды) – Куала-Лумпур (Малайзия), сбили в небе над Донецкой областью 17 июля 2014 года. На его борту находились 298 человек, среди них – 80 детей. Все они погибли. 24 мая 2018 года международная Совместная следственная группа по расследованию объявила, что «Боинг» был сбит зенитно-ракетным комплексом «Бук» из 53-й бригады ПВО российской армии, который был доставлен на захваченную территорию Украины из Курска.

ничным голосом. Словно пересказывает сюжет незамысловатого детективного фильма.

Скрыться не удалось. Через некоторое время активисты заметили, что им «на хвост» села машина. Тогда водитель сделал короткую остановку, и все пассажиры разбежались по дворам. Чуть позже Виктора Неганова, который был за рулем, задержали. В полиции, не зная, что ему предъявить, через три часа отпустили. Парень сразу покинул Крым.

Вторая акция на День Независимости, на которую поспешил Владимир, планировалась в центре города. Участники хотели прикрепить флаг Украины к воздушным шарикам и запустить его в небо. На шариках оставили на украинском и крымскотатарском языках разные надписи – «Слава Украине!», «Единая страна».

«Мы припарковали микроавтобус на пустыре, сидели внутри прикрепляли шарики, когда нас заметили двое мужчин. Они стали кричать, записывать нас на видеокамеру, вызывать полицию. Мол, «бандеровцы» тут провокации устраивают», – говорит Владимир.

Снова пришлось все менять в последнюю минуту. Активисты запустили шарики в Балаклаве⁸⁹, записали все на видео, сделали фотографии и выложили в сеть. Так и поздравили Украину с Днем Независимости.

«Самое интересное, в Севастополе разные люди делали что-то свое в защиту нашей страны. Позже, в Киеве, я встретил своего знакомого Михаила Джамалю, который устраивал автопробег с украинскими флагами в городе. А я об этом узнал, только когда выехал.

Если честно, не всегда можно было знать, какую позицию занимает твой собеседник. Да и атмосфера была такая – не будешь ты ходить и афишировать свои проукраинские взгляды. Был даже сайт, на котором призывалось выкладывать всех «бандеровцев». Доходило вплоть до того, что размещалась информация, по какой дороге и в котором часу обычно человек едет на работу или ведет ребенка в садик... Если вспоминать Довлатова, у многих была тоска по доноительству», – объясняет Чекрыгин.

⁸⁹ Балаклава – населённый пункт на юго-западном побережье Крыма. До 1957 года имел статус города; в административном отношении является частью Балаклавского района Севастополя. Территориально отделён от остального Севастополя незастроенным пространством в несколько километров.

Вооруженные силы РФ без распознавательных знаков в Севастополе, 2014 год

День Независимости Украины. Балаклава, 2014 год

Конференция ОБСЕ по человеческому измерению.
Варшава, сентябрь 2017 года

Севастопольский Евромайдан, 2013 год

Однажды летом город Севастополь проснулся утром и увидел возле памятника затопленным кораблям свежую надпись – ПТН-ПНХ⁹⁰. Это было дерзко. Позже данное художество появилось «ВКонтакте». Вскоре крымские бэнкси⁹¹ стали писать аббревиатуру полностью: не все в Севастополе понимали ее значение.

С того момента Севастополь перед массовыми мероприятиями, такими как День российского флота, «украшался» новым напоминанием – оккупантов здесь не ждут. Рисовали ночью – коммунальные службы не успевали стирать.

Такой протест Владимир Чекрыгин совершал несколько месяцев. Однажды в сентябре, когда по всему Крыму отключили свет в результате аварии на материке, активисты решили воспользоваться ситуацией. Но отключение света сыграло им и злую шутку – не заметили пеший патруль, который был весь в черном. Их догнали и задержали. У одного из рисовальщиков нашли две банки краски.

«Конечно, сразу изъяли телефон. А у меня там все фотографии – надписи перед Домом офицеров флота, и памятником Екатерины, и на алее Городов-героев, там, где Москва... Телефон чудом стоял на пароле. Они начали его спрашивать, я отвечал, что не помню. Чем очень разозлил одного патрульного. Он тыкал мне в лицо свою дубинку, на которую была намотана «георгиевская» лента, и спрашивал: «Что, тошнит тебя от нее?». Никак не могли поверить, что мы местные, кричали: «Такого быть не может, чтобы из Севастополя – да против Путина!? Отвечай, с Майдана приехали?!» – рассказывает активист и добавляет:

«Нас продержали на Приморском три часа – фонариками светили набережную, искали надписи. Самое любопытное – нашли только

⁹⁰ ПТН-ПНХ – сокращение от «Путин, пошел нах*й». Мем был введен в употребление в марте 2014 года, после того, как эта надпись появилась на билборде, расположенном на трассе Киев-Борисполь. С тех пор эта надпись часто появляется в Украине на одежде и на номерах машин, пешеходных переходах, в музыке и во время лазерных шоу. ПТН-ПНХ может использоваться как синоним «Путин-Х*йло». Эту припевку придумали и впервые выполнили болельщики футбольного клуба «Металлист» в Харькове 30 марта 2014 года на совместном марше с фанами «Шахтера». Выражение приобрело популярность среди противников политики Владимира Путина как в Украине, так и за ее пределами, в том числе среди российских оппозиционеров.

⁹¹ Бэнкси – псевдоним скандально известного английского андерграундного художника граффити, политического активиста и режиссера, личность которого не установлена. Вокруг его биографии ведётся много споров. В конце 90-х годов он начал заниматься граффити и довольно долгое время действовал как обычный художник. Со временем его рисунки становились все более масштабными, и бежать от полиции становилось все сложнее. Однажды, прячась от английских полицейских, Бэнкси решил начать пользоваться трафаретами, чтобы экономить время.

две старые надписи. Приехал новый наряд. Один особо наглый – видимо россиянин, если судить по акценту, – аж подпрыгивал от радости:

- *«Сейчас вам 5 лет дадут! Это оскорбление президента! Осквернение памятников».*
- *Я говорю: «Так это же асфальт».*
- *А он, ухмыляясь: «Приморский бульвар – это сам по себе памятник».*

На место происшествия приехало много полицейских: *«Столько ресурсов брошено на выявление неугодных. Двое полицейских приходило и к моей сестре только потому, что она поставила лайк под постом про акцию на День Независимости в городе. Не поленились же выяснить личность, прийти...»*, – рассказывает Чекрыгин.

Активистов забрали в отделение. У Владимира при себе не было документов, и следователь, немного помявшись, отпустил его «под честное слово»: *«У тебя два часа – езжай за документами...»*. И Чекрыгин вернулся с паспортом, чем невероятно удивил правоохранителя.

«Я уже приготовился дальше сидеть, как он шикнул на меня: «Иди отсюда!»... Не знаю его мотивов, может, понял, что нам грозит, и какое-то сочувствие появилось? В общем, отпустил тогда. Но адвокат, к которому мы обратились, посоветовал срочно выезжать – начнутся допросы, а с моей пропиской могут вообще сразу поместить в СИЗО», – рассказывал Владимир.

Позже активисты узнали – дело не «заглохло»: приходили на работу, проводили обыск, проверяли принтера – на тот момент кто-то распространял листовки, и следователи искали зацепки.

Сначала Чекрыгин остановился в Ивано-Франковске – там ему первое время помогали... севастопольцы. До аннексии Крыма Владимир работал в водолазных компаниях, занимавшихся подводно-техническими работами: обследование и ремонт судов, гидротехнических сооружений, подводных трубопроводов, нефтяных вышек. Последние восемь лет до 2014 года занимал руководящие должности, отвечал за качество предоставляемых услуг. Но в Ивано-Франковске его опыт не был нужен, собственно, там и моря нет.

С чего начинать? Сбережений надолго не хватит... Вскоре его пригласили на семинар для крымчан по правам человека. Так он оказался в Крымской правозащитной группе.

«Тот семинар открыл для меня мир защиты прав человека. Я понял, что могу приносить реальную пользу своей стране и крымчанам, занимаясь правозащитной деятельностью. Понял, что правозащита – это, возможно, самый долгий и неочевидный путь к возвращению Крыма, но один из самых важных и эффективных.

Собирать информацию, документировать факты нарушения прав человека, анализировать, передавать данные в те структуры, которую могут повлиять на ситуацию. Например, вводить экономические санкции. Все это позволяет ощущать причастность к одному большому делу – процессу возвращения Крыма. Чувствовать, что ты продолжаешь борьбу за свой дом и оставшихся там людей.

Это трудно назвать работой. Правозащита очень сильно влияет на твое мировоззрение и образ жизни. Невозможно вечером просто закончить работу и перестать думать обо всех крымских «делах». О Владимире Балухе, например, которого я знаю лично. С одной стороны, это

тяжело, но с другой – это дополнительно мотивирует, особенно когда видишь, что и твои усилия помогли конкретному человеку с его бедой».

“

Какие сильные были эмоции, когда мы выезжали из оккупированного Крыма. Мы фотографировались возле каждого флага. Хотя в оккупации прожили всего полгода. Я пытаюсь представить, что чувствуют люди, которые не выезжали из Крыма вот уже пять лет и продолжают болеть за Украину?

По себе знаю, как важно видеть и знать, что ты не один. К слову, в Крыму действует целая система знаков, по которым люди могут понять, что перед ними их единомышленник. В магазинах размещают рядом товары желтого и синего цветов. На балконах вывешивают сушиться полотенца так, чтобы получился цвет флага. Сочетание национальных цветов в одежде. Всевозможные ленточки, брелоки, зажигалки с украинской символикой. И огромное количество надписей, испорченных билбордов и муралов с изображением оккупантов. Все это воодушевляет и придает сил для дальнейшего сопротивления.

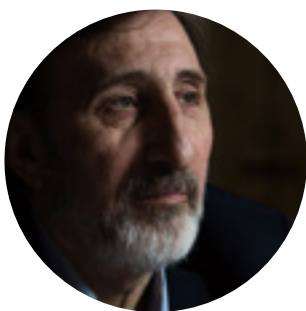
После того, как я оказался на материке, практически сразу появилась идея сделать флаг с надписью «Севастополь». Решил использовать флаг на массовых мероприятиях (футбол, концерты) и в путешествиях – к сожалению, немало тех, кто ничего не знает о сопротивлении крымчан на полуострове, некоторые даже удивляются, что мы уехали из Крыма, ведь «там же теперь так хорошо стало». А еще наш флаг – это способ морально поддержать тех, кто остался в Крыму.

Впоследствии мы еще начали делать фото с этим флагом у дипломатических учреждений РФ за рубежом (Хорватия, Польша, Исландия, Дания, Грузия, Чехия) и выкладывать в сеть. Крымчане реагируют на эти фото, пишут комментарии и личные сообщения. Для тех, кто в оккупации важно знать, что мы тут о них не забыли, не растворились в новой жизни, не опустили руки и продолжаем бороться за их возвращение”.

Патриот

Синавер Кадыров

Симферополь

ДОСЬЕ

Синавер Кадыров

Участник крымскотатарского национального движения, последний политический заключенный СССР, один из организаторов Всекрымской конференции.

Покинул Крым в январе 2015 года.

МЕЧТАЕТ о крымскотатарской государственной автономии в составе Украины.

“

Когда речь идет о России и ее политике, часто слышится пренебрежительное, мол, это Азия, что с нее возьмешь... Правильно ли это? Азия очень разная. Азия – это и Япония, и Китай. Что мы знаем об Азии?

Мы находимся в плену стереотипов европейской цивилизации. Однако она очень молодая в сравнении с азиатской – так почему же мы позволяем себе такое пренебрежение?”

Синавер Кадыров

«Я не скрываюсь. Не воруя. Не занимаюсь какими-то криминальными делами. А свобода слова – она же и в России провозглашена... Почему вы меня остановили? В чем проблема?» – спрашивал на крымской админгранице Синавер Кадыров у ФСБшников.

Активист крымскотатарского национального движения Синавер Кадыров прямо смотрел в глаза задержавшим его людям. Как у бывшего политического заключенного СССР, их немало было на его веку.

СБУшники, перекрашенные в крымских ФСБшников, его особо не трогали. Они прекрасно знали Синавера-ага: чем он занимается, его взгляды и его участие в крымскотатарском национальном движении. А поскольку в последнюю каденцию он не попал ни в состав нынешнего Курултая крымскотатарского народа, ни в члены Меджлиса, то и вовсе старались не замечать.

Другое дело российские ФСБшники, приехавшие в Крым. Эти не упустили возможность «побеседовать» с Синавером Кадыровым, когда он ехал на выездное заседание Меджлиса летом 2014 года⁹².

Синавер Кадыров говорил о свободе слова.

17 января 2015 года в Симферополе он участвовал во Всекрымской конференции, на которую приехало почти полсотни представителей крымскотатарского народа. Мероприятие пытались сорвать с помощью местных титушек, но оно все же состоялась, были приняты важные документы, адресованные президентам Украины, Турции, Генсеку ООН. Но только не России.

«Прими мы хоть один документ на имя Путина, может быть, ситуация сложилась бы по-другому. Но мы демонстрировали, что Россия для нас нежелательна. И в ФСБ не могли этого не отметить. Ведь эти сорок участников конференции, вернувшись домой, расскажут о ней своим родным, друзьям, соседям и всем своим видом будут заряжать других. Наши идеи будут расходиться, как круги по воде. И они это прекрасно понимали», – говорит мой собеседник.

⁹² Тогда же главе Меджлиса крымскотатарского народа Рефату Чубарову вручили уведомление о запрете въезда на территорию Крыма.

Через пару дней после встречи с соратниками он еще успел пообщаться с французскими журналистами, ездил с ними по самостроям⁹³. А в ночь на 23 января выехал на материковую Украину, где на админгранице узнал, что уже не въездной в Крым. Решением суда г. Армянска от 23 января 2015 года его выдворили из родной земли. Кадыров до сих не знает, связано ли выдворение с проведением конференции – но других разумных объяснений у него нет.

Он искренне удивляется, говорит, что решение о его выдворении из Крыма совершенно глупое. А я понимаю, почему его боятся. Не физически. В его взгляде – столько доброты, силы и мудрости, что человеку слабому, подлому или нечестному трудно это выдержать. Когда вся система прогнившая, она из-за страха выгоняет свободолюбивых, не в состоянии их побороть или сломать.

Синавер Кадыров, улыбаясь своей магнетической улыбкой, рассказывает мне о Крыме.

«Если постараться быть честным в историческом плане, Крым – это один из регионов, который является основателем тюркско-исламской цивилизации. Для крымских татар это гнездо, наша скорлупа, наш ареал, из которого мы произошли и в котором нам духовно комфортно».

Украинские историки все еще находятся в плену российской школы историографии, хоть и стараются представить себя независимыми. И та история Украины, которую подают нам как украинскую, по сути, еще остается осколком большого мифа «русского мира», где в части про Украину уже есть небольшие изменения».

По сути, роль Крыма для Украины очень и очень значима. К сожалению, на сегодня ни один из украинских историков не взял на себя смелость проработать темы: «Роль Крымского ханства в становлении украинского государства» или же «Тюрки в этногенезе украинского этноса». Для этого надо быть всего лишь честным, незаангажированным ученым и, по возможности, углубиться в исторические материалы».

⁹³ Здания, построенные без разрешительных документов. После возвращения из депортации такие дома часто строили крымские татары, не имея возможности вернуть утраченное до депортации имущество.

Свободолюбие – черта украинца, которая отличает его от русского. Козаки были наиболее свободолюбивыми – сказывается тюркская примесь. В этом они очень схожи с татарами. Сам образ жизни делал их такими. Скотоводу для того, чтобы прокормить свой скот, требовались обширные площади. И, между прочим, они все знали границы своих территорий, не выходили за ее пределы. А если выходили, то начиналась война. Так и закладывались принципы взаимоуважения. А еще потому, что сосед мог дать отпор – и кто выживет, неизвестно».

Я, затаив дыхание, слушала, а Кадыров повторял: чтобы найти честные ответы, нужно глубокое погружение в свою историю.

«Украина еще сама очень молода. Еще не утвердившись как государство, она тратила очень много средств и сил на нашу ассимиляцию, – замечает мой собеседник. – Мы боролись с «советами» против ассимиляции. И при независимой Украине продолжили это, но часто вынуждены были себя сдерживать, чтобы наши общие враги не смогли использовать ситуацию во вред Украине. В Киеве, видимо, это читалось как слабость крымских татар. Иначе как объяснить, что Украинское государство так отчаянно противилось восстановлению наших прав, не только политических, но и гуманитарных? Открытие классов с изучением крымскотатарского языка превращалось в непреодолимую проблему. Исторические названия населенных пунктов в Крыму, переименованные после депортации коренного крымскотатарского народа, так и остались не восстановленными. А это наша крымскотатарская история. В учебниках по истории Украины нас по-прежнему называли разбойниками и варварами, от которых не знала покоя украинская земля, а в СМИ активно обсуждался вопрос упразднения статуса автономии в рядовую область и переименования полуострова Крым в Тавриду. И нас в очередной раз ограбили, когда власть передала послевоенным переселенцам в собственность земли, принадлежащие нашему народу.

Но есть разница между понятиями «народ» и «правительство». Крымскотатарское национальное движение всегда разделяло их, и никогда преступление, совершенное властью, не ставило в вину народу. Поэтому в какой-то мере мы были вынуждены сдерживать себя и не реагировать на глупость и провокационное поведение украинских чиновников, а больше продвигать в Крыму идею независимости Украины».

На публичной дискуссии о годовщине оккупации Крыма. В КНУ им. Тараса Шевченко.
Киев, май 2015 года. На фото – Тамила Ташева и Синавер Кадыров

Синавер Кадыров у посольства РФ на акції в піддержку Ільми Умерова
після винесення приговора. Київ, вересень 2017 року

Как бы жестоко не звучало, оккупация и война толкают на переосмысление важных вещей. Словно организм мобилизует свои внутренние силы, чтобы бороться с болезнью.

«Нас приручили объединяться не с целью решения проблемы, а во-круг власти. А власть всегда немножко продажная. Поэтому мы никак не можем выкарабкаться. Политика превратилась в бизнес. Выборы требуют колоссальных материальных затрат. «Нормальные», идейные люди не имеют этой возможности. И никто, просто из вежливости, не пропустит их вперед.

Парадокс всех предыдущих революций в Украине – не обладая властью, не изменить государство, получив власть – не торопиться менять государство. Не потому ли Майдан проигрывает? Майдан ценою жизни многих людей заменил власть. Люди свою задачу выполнили, а те, которых продвинули во власть, должны быть ответственны. Но они такие, какие они есть. Поэтому оказывается, мы в очередной раз шли не туда. И опять по-новому. Вина общества в том, что, приведя людей к власти, самоустраняются – уходят, не контролируют...», – комментирует Кадыров.

...К встрече с Синавером Кадыровым я подготовила длинный список вопросов. Последний политзаключенный СССР, участник крымскотатарского национального движения, один из первых активистов, которому запретили въезд в Крым, дедушка 10-месячного внука... Синавера-ага можно слушать часами. Он удивительный собеседник – интересный, глубокий, заботливый.

«Вы пейте кофе, он остывает», – улыбается мне Кадыров.

Я шла к нему на встречу, чтобы открыть что-то новое о крымских татарах, но получила намного больше – узнала о себе самой, узнала об Украине и украинцах.

Вся его жизнь – это борьба. Не жалеет ли он о том? Крымский татарин пожимает плечами: сама философия жизни – это борьба. Каждый человек борется, когда принимает решения. Другое дело, осознает ли он эту борьбу?

«Для меня было важно решение национального вопроса. Не уставал повторять: «Я – составная крымскотатарского мира». Не смогу

быть, если исчезнет этот мир. Поэтому, когда случилась аннексия, я не воспринимал это уж слишком трагично и не впадал в панику – борьба продолжается. Но мне стало очень обидно – сколько времени будет потрачено!

Моя мечта – реализация нашей национальной идеи, а именно: восстановление своей государственности. В сегодняшних условиях мы это рассматриваем как национально-территориальное государственное образование в составе Украины, национально-территориальную автономию крымских татар.

Человек осознает себя значимым, когда защищает слабого. Украина как государство могла бы стать защитником крымско-татарского народа, представлять его интересы в мире. Убежден, что это психологически очень сильно перестроило бы украинцев и Украину в целом.

А решишь наш национальный вопрос, я бы с удовольствием занялся, может быть, наукой, или отдыхал. Наслаждался бы совершенно другими вещами. Я же не мазохист...», – говорит Кадыров.

“

Родительский долг – не значит просто родить и оставить ребенку наследство. Важно – что оставить? На мой взгляд, нужно оставлять в наследство свободу и условия, при которых ребенок может развиваться.

Деньги не всегда дают эту свободу. Все ли наши олигархи свободны? Вряд ли. Они несвободны, потому что, как правило, заработали свои деньги нечестно – и, если сделают один неверный шаг, все их богатство отберут.

Поэтому я считал, что должен для своих детей оставить возрожденную Родину. Сначала добиться ее восстановления, а потом сделать свободной и богатой”

Голос

Тамила Ташева

Киев

ДОСЬЕ

Тамила Ташева

ДО. Занималась пиаром и коммуникациями. Последнее место работы – пиар-менеджер группы «ТіК».

ПОСЛЕ. Соорганизатор и координатор «Крым-SOS». Живет в Киеве.

МЕЧТАЕТ в свободном Крыму утром выпить маминого кофе.

“

До оккупации Крыма я понимала, что представление о крымских татарах в Украине нулевое. Максимум, когда о нас говорили, – это 18 мая, в день депортации нашего народа.

Еще о крымских татарах могли вспоминать туристы, мол, в Крыму попробовали самые вкусные чебуреки или подвез хороший водитель-татарин. Но такие летние воспоминания меня, если честно, обижали. Потому что крымские татары – это не самса, чебуреки и вежливые таксисты. Это старинная культура, корни которой глубоко в украинской истории и навек переплетены с Украиной. Послушайте крымскотатарскую музыку, как она созвучна с украинскими мотивами! Посмотрите на узоры вышиванок и ковров – они так похожи!”

Тамила Ташева

Март 2014 года. Киев, станция метро Арсенальная. Шел дождь со снегом, и меня знобило. В то время было холодно всегда... Я спешила на интервью к Тамиле Ташевой – инициаторке «Крым-SOS». Этой организации всего неделя от роду, а подписчиков на их страничке Facebook уже около 35 тысяч. Тогда мало кто понимал, что происходит на полуострове, а в «Крым-SOS» можно было узнать новую, и что главное – проверенную информацию.

С Тамилей было легко общаться. Но у этой красивой молодой девушки со жгуче-черной копной волос и звонким голосом были красные от перенапряжения глаза. Тамила и ее коллеги работали нон-стоп, на сон совсем не оставалось времени.

Позже, отбирая фотографии к статье, я поняла, что не успеваю, да собственнно и не хочу «делать» ее глаза «отдохнувшими». Это было бы неправдой.

Тогда Ташева сказала мне одну важную вещь: «Крым-SOS» реагирует на запросы в режиме «здесь и сейчас». Но в будущем ее цель – рассказывать миру, кто такие крымские татары, объяснять их политический выбор, представлять красоту и силу этого народа.

Мы не очень долго говорили, но сказанное меня зацепило. Едва ли не впервые я задумалась: зачем нужно было случиться оккупации, чтобы начать открывать для себя неповторимое сплетение двух культур – крымскотатарской и украинской?

Сегодня правозащитница напомнила мне ту светлую беседу. Как тогда, так и сейчас она с глубоким уважением и любовью говорит о двух народах, и каждый для нее родной, неотъемлемый.

«Когда мы только начинали, в «Крым SOS» стали приходить письма от украинцев. Они писали, что очень бы хотели помочь крымским татарам, потому что это братский народ. До оккупации ничего подобного я не слышала», – рассказывает Ташева.

«Крым-SOS» родился в ночь на 27 февраля 2014 года записью в Facebook, что в Симферополе происходит захват административных зданий, город оцепляют «зеленые человечки». Инициаторами стали трое крымчан – Тамила Ташева, Севгиль Мусаева⁹⁴ и Алим Алиев⁹⁵ – они пытались разобратсья сами и информировать других.

⁹⁴ Севгиль Мусаева – украинская журналистка крымскотатарского происхождения, главный редактор онлайн-издания «Украинская правда». В 2011—2013 годах была корреспондентом журнала «Forbes Украина», в 2014 году запустила деловое интернет-издание Hubs и была его главным редактором. Одна из сооснователей инициативы «Крым-SOS».

⁹⁵ Алим Алиев – гражданский активист крымскотатарского происхождения, один из сооснователей инициативы «Крым-SOS». До оккупации работал в консалтинговой компании «Pro.Mova», проживал во Львове, позже координировал львовское направление «Крым SOS». На момент публикации книги – программный директор «Крымского дома» в Киеве.

«Многое тогда мы делали на интуитивном уровне. И это мы – у которых сотня «живых» контактов по Крыму, личные знакомства с ведущими украинскими журналистами, блогерами, общественными деятелями, музыкантами. А другие знали еще меньше. Тогда мы решили в соцсетях публиковать достоверную, проверенную информацию. Думали, это ненадолго», – печально улыбается девушка.

Однако инициаторы «Крым-SOS» очень скоро поняли, что необходимо больше, чем информирование. Уже с первых дней, по словам Тамилы, они начали помогать крымчанам выезжать из Крыма. Девушка шутя отмечает, что 2 марта 2014 года приняли в Киеве первого официального переселенца из Крыма. Им стал известный крымскотатарский художник Рустем Скибин⁹⁶.

Начиная с первых чисел марта на материковой Украине появились первые крымские переселенцы – военные с семьями, журналисты, активисты и просто несогласные с оккупацией крымчане. Большинство из них нуждались в помощи. Так, организация за очень короткое время из информационного центра превратилась в центр помощи людям, выезжающим из Крыма, а позднее, в апреле, и из Донбасса.

«Крым-SOS» из маленькой инициативы, которая объединила вокруг себя десятки волонтеров по стране, к лету 2014 года стала исполнительным партнером Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. «Крым-SOS» начал заниматься помощью системно, а не в режиме «тушения пожара».

Тамила говорит, что за 5 лет деятельности организации может вспомнить не один десяток историй, которые добавляют энергии в тяжелые дни. К примеру, в первую волну выезда из Крыма и восточной Украины переехало и много семей с детьми. Вскоре выяснилось, что они совсем не готовы к школе. Как им помочь? «Крым-SOS» решил провести аукцион детских рисунков и на вырученные деньги купить школьникам обувь.

⁹⁶ Рустем Скибин – крымскотатарский керамист, художник и этнограф. С 1996 по 2000 год работал главным художником на керамическом предприятии «Таврика» в Симферополе. На основе орнаментов крымскотатарской вышивки, собранных и расшифрованных художником и искусствоведем Мамутом Чурлу, Рустем Скибин создал собственный стиль полихромной росписи керамических изделий, которая продолжает традиции крымских татар. После оккупации Крыма выехал в Киев с семьей и большой коллекцией вещей и произведений искусства, которые имеют ценность для сохранения культуры крымскотатарского народа.

«Дети рисовали свои мечты, это было безумно трогательно. А среди покупателей находились те, кто не жалел 1000 гривен за их нехитрые рисунки. Тогда мы обеспечили больше 100 школьников хорошей качественной обувью», – вспоминает Ташева.

Однажды к ним обратилась семья из восточной Украины. Дочка играла на скрипке. Она должна была ехать на международный конкурс, но у нее не было инструмента. Тогда «Крым-SOS» удалось собрать деньги и купить скрипку для юной музыкантки. А через полгода к ним позвонила мама и с благодарностью в голосе сказала, что ее девочка выиграла конкурс.

«В этих маленьких историях я вижу не только радость в глазах людей, которым мы помогаем, но эту огромную вовлеченность обычных украинских граждан и их готовность поддерживать друг друга», – с теплотой говорит Тамила и продолжает:

«А какие письма нам писали в начале марта 2014! Одна пара, проживавшая в Днепропетровской области, приглашала к себе одного-двух крымских переселенцев. Они сами жили в двухкомнатной квартире вместе с двумя детьми и собакой, были в стесненных условиях, но очень хотели помочь.

Или Олег Скрипка пригласил пожить в своем загородном доме крымско-татарскую семью. Но кто об этом знает? Как и о сотни других добрых дел? Когда читаешь такие письма – слезы наворачиваются на глаза».

Хоть новости из Крыма, как правило, поступали не очень радостные – снова задержали активистов, очередные проигранные дела в суде, – но то, как там люди держатся, придавало сил.

«Крым-SOS» принимал участие в акции по сбору средств на оплату штрафов крымским татарам, которых привлекли к административной ответственности за одиночные пикеты. Все эти деньги – больше миллиона рублей – были обменены на 10-рублевые монеты⁹⁷.

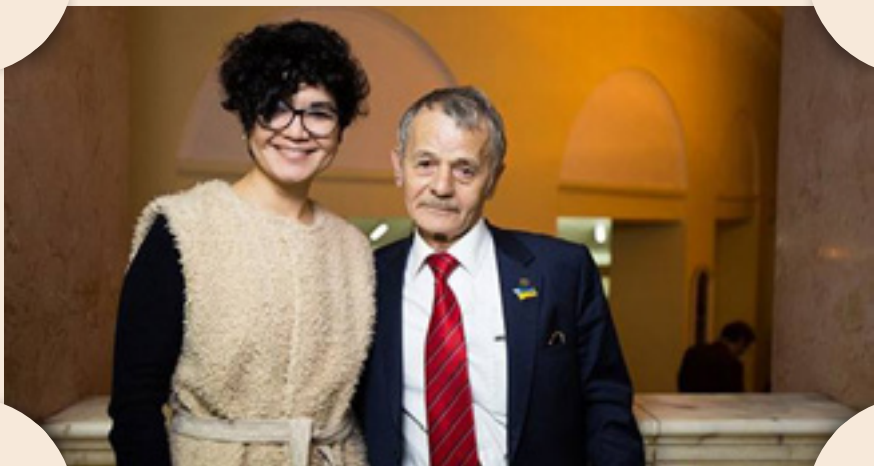
⁹⁷ Акция «Крымский марафон» была объявлена инициативой «Крымская солидарность» в конце июля 2017 года. Ей предшествовали два решения Бахчисарайского суда о взыскании по 150 тысяч рублей с крымскотатарских активистов Эмиля Билялова и Османа Белялова. Ранее они приходили поддержать своих соотечественников во время обысков в Бахчисарае, проводимых российскими силовиками. В итоге их действия были квалифицированы оккупационными властями как несанкционированный митинг. Для семей активистов такие штрафы неподъемны, поэтому для их поддержки была организована акция по сбору средств. Пожертвования активисты принимали 10-рублевыми монетами. За первый месяц удалось собрать 826 тысяч 100 рублей. Вторая аналогичная акция позволила почти за месяц собрать около 2 миллионов рублей. Эта сумма стала рекордом пожертвований, когда-либо собранных на полуострове за столь короткие сроки. Этими средствами активисты оплатили штрафы участникам одиночных пикетов против репрессий в отношении крымских татар и мусульман.

Активисты на акции в поддержку крымскотатарского канала ATR.
Слева направо – Рустем Скибин, Тамила Ташева, Джамала. Киев, март 2015 года

На акции о пропавших крымских активистах. Киев, январь 2015 года

Тамила Ташева и лидер крымскотатарского народа Мустафа Джемилев

Тамила Ташева с певицей Джамалой

К сбору денег подключился Крым, Киев, вся Украина. В Крыму в банк реально несли ведра с монетами. Так что даже оплачивая штрафы, крымские активисты заявляли о своем несогласии к ограничению свободы.

Сегодня «Крым-SOS» старается показать не только трагедию крымских татар, но и рассказывать о них как о европейском народе, которому есть что сказать в литературе, музыке, танце, киноискусстве. Мир, перенасыщенный войнами и репрессиями, нуждается в духовной силе музыкантов, артистов, режиссеров. Может, потому цепной реакцией от сердца к сердцу звучала песня Джамалы⁹⁸ на международном песенном конкурсе «Евровидение-2016».

«То, что Джамала сказала своим исполнением, – не просто про депортацию 1944 года. Она открылась миру, поведав о трагедии своей семьи и своей личной трагедии. Но будет расцвет, как расцветает красивое дерево, имеющее сильные глубокие корни...», – почти неслышно говорит Ташева.

Тамила сдержала свое слово: на протяжении пяти лет на многих международных площадках она говорит о Крыме и крымскотатарском народе, о его будущем с Украиной. Это уверенный, полный силы голос. Каждый раз я вижу в ней ту девушку с уставшими глазами – готовую не спать ночи напролет, но выполнить данное себе когда-то обещание.

Однако пятилетняя информационно-культурная борьба в безумном темпе не прошла без последствий. Физическое истощение, хроническая усталость, болезненная чувствительность к любым просьбам. Короткий отдых уже не помогал. Девушка ушла в тишину. Но вскоре она стала получать письма, где беспокоились уже о ней, спрашивали, не нужна ли ей помощь...

«Тогда я за много-много дней почувствовала, насколько важна та работа, которую мы делаем в «Крым-SOS». Например, для защиты адвоката Эмиля Курбединова, когда его в декабре арестовали по обви-

⁹⁸ Сусана Джамаладинова, известная как Джамала, – украинская певица крымскотатаро-армянского происхождения, народная артистка Украины. Исполняет песни в жанрах джаз, соул, фанк, фолк, поп и электро, а также принимает участие в оперных постановках и шоу. В 2016 году одержала победу на 61-м конкурсе песни «Евровидение 2016» в Стокгольме с песней «1944» о депортации крымских татар.

нению в якобы экстремистской деятельности, мы, объединив усилия с другими правозащитниками, писали обращения в разные инстанции. И когда европейские чиновники по твоему тексту готовят свои заявления, и это влияет на то, чтобы освободили одного из ключевых адвокатов – это, несомненно, вдохновляет.

Я не могу сказать: мне надоело, я ухожу. Потому что люди в Крыму себе такого позволить не могут. Они тоже не отдыхают вот уже пять лет. Юристы, адвокаты ведут сотни дел, многие «обычные» люди приходят на судебные заседания, чтобы высказать свою поддержку обвиняемых в преступлениях, которых они не совершали...

Когда-то Севгиль Мусаева сказала: мы думали, что находимся на спринтерском забеге, а оказалась, мы вышли на марафонскую дистанцию и необходимо сохранять силы намного дольше. Поэтому так нужно то, что тебя живет – чтобы преодолеть эту изнурительное расстояние.

Но только недавно я поняла, как мне важен такой источник силы... Семья, друзья, личный досуг, духовные практики – все это отошло на второй план. И все это мне пришлось возвращать», – медленно произнесла моя собеседница.

Тамилу часто спрашивают: ты до сих пор в «Крым-SOS»? Ведь у нее такой большой опыт в пиаре и коммуникациях, в общественной сфере. После Оранжевой революции 2004 года возглавляла симферопольскую ячейку Фундации региональных инициатив – на тот момент мощнейшей организации, которая занималась поддержкой молодежного движения и подготовкой молодых лидеров.

ПЕРЕЕХАВ 12 лет назад из Крыма в Киев, активистка уделяла большое внимание культурным и образовательным проектам. Работала в украинском парламенте, позже в музыкальной и издательской сфере. Сотрудничала с известными украинскими исполнителями, в том числе как пиар-директор винницкой группы «TiK». Работала с Олегом Скрипкой и на протяжении пяти лет организовывала на фестивале «Країна мрій»⁹⁹ крымскую сцену. Приглашая выступать крымскотатарских исполнителей, она открывала Украине музыкальную красоту одного из коренных народов Крыма. С ее легкой руки на главной сцене выступали талантливая крымскотатарская певица Эльвира Сарыхалил, харьковская группа Sunsay, которых удалось соединить в одном музыкальном украино-крымскотатарском проекте.

После снятия острого болевого синдрома она с легкостью могла бы вернуться в коммерческий пиар, зарабатывать большие деньги. Но для девушки отпустить Крым – все равно что отказаться от своих жизненных идеалов, принципов, от людей, которые там живут.

«Крым для меня – это вдохновение и боль. Это место силы. Как и «Крым-SOS» – это не просто организация, это что-то очень личное... Поэтому последние пять лет все мои мысли и вся деятельность направлены на то, чтобы приблизить свою мечту.

А моя мечта – это свободный Крым. Я мечтаю приехать домой, где уже не была пять лет, пройтись по улицам родного Бахчисарая, залезть на скалы... Знаешь, над Ханским дворцом есть плато, я бы хотела

⁹⁹ «Страна мечтаний» (укр)

просто там сидеть, наблюдать за суетящимся городом и слушать, как муэдзин¹⁰⁰ зовет на молитву. Быть там, дышать этим воздухом, смотреть на крымское небо...

Когда я бывала дома, мне мама каждое утро готовила кофе – ее кофе с неповторимым вкусом. И я очень хочу, чтобы настало утро, где я в Крыму и мама готовит мне свой кофе...».

“

Я часто слышу от молодых парней и девушек, мол, мы поколение Z, мы живем в глобальном мире, можем ездить куда угодно, обучаться хоть на краю света... И я спорю с ними: да, вы можете для своего совершенствования или будущего делать все, что пожелаете, но частичку себя вы обязаны отдавать Крыму. Иначе мы так Родину не вернем. Крым рано или поздно будет деоккупирован. И отстраивать его придется именно нам”.

¹⁰⁰ Муэдзин – в исламе служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву (намаз).

Ирина Виртосу

КРЫМСКИЙ АЛЬБОМ: ИСТОРИИ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

Редакторка і авторка ідеї: *Тетяна Печончик.*

Фотограф-постановниця: *Валерія Мезенцева.*

Коректорка: *Юлія Патлань.*

Верстка і дизайн – *Павло Резніков.*

Layout: *VerstkaStudio*

Підписано до друку 18.03.2019

Формат 60х90/16. Шрифт DinDisplay.

Папір офсетний. Друк офсетний.

Тираж 200 примірників.

КРЫМСКИЙ АЛЬБОМ: ИСТОРИИ ПРАВООЗАЩИТНИКОВ

ISBN 978-966-2403-14-5

9 789662 403145 >

Об авторе

Ирина Виртосу – журналистка Центра информации по правам человека.

Окончила Институт журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Автор статей о правах человека, публикуется в таких изданиях, как «Украинская правда», «Радио Свобода», «Зеркало недели», «День» и др.

Выпускница Всеукраинской образовательной программы «Понимаем права человека» и международной программы International Visitor Leadership Program (США).

Обожает творчество Сомерсета Моэма и Сергея Довлатова.

Во время оккупации в марте 2014 года была в Крыму:

«...9 марта 2014 года. Еду в Симферополь, поезд опаздывает на 20 минут. Звонок встречающей меня Алены Луневой: «Ира, ты только не волнуйся. У нас тут на вокзале дружинники проверяют вещи. Так что куда-то глубоко спрячь свой фотоаппарат и журналистское удостоверение».

Действительно, на выходе с перрона, где остановился поезд №28 Киев–Севастополь, стояли крепкие мужчины с красными повязками. Обнимаю подругу, отдаю свой тяжелый рюкзак с аппаратурой ее мужу, а потом думаю – может, забрать: девушек вроде не проверяют... Позже я узнала, что буквально за 15-20 минут до моего прибытия были похищены крымские активисты Андрей Щекун и Анатолий Ковальский.

Так началась моя серия репортажей для «Радио Свобода» в рубрике «Крымские дневники». Тогда мало кто понимал, что происходит. Любые сообщения очевидцев были на вес золота.

События разворачивались очень быстро. Мы посещали митинги, наведывались в воинские части, слушали маршрутки и радио. На улице сознательно выбирали людные места, постоянно оглядывались, старались не использовать в одном предложении «взрывоопасные» слова «Меджлис», «Майдан», «Грушевского».

В Крыму я была меньше недели, но, казалось, будто прожила месяц – по несчетному количеству встреч с разными людьми, непрерывных разговорах о ситуации в Украине, по силе эмоций. Тяжелый, тревожный месяц. А еще было страшно: в первую очередь, от непонимания, что же все-таки происходит.

Готовив материалы для «Радио Свободы» и Центра информации по правам человека, я словно сверяла часы – еще тут, еще пишу, еще Украина ».